

ИНТЕЛЛИГЕНЦИЯ И МИР

Российский междисциплинарный журнал социально-гуманитарных наук

Зарегистрирован в Федеральной службе по надзору за соблюдением законодательства
в сфере массовых коммуникаций и охране культурного наследия
(Свидетельство о регистрации *ПИ № ФС 77-21093*)

*Журнал включён ВАК РФ в Перечень ведущих рецензируемых научных журналов
и изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты
диссертаций на соискание учёных степеней кандидата и доктора наук
(ред. от 19.02.2010 г.).*

2012

Ежеквартальное издание

№ 3

Основан в 2001 г.

Проблемным Советом РФ «Интеллигенция. Культура. Власть»

**Министерство образования и науки Российской Федерации
ФГБОУ ВПО «Ивановский государственный университет»**

Редакционная коллегия

доктор исторических наук, профессор **В. С. Меметов** (*главный редактор*)
доктор политических наук, профессор **Ю. М. Воронов**
доктор философских наук, профессор **Г. С. Смирнов**
доктор исторических наук, профессор **С. М. Усманов**
(*заместитель главного редактора*)
кандидат исторических наук **А. К. Калинин**
кандидат исторических наук, доцент **В. В. Комиссаров**
кандидат исторических наук, доцент **Н. Г. Юркин**
(*ответственный секретарь*)

*Издаётся НИИ интеллигентоведения
при Ивановском государственном университете*

Точка зрения авторов публикаций может не совпадать с мнением редакционной коллегии.
Перепечатка без разрешения редакции журнала «Интеллигенция и мир» не допускается.

*Электронная копия журнала размещена на сайтах
www.elibrary.ru, www.ivanovo.ac.ru, www.cceeol.com*

Подписной индекс
в каталоге «Пресса России»
41533

© НИИ интеллигентоведения при ИвГУ, 2012
© ФГБОУ ВПО «Ивановский
государственный университет», 2012

ISSN 1993-3959

INTELLIGENTSIA AND THE WORLD

Russian Interdisciplinary Journal of Humanities

Registered by Federal Service for Control of Observation of the Law
on Mass Communication and for the Preservation of Cultural Heritage
(Registration License *ИИ № ФС 77-21093*)

*The journal is peer-reviewed and recommended by the Supreme Attestation Commission
of the Russian Federation to publish main results of Doctors
and Candidatas of Sciences' dissertations (issued on 19/02/2010)*

2012

Quarterly

№ 3

**Founded in 2001 by the Council of the Russian Federation
on the Problem of Intelligentsia, Culture and Power**

Ministry of Education and Science of the Russian Federation

Ivanovo State University

Editor-in-Chief Prof. **Valery S. Memetov**, Dr. of History

Editorial Board

Prof. **Yury Voronov**, Dr. of Politics

Prof. **Grigory Smirnov**, Dr. of Philosophy

Prof. **Sergey Usmanov**, Dr. of History (*Deputy Editor-in-Chief*)

Alexander Kalinin, Cand. of Sc. (History)

Assoc. Prof. **Vladimir Komissarov**, Cand. of Sc. (History)

Assoc. Prof. **Nikolay Yurkin**, Cand. of Sc. (History) (*Secretary of the Board*)

*Edited by the Research Institute on Intelligentsia Studies
at the Ivanovo State University*

The authors' views may differ from the viewpoint of the Editorial Board.
No reprints without the Editorial Board permission allowed.

*The e-copy of the issue can be accessed at
www.elibrary.ru, www.ivanovo.ac.ru, www.cceol.com*

Subscription index
in catalogue «Press of RF»
41533

© Research Institute on Intelligentsia Studies
at the Ivanovo State University, 2012
© Ivanovo State University, 2012

Редакционный совет

В. С. Меметов, Ивановский государственный университет (председатель Редакционного совета); **А. И. Аврус**, Саратовский государственный университет; **Амвросий (Щуров)**, Архиепископ; **В. Р. Веселов**, Костромской государственный университет; **В. С. Волков**, Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена (Санкт-Петербург); **Ю. М. Воронов**, Ивановский государственный архитектурно-строительный университет; **М. Е. Главацкий**, Уральский государственный университет (Екатеринбург); **А. А. Данилов**, Московский педагогический государственный университет; **В. Н. Егоров**, Ивановский государственный университет; **Э. Б. Ершова**, Государственный университет управления (Москва); **С. С. Загребин**, Челябинский государственный педагогический университет; **О. В. Золотарёв**, Коми государственный педагогический институт (Сыктывкар); **А. В. Квакин**, Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова; **Г. Н. Кныш**, Днепрпетровский национальный университет (Украина); **И. В. Кондаков**, Российский государственный гуманитарный университет (Москва); **М. И. Кондрашёва**, Уральская государственная юридическая академия (Екатеринбург); **Г. В. Корзенко**, Институт истории Национальной Академии наук Беларуси (Минск); **В. А. Мансуров**, Институт социологии РАН; **И. И. Осинский**, Бурятский государственный университет (Улан-Удэ); **В. А. Порозов**, Пермский государственный педагогический университет; **В. Г. Рыженко**, Омский государственный университет; **И. В. Сибиряков**, Южно-Уральский государственный университет (Челябинск); **Ф. Х. Соколова**, Поморский государственный университет им. М. В. Ломоносова (Архангельск); **В. Л. Соскин**, Сибирское отделение ИРИ РАН; **Талгат Таджуддин**, Центральное Духовное Управление мусульман России и Европейских стран СНГ; **С. А. Филатов**, Конгресс интеллигенции РФ; **Р. Г. Яновский**, Институт социально-политических исследований РАН.

Editorial board

V. S. Memetov, Ivanovo State University (Chairman of the Editorial Board); **A. I. Avrus**, Saratov State University; **Amyrosiy (Tshurov)**, archbishop; **V. R. Veselov**, Kostroma State University; **V. S. Volkov**, Herzen State Pedagogical University of Russia (St. Petersburg); **Y. M. Voronov**, Ivanovo State Architectural University; **M. E. Glavatskiy**, Ural State University (Ekaterinburg); **A. A. Danilov**, Moscow State Pedagogical University; **V. N. Egorov**, Ivanovo State University; **E. B. Ershova**, State University of Management (Moscow); **S. S. Zagrebin**, Chelyabinsk State Pedagogical University; **O. V. Zolotaryov**, Komi State Pedagogical Institute (Syktyvkar); **A. V. Kvakin**, Moscow State University named after M.V. Lomonosov; **G. N. Knysh**, Dnepropetrovsky State University (Ukraine); **I. V. Kondakov**, Russian State Humanitarian University (Moscow); **M. I. Kondrasheva**, Ural State Academy of Law (Ekaterinburg); **G. V. Korzenko**, Institute of History of the National Academy of Sciences of Belarus (Minsk); **V. A. Mansurov**, Institute of Sociology of the Russian Academy of Sciences; **I. I. Osinsky**, Buryat State University (Ulan-Ude); **V. A. Porozov**, Perm State Pedagogical University; **V. G. Ryzjenko**, Omsk State University; **I. V. Sibiryakov**, South Ural State University (Chelyabinsk); **F. H. Sokolova**, Pomorsky State University named after M. V. Lomonosov (Arkhangelsk); **V. L. Soskin**, Siberian Branch of Institute of Russian History of the Russian Academy of Sciences; **Talgat Tadguddin**, Central Religious Department of Muslims of Russian and the European Part of CIS; **S. A. Filatov**, Kongress of Intelligentsia of Russian Federation; **R. G. Yanovsky**, Institute of socio-political research of the Russian Academy of Sciences.

СОДЕРЖАНИЕ

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ СОВРЕМЕННОГО ИНТЕЛЛИГЕНТОВЕДЕНИЯ

- Комиссаров В. В.* Функциональное значение паранауки
в жизни советской интеллигенции 1960—80-х гг. 9
- Ковалев С. В.* Интеллигенция как генератор модернизации
на Востоке в постколониальный период 20

ИЗ ИСТОРИИ ИНТЕЛЛИГЕНЦИИ

- Макеев Д. А.* Зарождение национальной интеллигенции
Египта в период оккупационного режима
(1882—1914 гг.) 30
- Грачев С. И., Корнилов А. А.* Деятельность российской
эмигрантской интеллигенции в обществе «Беседа»
г. Филадельфия (США) 38

РОЛЬ ИНТЕЛЛИГЕНЦИИ В РАЗВИТИИ РЕГИОНОВ

- Костякова Ю. Б.* Рабочие и сельские корреспонденты:
оценка с позиций интеллигентоведения (на материалах
Хакасии и Горного Алтая) 60

ЛИЧНОСТЬ В ИНТЕЛЛИГЕНТОВЕДЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ

- Репников А. В.* Дневник Л. А. Тихомирова 1905—1907 гг. 79
- Герасимова О. Г.* Одно лето из жизни Михайлова: советская
действительность глазами югославского интеллигента 87

ИСТОРИОГРАФИЯ ИНТЕЛЛИГЕНЦИИ

<i>Пронин А. А.</i> Интеллигенция российского зарубежья в отечественных диссертациях (1980—2005 гг.)	103
---	-----

ДЕБЮТ

<i>Родионова О. И.</i> А. П. Чехов о русской интеллигенции	121
<i>Задоров И. А.</i> Творческая интеллигенция и Костромской областной театр кукол в контексте провинциальной культуры советского периода	138

ПО СЛЕДАМ ПРОЧИТАННОГО

<i>Меметов В. С.</i> Философия, интеллигенция и власть	149
<i>Аннотации</i>	156
<i>Информация для авторов</i>	163

CONTENTS

ACTUAL PROBLEMS OF CONTEMPORARY INTELLIGENTSIA STUDIES

- Komissarov V. V.* Functional meaning of parascience in the life
of the soviet intelligentsia in 1960—80-s 9
- Kovalyov S. V.* Intelligentsia as a generator of modernization
in the east in the post-colonial period 20

FROM THE HISTORY OF INTELLIGENTSIA

- Makeev D. A.* Origin of national intelligentsia of Egypt
in the period of occupational mode (1882—1914) 30
- Grachov S. I., Kornilov A. A.* Activity of Russian emigrant
intelligentsia in the society «Talk» in Philadelphia, USA 38

THE ROLE OF INTELLIGENTSIA IN THE DEVELOPMENT OF REGIONS

- Kostyakova Y. B.* Worker and rural correspondents: estimation
from the positions of intelligentsia studies (on the materials
of Khakassia and Mountain Altay) 60

PERSONALITY IN THE DISCOURSE OF INTELLIGENTSIA STUDIES

- Repnikov A. V.* Diary of L. A. Tikhomirov in 1905—1907 79
- Gerashimova O. G.* One summer of Mikhailov's life:
Soviet reality described by Yugoslavian intellectual 87

HISTORIOGRAPHY OF INTELLIGENTSIA

<i>Pronin A. A.</i> Intelligentsia of Russian abroad in Russian dissertations (1980—2005)	103
---	-----

DEBUT

<i>Rodionova O. I.</i> A. P. Chekhov about Russian intelligentsia	121
<i>Zadorov I. A.</i> Creative intelligentsia and Kostroma regional puppet theatre in the context of provincial culture of Soviet period	138

MAKING CONCLUSIONS

<i>Memetov V. S.</i> Philosophy, intelligentsia and authority	149
<i>Annotations</i>	156
<i>Information for authors</i>	163

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ СОВРЕМЕННОГО ИНТЕЛЛИГЕНТОВЕДЕНИЯ

ББК 63.3(2)633-283.2

В. В. Комиссаров

ФУНКЦИОНАЛЬНОЕ ЗНАЧЕНИЕ ПАРАНАУКИ В ЖИЗНИ СОВЕТСКОЙ ИНТЕЛЛИГЕНЦИИ 1960—80-х гг.

Обоснование проблемы. Актуальность проблемы определяется необычайным ростом в настоящее время различного рода нетрадиционных, неформальных учений, теорий и концепций. Все их можно определить как «лженаука», «паранаука», «псевдонаука». Этими терминами сегодня обозначаются те сферы познания, которые базируются не на воспроизводимых результатах, а на эмоциональном восприятии или вере. В таком смысле этот феномен действительно альтернативен настоящей науке, построенной на экспериментальных или иным образом доказуемых данных. Также сюда входят те отрасли познания, предмет и объект исследования которых носит неопределенный характер, как, например, уфология, интересующаяся аномальными атмосферными явлениями различного происхождения, включая и ошибки наблюдения. Альтернативный характер науке может придать и использование нетрадиционных методик исследования, подобно методам А. Т. Фоменко, которые оспариваются большинством

© Комиссаров В. В., 2012

Комиссаров Владимир Вячеславович — кандидат исторических наук, доцент кафедры гуманитарных и социальных дисциплин Ивановской государственной сельскохозяйственной академии им. академика Д. К. Беляева. vs_memetov@mail.ru

специалистов. Обычно к «альтернативной науке» относят парапсихологию, эзотерику, френологию, хиромантию, а сейчас к ним добавились «новая хронология», уфология, пирамидология и др. О критериях данного явления писали многие исследователи. Например, американский историк науки Майкл Шермер выделил следующие признаки, позволяющие отделить альтернативную науку от традиционной:

- 1) наличие преднамеренных подтасовок фактов и цифр;
- 2) слишком большая концентрация «великих открытий» в работах одного автора;
- 3) отсутствие подтверждения со стороны других специалистов;
- 4) полученные в результате альтернативных исследований данные плохо укладываются в сложившуюся картину мира;
- 5) автор альтернативной гипотезы подбирает данные только в ее пользу, игнорируя остальные сведения;
- 6) только незначительная часть известных научных фактов свидетельствует в пользу альтернативной гипотезы;
- 7) для подтверждения своих данных альтернативные исследователи создают собственную методологию или постулируют выгодные им положения, отличные от принятых в науке;
- 8) как правило, альтернативная гипотеза не объясняет новые малоизученные научные факты, а лишь опровергает прежнюю научную гипотезу;
- 9) в выводах альтернативных гипотез четко прослеживаются личные пристрастия автора, игнорирующего другие мнения¹.

Ряд ученых попытались дать феномену альтернативной науки четкие определения. Например, советский математик А. М. Хазен (ныне работающий в США) дал следующее толкование: «Лженаукой называется введение в процесс научной работы, научных публикаций и обсуждений политических и религиозных установок, преднамеренной фальсификации экспериментов, прямой или косвенной цензуры, а также методов уголовного мошенничества, использующих научную терминологию, научные степени и звания, в частности при рецензировании научных работ»². В целом соглашаясь с данным определением, следует оговорить название исследуемого феномена. Альтернативную науку часто называют «лженаукой» (А. М. Хазен) или «псевдонаукой»

(М. Шермер). В контексте настоящего исследования эти термины представляются не совсем удачными. Так, понятие «лженаука» широко использовалось на рубеже 1940—50-х гг. для обозначения «опальных» научных направлений — кибернетики, генетики. Поэтому данный термин дискредитирован, ибо наводит на воспоминания об идеологических кампаниях той эпохи. Понятие «псевдонаука» подразумевает некий компонент фальсификации или подтасовки. Как мы увидим в дальнейшем, роль альтернативной науки в СССР не сводилась только к этому. Кроме того, не всегда представляется возможным провести четкую грань между альтернативной и традиционной наукой. Многие современные направления возникали именно как лженаука. Очень показателен в этой связи пример с кибернетикой. Н. Н. Васильев исследовал превратности ее судьбы в нашей стране. Если на рубеже 1940—50-х гг. она рассматривалась как лженаука, то затем стала олицетворением научно-технического прогресса. Между тем, как целостная наука кибернетика так и не состоялась: на протяжении 1960—70-х гг. ее «растаскивали» на мелкие практические направления и частные научные области³. Более того, ошибочные идеи разделяли вполне успешные и добросовестные ученые и организаторы науки. Можно вспомнить историю, рассказанную астрофизиком И. С. Шкловским. Речь идет о работах, которые на рубеже 1950—60-х гг. проводились в Ленинградском физико-техническом институте под руководством академика Б. П. Константинова (в будущем вице-президента АН СССР). Б. П. Константинов и его группа исходили из абсолютно ложного предположения, что большая часть выпадающих на Землю метеоритов состоит из антивещества. Причем это не было ошибкой из-за отсутствия достоверных данных, что в истории науки встречается довольно часто; уровень тогдашней астрономии вполне позволял решить этот вопрос однозначно. Просто ученых прельстила идея военно-технического использования антиматерии. Вероятно, не последнюю роль сыграл секретный характер работ и положенные в данном случае материальные бонусы. Если верить И. С. Шкловскому, этим исследованиям покровительствовал и тогдашний президент Академии наук СССР М. В. Келдыш. Справедливости ради следует заметить, что как только Б. П. Константинов получил вполне убедительные доказательства

ошибочности своих постулатов, работы в этом направлении были свернуты⁴. Именно поэтому понятие «паранаука» или словосочетание «альтернативная наука» представляются наиболее удачными, ибо не несут в себе уничижающей или отрицательной идеологической смысловой нагрузки.

Причины влияния паранауки. Уже цитировавшийся А. М. Хазен выделил 9 причин роста влияния альтернативной науки. Однако эти причины относятся к современности, здесь нет необходимости перечислять их полностью. Но следует назвать те причины, которые могли действовать в условиях СССР 1950—80-х гг.:

во-первых, внешнее административное или партийно-политическое давление, заставлявшее вводить в исследования вненаучные, например чисто идеологические, основания;

во-вторых, формализация отдельных направлений современной науки и отрыв научного образования от реального мира, когда дискуссия по существу вопроса подменяется спором по абстрактным принципам;

в-третьих, «лженаучные» исследования могут продуцироваться неверно понимаемым патриотизмом, в силу которого достижения отечественной науки могут совершенно необоснованно превозноситься.

Ниже мы попытаемся определить причины формирования альтернативной науки в СССР в контексте истории советской интеллигенции.

Следует заметить, что в СССР в послевоенные годы возник и такой феномен, как «полуальтернативная наука». Речь идет о вполне добротных исследованиях, которые не противоречили канону официальной науки, но в силу ряда субъективных или идеологических причин оказались под запретом. Особенно это явление имело место в сфере общественных и гуманитарных наук. Примером могут служить исторические книги Р. А. Медведева о периоде сталинизма и культа личности. Написанные в русле решений XX съезда, они не противоречили официальной идеологии и официозной историографии. Однако со второй половины 1960-х гг. было решено более не педалировать проблемы культа личности и необоснованных репрессий, в связи с чем работы Р. А. Медведева оказались под запретом. В этом же ряду и книга

А. М. Некрича «22 июня 1941 года». Также созданная в рамках официальной историографии, она оказалась под ударом по тем же причинам, что и работы Р. А. Медведева — за излишнюю критику И. В. Сталина и обсуждение темы предвоенного истребления военных кадров. Элементы подобной, «полузапрещенной» науки существовали и в других сферах научного поиска: педагогике, философии, политэкономии. Например, в полуполюгальном состоянии бытовали такие разделы религиоведения, как библеистика, христология, кумрановедение. Причем, книги по этим дисциплинам иногда издавались достаточно большими тиражами под видом атеистической литературы.

Социальная роль паранауки. Нельзя обойти вниманием вопрос о значении альтернативной науки в жизни советского общества, тем более что он достаточно сложен и неоднозначен. Например, А. М. Хазен усматривает в альтернативных исследованиях исключительно отрицательные последствия: «Социальная опасность лженауки состоит в том, что она, иногда необратимо, блокирует развитие неустранимо важных направлений науки, управления государством и форм общественных отношений»⁵. Соглашаясь в целом с этим выводом, следует заметить, что в советских условиях ситуация могла быть более сложной. Фактически отдельные лженаучные направления находили место как раз в академической среде, примером здесь может служить «мичуринское учение» Т. Д. Лысенко (о чем пишет и А. М. Хазен). Поэтому в разряд альтернативной науки могли попасть именно истинные направления. Кроме того, альтернативная наука объективно имела возможность стать основой новых сфер научного поиска, о чем свидетельствует история с гипотезой А. П. Казанцева об искусственной природе Тунгусского взрыва. Если бы не она, официальная наука еще несколько десятилетий могла блокировать дальнейшие исследования этого феномена, оставаясь на достигнутых позициях.

Следует отметить, что зарождение альтернативной науки началось еще в послевоенном советском обществе. В качестве гипотезы можно предположить, что рост паранаучных теорий обусловлен приближением общества к постиндустриальному переходу. Опыт свидетельствует, что при смене циклов исторического развития всегда происходит заметный рост неформальных

и альтернативных течений общественной, религиозной и научной мысли. Так, перед закатом античной цивилизации появляется ряд маргинальных религиозно-мистических учений, одно из которых — христианство — приобрело характер мировой религии. Переход от средних веков к новому времени ознаменовался большим количеством разнообразных ересей, протестантизмом, а также системой мироздания Коперника, которая изначально носила маргинальный, альтернативный характер, пока не получила общее признание и не стала основой современного научного мировоззрения. По нашему мнению, не является исключением и современная стадия общественного развития, предполагающая вступление в постиндустриальное общество.

Социальные источники формирования паранауки в послевоенном СССР. Анализируя формирование и становление в послевоенном СССР альтернативной науки, приходишь к неизбежному выводу о решающей роли в этом процессе интеллигенции. Причем альтернативная наука формировалась двумя основными группами интеллигентов. Во-первых, это представители науки и околонучных производств (инженерное обеспечение исследований, экспедиционная работа). Среди этой категории можно назвать ряд фамилий. Например, Маттеc Менделевич Агрест — участник Великой Отечественной войны и высококлассный математик, один из разработчиков атомной бомбы. В 1959 г. М. М. Агрест выступил в популярной печати с гипотезой о так называемом палеовизите, то есть о посещении Земли в историческом прошлом представителями инопланетных цивилизаций. Для доказательства своей версии он использовал ветхозаветные тексты, например, это касается библейской притчи о Содоме и Гоморре. М. М. Агрест заявлял, что города погибли в результате применения атомного оружия. А «вознесение на небо» патриарха Еноха он трактовал как случай похищения пришельцами. Публикация появилась в подходящее время, в период зарождения практической космонавтики. М. М. Агрест приобрел определенную популярность, и его версия обсуждалась в течение нескольких лет.

Другим создателем альтернативной науки в СССР можно считать Владимира Георгиевича Ажажу. Моряк-подводник, он служил на Северном флоте. В период хрущевских мирных инициатив командовал «Северянкой» — подлодкой, переделанной

для научных исследований. В 1970-е гг. он приобрел известность как автор ряда научно-популярных публикаций по проблеме «Бермудского треугольника» и другим тайнам мирового океана. Причем эти материалы размещали вполне уважаемые советские журналы, такие как «Наука и жизнь»⁶. Необычайную популярность В. Ажажа получил после участия в 1976 г. в телепередаче «Очевидное — невероятное», на которую В. С. Высоцкий откликнулся знаменитой песней «Письмо пациентов психиатрической больницы в редакцию телевидения».

Если М. М. Агрест и В. Г. Ажажа не смогли в полной мере реализовать в своей профессиональной сфере, в чем можно усматривать основную причину их перехода к альтернативной науке, то Иосиф Самуилович Шкловский выпадает из этого ряда. Известный астрофизик, один из пионеров радиоастрономии, член-корреспондент Академии наук СССР был плодотворен как идеями, так и учениками. В 1962 г. он издал книгу «Вселенная, жизнь, разум», где поднял тему о существовании и поиске внеземных цивилизаций. Конечно, такая постановка вопроса не нова. Но И. С. Шкловский трактовал проблему с позиций современной ему науки. Эту публикацию нельзя считать полностью популярной, в ней использованы методы астрономии, статистики, футурологии. Впрочем, первые издания книги содержали и откровенно «завиравальные» идеи. Например, И. С. Шкловский писал об искусственном характере спутников Марса (Фобоса и Деймоса), что было опровергнуто спустя несколько лет, после первых полетов американских аппаратов к «красной планете». Несмотря на многие критические замечания «Вселенная, жизнь, разум» только в СССР выдержала шесть изданий тиражами от 50 до 200 тыс. экземпляров, которые все равно не могли насытить книжный рынок. Эту работу переводили и в других странах. На рубеже 1960—70-х гг. И. С. Шкловскому удалось организовать несколько международных конференций по проблемам поиска внеземных цивилизаций, которые прошли в Бюрокане, в астрономической обсерватории Академии наук Армянской ССР. К концу жизни ученый резко сменил свое мнение о внеземном разуме и стал отстаивать тезис об уникальности человеческой цивилизации.

Другим благополучным исследователем, перешедшим в область альтернативной науки, стал историк и философ, специалист по

народным движениям во Франции XVII в. Борис Федорович Поршнеv. С конца 1950-х гг. он серьезно занялся проблемой так называемого «реликтового гоминоида» (в обыденной речи — «снежного человека»), инициировал организацию экспедиции, подготовил по этой теме монографию и много популярных публикаций.

Второй группой советских интеллигентов, формировавших альтернативную науку, стали писатели-фантасты. Но и в этом случае, некоторые из них пришли в литературу из науки или сферы инженерно-технического поиска. Например, известный фантаст Иван Антонович Ефремов, будучи высокопрофессиональным палеонтологом, знал о существовании во многих палеонтологических коллекциях ископаемых останков с отверстиями, напоминающими пулевые пробоины. Среди таких находок есть даже череп древнего человека. В современной науке нет однозначного объяснения данному феномену, в качестве причин образования этих отверстий называют и удары метеоритов, и деятельность личинок-костоедов (наподобие личинки овода). В своей послевоенной повести «Звездные корабли» И. А. Ефремов использовал эти находки как доказательство посещения нашей планеты пришельцами, произошедшего в далекие геологические эпохи. Следует заметить, что как добросовестный ученый он попытался максимально отделить свой вымысел от реальности. Например, в повести пробитые кости принадлежат динозаврам, в реальности же все такие находки относятся к кайнозою — более поздней геологической эпохе. Тем не менее, идея писателя упала на благодатную почву. Во многих публикациях по проблемам палеовизита отверстия на ископаемых останках стали трактоваться именно как следы инопланетного оружия.

Другим фантастом, способствовавшим развитию альтернативной науки, стал Александр Петрович Казанцев. В 1946 г. писатель опубликовал рассказ «Взрыв», в котором было предложено объяснение Тунгусской катастрофы 1908 г. взрывом инопланетного космического корабля на атомной тяге. В качестве доказательства писатель сравнивал параметры Тунгусского взрыва и атомных бомбардировок Хиросимы и Нагасаки. Эту мысль он повторил в научно-популярном очерке 1951 г. «Гость из космоса»⁷. Конечно, гипотеза А. П. Казанцева почти сразу же подверглась резкой критике. Однако идея оказалась необычайно живу-

чей, ее развивали писатель-популяризатор Б. Ляпунов и лектор московского планетария доцент МАИ Ф. Зигель. Последний организовал в планетарии по мотивам гипотезы А. П. Казанцева красочную лекцию-инсценировку. Предположение фантаста об искусственном характере Тунгусского космического тела сыграло в развитии отечественной науки скорее позитивную, нежели отрицательную роль. Дело в том, что в начале 1950-х гг. в академической науке проблема Тунгусского феномена в целом считалась разрешенной, большинство советских астрономов склонялось к метеоритной гипотезе. Но под влиянием публикаций А. П. Казанцева в конце 1950-х гг. возникло такое явление, как Комплексная самодеятельная экспедиция (КСЭ). Ее создание стало возможно благодаря инициативе молодых ученых и аспирантов из Томска. Возглавил это движение инженер одной из лабораторий Томского медицинского института Г. Ф. Плеханов. Фактически КСЭ занялась ревизией официальной концепции Тунгусского явления, причем ей оказали поддержку ведущие ученые СССР, среди которых были И. Е. Тамм, М. А. Леонтович, Л. А. Арцимович⁸. Под влияние гипотезы А. П. Казанцева попал даже создатель советской космонавтики С. П. Королев, в 1960 г. он отправил на место Тунгусской катастрофы своих сотрудников, среди которых был будущий космонавт и дважды Герой Советского Союза Г. М. Гречко. Следует заметить, что КСЭ превратилась в постоянно действующее движение советской интеллигенции. Конечно, научная эффективность этой экспедиции была не очень высокой. Сам А. П. Казанцев определил самодеятельные исследования как вид «научного туризма»⁹. Но историк тунгусской проблемы А. И. Войцеховский оценивает экспедицию несколько иначе. «Через КСЭ прошли около двух тысяч человек, — пишет он. — Это была отличная школа исследовательских работ, ставших для многих стартом в большую науку. Людями, приходившими в КСЭ, руководили мотивы безукоризненно высокой пробы: служба избранному делу с полной отдачей, бескорыстие и вдохновение»¹⁰. Кроме этого, КСЭ подстегнула активизацию академических экспедиций, которые возглавлял геохимик К. П. Флоренский. Работа самодеятельной экспедиции и дополнительные академические исследования заставили пересмотреть свою точку зрения и официальную науку. Блистательно подтвер-

дилось предположение А. П. Казанцева о воздушном характере Тунгусского взрыва и, следовательно, об отсутствии на земле обломков космического тела. Под давлением новых данных многие специалисты (хотя далеко не все) отказались от метеоритной гипотезы Тунгусского явления и стали склоняться к мнению, что взрыв был вызван ядром кометы (кометная гипотеза)¹¹. Но данный эпизод являет собой единичный случай позитивного влияния альтернативных исследований на серьезных ученых.

Позднее А. П. Казанцев активно пропагандировал идею палеовизита, стал апологетом швейцарского уфолога Эриха фон Дёникена. В этой части своей деятельности писатель соответствовал всем критериям альтернативной науки: многие его заявления оказались бездоказательными, ссылки на западных респондентов не подтверждались (или вызывали с их стороны ответные отсылки на самого Казанцева, по принципу «замкнутого круга»). Тем не менее, его публикации пользовались неизменной популярностью и интересом у весьма образованной публики.

Впоследствии в сферу альтернативной науки перешли и другие советские фантасты. В этом ряду можно назвать Владимира Ивановича Щербакова. Известность ему принес фантастический роман «Семь стихий», экранизированный в середине 1980-х гг. На рубеже 1980—90-х гг. писатель отошел от фантастики и занялся альтернативной историей. Свои публицистические книги В. И. Щербаков посвятил проблемам Атлантиды, поиску прародины славян, предложил собственный вариант расшифровки и реконструкции языка этрусков.

Выводы. Резюмируя, следует назвать причины вовлечения советской интеллигенции в альтернативные научные исследования:

Во-первых, альтернативная наука стала формой выхода за рамки официальной идеологии. Альтернативная наука, как и научно-фантастическая литература, позволяла ставить такие вопросы, которые в серьезных научных или популярных изданиях просто не были бы опубликованы.

Во-вторых, альтернативная наука явилась результатом определенного кризиса научно-популярного жанра. По мере распространения среднего, а затем и высшего образования научная популяризация становится все более сложной, фактически смыкаясь по сложности и терминологии с научными публикациями. «Альтер-

нативщики» заполнили своими материалами эту нишу, предоставив широкой аудитории доступное и увлекательное чтение.

В-третьих, для отдельных представителей научной интеллигенции альтернативная наука стала формой самореализации.

В-четвертых, в условиях монополии единственной партии и господства единственной идеологии именно альтернативная наука послужила базой для возникновения самостоятельных движений различных отрядов советской интеллигенции.

В-пятых, распространению альтернативной науки могло способствовать притеснение религии и неформальные ограничения свободы совести. Не имея легальной возможности реализовать свои религиозные потребности, люди рассматривали альтернативную науку как квазирелигию, находя в этих идеях психологическую защиту.

Примечания

- ¹ Как провести грань между наукой и псевдонаукой // Наука и жизнь. 2002. № 1. С. 32—33.
- ² *Хазен А.* О лженауке, ее последствиях и об ошибках в науке // Там же. № 10. С. 104.
- ³ *Васильев Н. Н.* Феномен и судьба кибернетики как уникальное общественное явление второй половины XX века // Дискуссионные вопросы современного российского интеллигентоведения : материалы XXII Междунар. науч.-теорет. конф. Иваново, 22—24 сентября 2011 г. Иваново, 2011. С. 221—223.
- ⁴ *Шкловский И. С.* Эшелон : невыдуманные рассказы. М., 1991. С. 124—131.
- ⁵ *Хазен А.* Указ. соч. С. 106.
- ⁶ *Ажажа В.* О летучем голландце, «Дьявольском море» и «Бермудском треугольнике» // Наука и жизнь. 1976. № 9. С. 146—153.
- ⁷ *Казанцев А. П.* Гость из космоса // Техника — молодежи. 1951. № 3. С. 28—34.
- ⁸ Тунгусский феномен : 100 лет неразгаданной тайны, 1908—2008. Красноярск, 2007. С. 42—47.
- ⁹ *Казанцев А. П.* Пунктир воспоминаний : [автобиогр. повесть] // Казанцев А. П. Леды возвращаются. М., 1981. С. 514.
- ¹⁰ *Войцеховский А. И.* Тунгусский метеорит. М., 2005. С. 135—136.
- ¹¹ Там же. С. 145—151.

С. В. Ковалев

ИНТЕЛЛИГЕНЦИЯ КАК ГЕНЕРАТОР МОДЕРНИЗАЦИИ НА ВОСТОКЕ В ПОСТКОЛОНИАЛЬНЫЙ ПЕРИОД

Генезис современной восточной интеллигенции связан с процессами модернизации, происходившими неравномерно, но в достаточной степени взаимосвязано в постколониальных странах Азии и Африки. Страны Востока, несмотря на явные различия между ними, в большинстве своем связаны сущностным единством. Их объединяет, в частности, колониальное и полуколониальное прошлое и отсюда — неизбежное и постоянное сопоставление собственного бытия с западным, а также периферийное положение в мировой экономической системе, что предполагает и некоторую общность интересов и реакции на внешние вызовы. Объединяет их также и то, что по сравнению с темпами интенсивного восприятия достижений научно-технического прогресса и универсализацией, особенно в сфере материального производства, сближение Востока с Западом в социокультурном отношении происходит относительно медленно. И это естественно, поскольку менталитет народа, его традиции в одночасье не меняются. Пользуясь формулировкой марокканского философа Мухаммада Лахбаби, можно сказать, что «при всех национальных различиях страны Востока до сих пор роднит наличие определенной совокупности ценностей материальной, интеллектуальной и духовной жизни»¹.

На современном этапе стержнем национальной жизни бывших колоний и зависимых стран стали проблемы развития. Национальные лидеры заявляют о своем стремлении добиться процветания в свободном обществе. Но подлинно государствен-

© Ковалев С. В., 2012

Ковалев Сергей Владимирович — кандидат исторических наук, докторант кафедры новой и новейшей истории стран Востока Московского педагогического государственного университета. ksv@inbox.ru

ный суверенитет и политическая независимость невозможны без экономической самостоятельности и равноправия в мировом обществе. Между тем на пороге эры независимости Восток находился в упадке. Для этого существовали объективные исторические предпосылки. Уже к XVIII в. на вызов, брошенный Европой, он не мог дать ответа. Вдруг оказалось, что его системные активаторы, которые в течение тысячелетий успешно регулировали общественную жизнь, стали неэффективными. Восточное общество, казалось, лишилось способности адекватно реагировать на внешний вызов.

Историческая задача восточных обществ состояла в том, чтобы адаптироваться в послевоенной неокOLONиальной экономической и политической системе, найти свою нишу в международном разделении труда. Национальные авангардные силы быстро приходили к мысли о необходимости коренных преобразований для разрешения трудностей системного порядка, искали рациональную стратегию и проектировали долгосрочную перспективу, учитывая противоречие между объективными потребностями общества в фундаментальной перестройке с ориентацией на планетарное развитие производительных сил и его реальные возможности. В условиях мирового противостояния капитализма и коммунизма они искали оптимальный путь развития, совершенствования внутрихозяйственных, политических, социальных механизмов. Неизбежной стала управляемая модернизация, прежде всего, в финансово-экономической сфере.

Повсюду на Востоке модернизация имеет общие черты, хотя каждое общество модернизируется по-своему и каждое получает свой результат. Главное то, что при этом традиционное и современное уживаются по всей вертикали социально-экономической структуры и в сознании людей. Модернизация затрагивает, прежде всего, те структуры и в такой степени, какие и в иной мере отвечают потребностям мировой экономики и торговли. Западный уровень материального производства и научных знаний остается для Востока критерием современного.

В разных восточных странах проходили проверку как западные модели рыночной экономики, так и вульгаризированные социалистические. Национальные авангарды действовали (и подчас действуют) «путем проб и ошибок». Они используют проти-

воречия, существующие между мировыми и региональными центрами, вырабатывая стратегию развития и меру своего понимания национальных интересов. Внедрение нового, как правило, не сопровождается тотальной ломкой социальной структуры: современная промышленность частично охватывает мелкое и ремесленное производство и связанные с ним инфраструктуру и традицию. При этом старые социальные группы зачастую получают новую роль. В результате столкновения разнонаправленных сил (традиционного и современного, натурального и рыночного хозяйства, мелкотоварного производства и национальной промышленности капиталистического типа, помещичье-феодалного и торгового земледелия, иностранного, государственного и кооперативного секторов, а также интенсивно развивающегося третичного сектора — торговли, банковского дела, индустрии туризма и т. п.) в развивающихся странах появилось много переходных социальных групп и прослоек со своими интересами, что затрудняет их социально-классовую идентификацию.

Наибольший интерес для социолога и политолога представляют новые средние слои — мелкобуржуазные, а также близкие к ним по положению социальные группы, живущие преимущественно на заработную плату и гонорары. Это учителя и мелкие служащие, низшее духовенство и студенты, инженерно-технический персонал, лица свободных профессий; их высшая страта — творческая интеллигенция, высокопоставленные технократы, политическая и бюрократическая элита, т. е. наиболее образованная и социально-активная часть восточного общества.

Значительный потенциал не только модернизации, но и социального бунта имеют студенты, обладающие сильной корпоративной лояльностью. Они относительно независимы от других социальных групп, постоянно готовы к отрицанию устоявшихся представлений. Студенты и выпускники средних учебных заведений крайне болезненно воспринимают разрыв между уровнем своих социальных ожиданий и действительностью, особенно перспективы трудоустройства. Показателен пример Индии, где в 1998 г. из 30 млн зарегистрированных безработных 40 % составляли лица с высшим образованием². Сконцентрированные в основном в больших городах, студенты нередко становятся фактором радикализации в крупных массовых выступлениях.

Именно в новых средних слоях получают осмысление социальная конфликтность и политические процессы. Их активной частью являются студенчество и интеллигенция, из них выходят государственные лидеры и руководители оппозиционных организаций и движений, идеологи и политики. Таким образом, постколониальный период выдвинул в качестве национального авангарда и генератора идей новую интеллигенцию, образовавшую в странах Востока относительно многочисленный слой населения.

Впечатляет доля и прирост дипломированных специалистов в самодеятельном населении стран Азии, что в целом повышает его умственный потенциал. И хотя их интеллектуальная элита — узкий круг людей, именно на ней лежит труд по осмыслению общественного бытия во всей его противоречивости. Она более или менее адекватно отражает унастроения всех классов и социальных групп и формулирует их отношение к миру.

Творческая интеллигенция современной формации готовила демократический и социальный переворот, закладывала теоретическую основу национально-освободительного движения. Еще в первой половине XX в. писатели и публицисты стали властителями дум молодежи, несли факел свободы и прогресса. При всех расхождениях во взглядах, они были едины в стремлении защищать национальные цели и идеалы.

Но духовный и интеллектуальный подъем в период завоевания и утверждения независимости сменился падением социальной активности. Афро-азиатская интеллигенция не успевает и, кажется, не стремится успеть за переменами, тем более опережать время и прозревать грядущее. Интеллектуальную элиту и массы разделяет стена. Для масс важной оказывается не общественная полезность знаний, не идейная убежденность интеллигента, не глубина и значимость его взглядов, а принадлежность к слою образованных людей, которая открывает путь к власти, привилегиям, личному благополучию.

Для большей части населения, пишет индийский исследователь Нирад Чоудхури, умственная деятельность творческой интеллигенции остается недоступной. Для широких масс индийских крестьян и ремесленников, составляющих 90 % населения страны, интеллектуальная деятельность ничего не значит³. Способная к самовыражению, критике и самокритике, интеллигенция

осознает свою общественную и политическую слабость. Сингапурский социолог С. Х. Алатав в связи с этим писал во второй половине 1970-х годов: «Во многих развивающихся странах отсутствуют условия для формирования интеллектуальной элиты: нет общественного признания, нет спроса на интеллектуала. Средства массовой информации находятся в руках правительства или тех, кто не может по достоинству оценить интеллектуальный труд. В университетах отсутствует атмосфера, которая способствовала бы активной умственной деятельности. Писатели и издатели не помогают выращивать элиту». Алатав называет азиатскую интеллигенцию «подавляемой и притесняемой». По его мнению, в конце 50-х годов в Малайе почти не было активных теоретиков ни у политических партий, ни у администрации⁴. Филиппинский националист Ренато Константино говорит о неспособности интеллигенции решать национальные проблемы: «Мы видим, что интеллектуальная элита составляет маргинальную группу в современном обществе»⁵.

Творческая интеллигенция, как правило, политически пассивна, борьба мнений в ее среде незначительна, часть интеллигенции стремится воздвигнуть «берлинскую стену» между политикой и культурой. Авторы исследования о будущем арабской нации, проведенного в начале 1990-х годов, констатируют: «Мы, арабы, чувствуем себя сегодня слабыми, уязвимыми, охваченными пессимизмом перед фактором быстрых перемен и сильных сдвигов под влиянием извне»⁶.

Говоря о кризисе интеллигенции в Индии 1980-х годов, индийский новеллист Раджендра Удава пишет: «Мы переживаем серьезный кризис культуры. Если все поколение считает себя неспособным совершить нечто значительное, то это свидетельствует о моральном и духовном кризисе нации»⁷. Индийский ученый Х. С. Сривастава, автор интересного исследования о современной интеллигенции, основываясь на социологических опросах, приходит к выводу, что в наше время она играет незначительную роль в обществе, интеллигент все больше превращается в узкого специалиста, отказавшись от функций позитивного критика, генератора и носителя общих идей⁸. Интеллигенция стремится к консолидации сил во имя общих ценностей и формулирует национальную идею. Она способна к оценке ситуации, но в обще-

ственных и политических процессах участвует мало и, критикуя неустроенность общественной жизни, эффективных путей исправления положения предложить не может, чувствуя, что стоит в стороне от центров принятия политических решений. В постколониальный период, заключает Сривастава, интеллигенция перестала быть генератором системы взглядов, которые могли бы воздействовать на общественное сознание⁹.

В чем причина кризисного состояния значительной части творческой интеллигенции на Востоке? Во всяком случае, одна из причин состоит в смене задач национально-освободительной революции, к чему интеллектуалы не были готовы. После обретения политической независимости и укрепления национальной государственности центр тяжести национальных усилий переместился на экономическое развитие и социальные отношения. Общественных деятелей, которые возглавляли освободительную борьбу, сменили политики, технократы и бюрократы — узкие теоретики или прагматики-профессионалы. Интеллектуальная элита была оттеснена от центров принятия решений и надолго смирилась со своей участью. Казалось, ее роль выразителя национального недовольства была исчерпана. Но события очень скоро показали, что прямой связи между независимостью и благосостоянием народа нет. Интеллигенция обратилась к идее национального возрождения в сообществе равноправных народов, стала мечтать об экономическом росте и социальной стабильности, уповая на цивилизаторскую миссию Запада, но столкнулась с неокOLONиалистской угрозой, с опасностью утраты самобытности в процессе «вестернизации», с неспособностью национальной власти разрешить многочисленные проблемы общества.

Авторитарные режимы во многих афро-азиатских странах, идеологический пресс в системе народного образования и средствах массовой информации, отстранение народа от принятия политических решений — все это сузило поле деятельности интеллектуалов. В частности, был ограничен круг общественных проблем, доступных открытой дискуссии, уменьшилась возможность проявления инакомыслия, самовыражения. Тому много примеров: Китай периода «культурной революции», Индонезия при «новом порядке» генерала Сухарто, где в 1982 г. официально было введено единомыслие в рамках идей «панча сила»¹⁰. В Ал-

жире по президентскому указу 1981 г. к обсуждению в печати допускались лишь теоретические вопросы и состояние дел в области культуры с подчеркиванием значения национальной самобытности и традиции¹¹.

Несоответствие между мечтой и действительностью создавало предпосылки для появления новой интеллигентской оппозиции, для корректировки идеала. Но оппозиция не сложилась, критическая мысль не стала действенным инструментом преобразований. Изменился и социальный статус мыслящей элиты, произошла ее «пролетаризация». Еще в первой половине XX в. она была в основном независима в экономическом отношении, поскольку ее представители были выходцами из состоятельной купеческой, аристократической, военной или бюрократической среды. Теперь же интеллигенция живет главным образом на жалованье, заработную плату, гонорары в условиях хронического дефицита занятости в большинстве стран Востока. Неустойчивое экономическое положение, неуверенность в завтрашнем дне людей, изначально ориентированных на духовную и материальную независимость, порождает клиентелизм, часто ведет к спаду социальной и политической активности. Интеллигенция, которая еще недавно обслуживала общество, была его критиком и советчиком, быстро превращается преимущественно в служилую, нередко политически ангажированную силу. Это лишает ее свободы выбора, ограничивает ее возможности добиваться заветной цели — эмансипации личности, свободы общества.

Упомянутый индийский социолог Сривастава отмечает, что интеллигенция в Индии в отличие от прошлого уже не может оставаться самостоятельной интеллектуальной силой — стремление к независимости нейтрализуется отсутствием у нее стабильного экономического положения¹². Известный французский исламовед Мухаммад Аркун в начале 1980-х годов писал, что в странах Северной Африки интеллигенция нигде не составляет достаточно гомогенную группу носителей широких идей, способную влиять на общественное мнение, она повсюду зависит от властей¹³. «Городская интеллигенция, — говорил Хуари Бумедьен, председатель Революционного совета Алжирской Республики, — превращается в бюрократов и буржуа или отворачивается от революции и встает на путь уклонизма, а иногда предательства»¹⁴. Один из

авторов журнала «Народы Средиземноморья», издающегося в Париже, характеризуя слабые результаты деятельности арабских социологов, отмечает, что это следствие как абсолютного господства англосаксонской науки, на которую арабские ученые вынуждены работать, чтобы зарабатывать на жизнь и иметь возможность заниматься наукой и публиковаться, так и государственной политики. Он указывает на кризис отношений между интеллектуальной элитой и государством. Научный поиск ограничен контролем, который государство установило над архивами, информацией, финансами, над публикацией итогов научной работы. В лучшем случае власти игнорируют интеллигенцию, в худшем — подвергают ее репрессиям¹⁵.

Одна часть творческой интеллигенции эмигрирует, другая замыкается на собственных переживаниях, третья предпочитает писать на сюжеты из отечественной истории о давно минувших днях и т. д. Мыслящая элита ощущает собственную маргинальность, которая порождается несоответствием между традиционным укладом жизни и образом мыслей, чувством этнической идентичности, с одной стороны, и приверженностью западной культуре — с другой. В то же время она начинает осознавать зыбкость положения между своей и чужой культурой, невозможность полностью принять ту или иную. Она наполовину принадлежит Востоку, наполовину — евро-американскому миру, не будучи до конца своей ни здесь, ни там.

Запад, как главный источник ценностей для интеллектуалов и модернизаторов, оказался и самым безжалостным разрушителем традиционного мира, в котором они выросли, с которым связаны пуповиной национального и религиозного опыта, воздухом которого они дышат и в котором черпают силу национального самоуверждения. Интеллектуалы не всегда в состоянии синтезировать ценности различных культур, идут на компромиссы и порой оказываются жертвой культурной и этнической раздвоенности, противоречивых чувств и желаний. Они находятся между желанием овладеть арсеналом западной культуры и бунтом против восточной косности, слепой приверженностью своим «корням» и протестом против засилья Запада, западного образа жизни.

Вот свидетельство японца об обществе, которое уже прошло школу интенсивной модернизации. В Заключении своей

книги «Поиск аутентичности в современной японской литературе» Хисаака Яманути пишет: «Вопреки общесоциологическому взгляду, согласно которому модернизация Японии должна бы сопровождаться обретением писателями умственной и духовной свободы, их жизнь, их произведения отражают грубую правду реальности: в их общественной и частной жизни больше разлада, нежели гармонии. Рискуя допустить упрощение, скажу, что этот феномен есть следствие того, что модернизация была, по сути дела, прагматической и утилитарной, и писатели, у которых были свои идеалы, частенько расходились с таким курсом...» И подчеркнув, что у них есть то, чего нет у западного писателя, а именно сочетание национального воспитания в начале формирования личности в духе традиционной культуры с европейской культурной традицией, автор продолжает: «Они глубже осознают, что эти традиции не всегда совместимы... Они не могут не видеть, что изучение западной литературы порождает в них раздвоение личности, культурной идентичности и опасение утраты ими своей аутентичности — принадлежности к японскому обществу». Книга завершается многозначительной фразой: «Поиск аутентичности стал одной из главных проблем в современной японской литературе, и таковой она останется в будущем»¹⁶.

В то же время кризис интеллектуальной элиты не следует абсолютизировать. В ней есть и социально, и политически активная часть, нередко идеологизированная. Особую общественную значимость придают интеллигенции ее «мятежные души», не прекращающие борьбу за гармонизацию социальных отношений, справедливый общественный порядок. Но, следует еще раз подчеркнуть, большая ее часть политически пассивна. Современным восточным интеллектуалам кажется близким завет Рабиндраната Тагора: «Иди один, иди своим путем. Неважно, идут за тобой или нет»¹⁷ и девиз классика новоярабской литературы Амина ар-Рейхани: «Скажи свое слово и иди».

Примечания

¹ *Lahbabi M.* Nations and Nationalism. London, 1994. P. 87.

² *The Indian Family in Transition.* New Delhi, 1999. P. 42.

³ *Choudhoiri N. C.* The Intellectual in India. New Delhi, 1987. P. 27.

- ⁴ *Alatas S.* Intellectuals in Developing Societies. London, 1977. P. 115.
- ⁵ *Constantino R.* Identify and Consciousness : the Phillippine Experience. Quezon-city, 1980. P. 284.
- ⁶ International Journal of Middle Eastern Studies. London ; New York, 1993. № 2. P. 351.
- ⁷ Цит. по: *Narain S., Lutz L.* Literature, Social Consciousness and Polity. New Delhi, 1987. P. 4—5.
- ⁸ *Srivastava H. S.* Intellectuals in Contemporary India. New Delhi, 1996. P. 119.
- ⁹ Ibid. P. 30, 144—146.
- ¹⁰ Цит. по: *Жаров В. А.* Официальные идеологические доктрины Индонезии, Малайзии и Филиппин. М., 1985. С. 97.
- ¹¹ El Mojahed. Alger. 03.03.1981.
- ¹² *Srivastava H. S.* Op. cit. P. 30.
- ¹³ См.: Future of Islamic Civilization. Cairo, 1985. P. 17.
- ¹⁴ См.: La Revolution africaine. Alger. 08.12.1974.
- ¹⁵ Peoples Medi terranéés. P., № 54/55. P. 111—112.
- ¹⁶ *Gamanouchi H.* The Search for Authenticity in Modern Japanese Literature. London ; New York, 1978. P. 175—177.
- ¹⁷ Цит. по: Литературная газета. 1988. 23 нояб.

ББК 63.3(6Еги)-283.2

Д. А. Макеев

ЗАРОЖДЕНИЕ НАЦИОНАЛЬНОЙ ИНТЕЛЛИГЕНЦИИ ЕГИПТА В ПЕРИОД ОККУПАЦИОННОГО РЕЖИМА (1882—1914 гг.)

С установлением британцами оккупационного режима в 1882 г. Египет формально оставался частью Османской империи и даже продолжал выплачивать дань стамбульской казне. Фактически же Египет превращался в колонию Великобритании. Законодательное собрание страны, генеральное и провинциальные собрания, появившиеся согласно конституции 1882 г., не были наделены полнотой власти. Вся их деятельность находилась под контролем британского резидента, наделенного полномочиями генерального консула лондонского правительства, опиравшегося на силу оккупационных войск. С 1883 по 1907 г. генеральным консулом являлся лорд Кромер, в 1907—1911 гг. — сэр Элдон Горст и в 1911—1914 гг. — генерал Китченер.

Власть хедива (правителя) Египта оказалась под полным контролем британского резидента. На деятельность центральных и местных властных органов британская администрация не обращала внимания, считая египтян неспособными самостоятельно управлять страной. Британские чиновники заняли все руководя-

© Макеев Д. А., 2012

Макеев Дмитрий Алексеевич — доктор исторических наук, профессор кафедры новой и новейшей истории Владимирского государственного университета им. А. Н. и Г. Н. Столетовых. histrus@vladggu.ru

щие посты в египетских министерствах и ведомствах. Министры-египтяне безукоризненно выполняли указания английских чиновников. Однако без услуг местной бюрократии оккупационный режим обойтись не мог. Из феодально-компрадорской среды привлекались на гражданскую и административную службу лица, имевшие дипломы об образовании. Обычно это были выпускники средних хедивских (правительственных) школ и молодые люди, получившие высшее образование за границей (преимущественно в Англии, Франции, Швейцарии). Все они привлекались на низшие должности в учреждениях и ведомствах страны.

До появления английских колонизаторов в Египте предпринимались попытки организовать национальное высшее образование. В стране имелось шесть высших правительственных школ, главным образом для изучения права, медицины, инженерного дела, сельского хозяйства, в которые можно было поступить на учебу при наличии диплома о среднем образовании, выдержав вступительные экзамены и пройдя конкурсное испытание и отбор. Стремление молодых людей из состоятельных семей поступить в эти учебные заведения было велико.

Наибольшей популярностью пользовалась юридическая школа, выпускникам которой предоставлялась возможность получать административно-управленческие и юридические должности, заниматься частной практикой. Интерес представляла медицинская школа, что объяснялось, во-первых, увеличением спроса на медицинские услуги; во-вторых, востребованностью правительственной санитарной службы. Техническая школа пользовалась меньшим интересом среди молодежи, что связано было со сравнительно низкой заработной платой, которую выплачивало министерство общественных работ, а также с тем, что высокие посты и должности технической службы были заняты англичанами.

Несмотря на то что Египет являлся земледельческой страной, агрономические знания почти не распространялись среди учащихся. В стране имелась единственная высшая сельскохозяйственная школа, учащимся которой выплачивалась стипендия с целью поощрения их обучения на английском языке¹. С расширением хлопкового хозяйства британская администрация пошла на организацию сельскохозяйственных учебных центров. В них учащиеся приобретали начальные профессиональные знания и навыки.

Кроме того, в стране имелись четыре европеизированные военные школы, высшие медицинская и переводческая школы, созданные еще во времена правления Мухаммеда Али. В литературе встречается немало критических оценок состояния народного образования в Египте времен британской оккупации. Отмечается низкий уровень преподавания в средних школах и подготовки специалистов, не соответствующих изменившимся требованиям экономического и общественно-культурного развития страны. Многие выпускники высшей школы не могли найти достойного места работы по той причине, что были способны красиво произносить речи, но не владели конкретными профессиональными знаниями и навыками². Образовательные программы выше упомянутых учебных заведений, которые можно отнести к разряду высших, не отвечали европейским стандартам, качество преподавания в них мало отличалось от преподавания в средних школах.

Особое место среди учебных заведений Египта принадлежало старейшему на Ближнем Востоке мусульманскому университету аль-Азхар в Каире. Университет готовил кадры для исламского духовенства, некоторые из его выпускников становились видными египетскими просветителями и общественными деятелями. Основу учебного плана вуза составляли теология и другие богословские дисциплины, а также арабский язык и юриспруденция. Другие учебные предметы (математика, физика, астрономия и т. п.) рассматривались в качестве второстепенных, уровень преподавания их был не высок.

Сдержанность британской администрации в становлении высшего профессионального образования в подвластном Египте во многом объяснялась беспокойством по поводу роста волнений среди учащейся молодежи. По признанию генерального консула лорда Кромера, высшая школа могла стать центром распространения националистических настроений. Некоторые из выпускников открыто критиковали политику властей оккупационного режима и поддерживали требования просветителей о внедрении в стране светского образования.

Национально-патриотические настроения охватывали значительные слои египетского общества. Каирским националистам, имевшим сторонников в британском парламенте, удалось склонить лорда Кромера пересмотреть отношение к образовательной поли-

тике в Египте. В Каире заговорили о предстоящей реформе образования. В 1902 г. Кромер в отчетном докладе о деятельности британской администрации изложил основные положения предстоящей образовательной программы на ближайшие 10 лет. Программой намечалось, во-первых, обеспечить в стране начальное образование на арабском языке; во-вторых, гарантировать европеизацию правительственных школ с целью повышения качества подготовки выпускников, способных проявить себя в сферах трудовой, гражданской и административной службы; в-третьих, ограничить прием в средние школы до уровня, соответствующего потребностям экономики и различных сфер службы; в-четвертых, расширить сеть технического образования с целью получения выпускниками профессий, востребованных производством³.

Образовательной программой Кромера предполагалось, прежде всего, наладить подготовку служащих (исполнителей) для второстепенных рабочих должностей и ориентированных на дальнейшее продвижение в бюрократические структуры, а также на получение профессии для занятия мест на низших ступенях чиновничьего аппарата: в управленческих учреждениях, на предприятиях, в медицине и народном образовании. Своей программой оккупационные власти намеревались способствовать повышению грамотности населения и, в то же время, стремились избежать риска роста неудовлетворенности египетской интеллигенции состоянием национального образования.

Образовательные проблемы неизменно привлекали внимание египетских националистов. Авторитетный лидер националистического движения Мустафа Камаль, получивший высшее юридическое образование во Франции, призывал своих сподвижников ориентироваться в требованиях просвещения народа на распространение среди него грамотности, знаний и патриотических чувств, признавал неизбежность европеизации египетского общества⁴. Прогрессивные представители интеллигенции Египта активизировали выступления за реформы в отечественном образовании, призывая к ознакомлению учащихся с лучшими достижениями западной цивилизации.

В Египте к концу XIX в. появились сотни новых предприятий в сфере торговли, промышленности и обслуживания, происходили значительные изменения в общественном созна-

нии. Аристократические слои начали осваивать новые привычки и стиль жизни европейцев. Привлекательным становилось обучение в вузах Европы. В 1892 г. в Каире открылась французская школа права. Среди египетской интеллигенции зародилась идея создания национального светского университета. Даже в аль-Азхаре вводились новые дисциплины: география, литература, гражданская история ислама⁵. При участии европейцев-интернационалистов, проживавших и работавших в Египте, в египетское общество начали проникать социалистические идеи. Особенно активными в их пропаганде были итальянцы. В июне 1901 г. они открыли в Александрии Свободный Народный университет⁶.

Интеллигенция, буржуазно-помещичьи элементы и чиновники Египта одобрительно отнеслись к образовательным начинаниям Кромера. В обществе бытовало мнение, что египтяне пока не готовы к самоуправлению, а поэтому допустимы лишь постепенные преобразования и неизбежен длительный период общего и политического просвещения. Особую привлекательность в общественной жизни приобретала проблема обучения женщин. Администрация колонизаторов не стимулировала развитие женского образования в подконтрольной стране. Женский вопрос становился составной частью проблемы освобождения общества от религиозно-феодалных оков. Однако, как заметил отечественный историк-арабист З. И. Левин, «он рассматривался в частном аспекте необходимости женского образования, воспитания, поскольку женщина является основной силой в деле формирования человека — члена нового общества»⁷. В первые годы оккупационного режима за счет казны финансировалось обучение девочек в начальных школах, затем оно было переведено на платную основу. Доступность профессионального обучения женщин ограничивалась школой акушерства, либо учительским колледжем.

Образовательные учреждения Египта во многом способствовали зарождению национальной интеллигенции. Наиболее массовым профессиональным отрядом формировавшейся египетской интеллигенции стало учительство. В 1907 г. численность учителей в стране составила 5,5 тыс. человек; 28 % всех учителей имели дипломы об окончании средней и высшей школы. В последующие годы происходил рост численности египетских учителей⁸.

Искусственное расширение штатов административного аппарата, обусловленное особенностями экономического, социального и политического развития колониального Египта, стало причиной количественного роста другой части египетской интеллигенции — чиновничества, численность которого в 1907 г. превысила 28,8 тыс. человек⁹. Большинство чиновников имело законченное среднее образование. Многочисленную группу государственных служащих (исполнителей) составляли лица с более низким образовательным цензом¹⁰. Из семей крупных земледельцев, торговцев и капиталистов выдвигались лица, способные занять высокие чиновничьи посты. Все они обладали дипломами заграничных высших учебных заведений. Менее многочисленными были группы медицинских работников (несколько более 6 тыс. человек) и юристов (508 чел.), офицеров (623 чел.)¹¹.

Значительным событием в становлении системы высшего профессионального образования Египта стало открытие в 1908 г. национального университета в Каире. Национальным патриотам удалось преодолеть долгое сопротивление британской администрации. Для достижения долгожданной цели националистами организовывался сбор денежных средств среди населения. В целях контроля за деятельностью университета хедивское правительство стало выделять небольшие ежегодные субсидии. Вначале университет был частным и небольшим. Преподавание в нем велось на английском и отчасти французском языках, арабский язык не был включен в учебные планы (исключение составляли курсы арабской литературы и арабской философии). При оккупационном режиме Каирскому университету не удалось добиться значительных успехов. Почти две трети студентов изучали гуманитарные науки. Наиболее талантливые студенты имели возможность продолжать обучение в зарубежных университетах в области математических, естественных, гуманитарных, медицинских наук. В 1925 г. Каирский университет получил официальный статус государственного высшего учебного заведения. С момента образования университета значительную популярность у египетской молодежи приобрели юридический факультет, литературный, коммерческий, медицинский, агрономический факультеты.

Среди различных групп интеллигенции студенчество становилось активной общественной силой, выступавшей в под-

держку проектов образовательных реформ и требований «приближения египетской жизни к западноевропейской». Русский писатель и общественный деятель С. Я. Елпатьевский, посетивший в 1909 г. Египет, стал очевидцем массового протеста каирцев по случаю отказа колониальной администрации ввести в стране конституцию. Среди протестовавших были студенты университета аль-Азхар, проявившие солидарность с национальными патриотами в митинговых выступлениях за введение конституции и достижение независимости Египта¹².

Протесты против иностранных оккупантов активизировались с началом Первой мировой войны. 18 декабря 1914 г. Великобритания в одностороннем порядке объявила о выходе Египта из состава Османской империи и переходе его под британский протекторат. Таким решением англичане рассчитывали примириться с египетскими националистами и прогрессивной интеллигенцией. С этой целью началась чистка офицерского корпуса египетской армии, сопровождавшаяся освобождением армейских рядов от турецких и черкесских офицеров. На время войны в Египте было введено военное положение, проблемы образования отошли на второстепенный план.

Подводя итоги изложенного выше, отметим, что состояние образования в Египте оккупационного периода по существу отражало зависимое положение страны и находилось под жестким контролем британской администрации. Образовательной политикой британцы стремились обеспечить подготовку клерков, канцелярских служащих для растущего бюрократического аппарата и кадров для неквалифицированного труда. В Египте формировалась значительная прослойка чиновничества, сочетавшая «высокородность с интеллектуальной работой на государственной службе». Эта социальная прослойка составляла наиболее значимую часть складывающейся египетской интеллигенции. В то же время росла потребность в профессионально грамотных служащих, технических специалистах, учителях, врачах и т. п.

Появление национальной интеллигенции в Египте в конце XIX — начале XX в. было обусловлено двумя обстоятельствами: во-первых, возросшей эксплуатацией народных масс и их социальным бесправием; во-вторых, увеличением численности образованных на западный манер людей, не утративших духовно-

культурной близости с народом и стремившихся к установлению социальной справедливости за счет общественных, политических и образовательных сдвигов. Эти факторы отмечались исследователем А. Н. Мещеряковым при анализе специфических свойств в формировании российской и японской интеллигенции¹³. Они отчетливо проявлялись и в Египте.

Следует признать, что в условиях колониального режима сложились объективные предпосылки для становления национальной интеллигенции в Египте. Ее ряды пополнялись выпускниками высших учебных заведений. Вузы становились центрами воспроизводства не только квалифицированных специалистов для научной, инженерно-технической, гуманитарной и административно-управленческой деятельности, но и стимулировали рост национальной интеллигенции. Формирование прослойки интеллигенции способствовало появлению и активной деятельности египетских политических организаций.

Примечания

- ¹ Uthman Amin. *Raid al-Fikr. A Pioneer of Thought*. Cairo, 1955. P. 240.
- ² *Андреев В. И.* В стране пирамид. М., 1972. С. 225.
- ³ *Lord Cromer.* Annual Report for 1902, HCSP. Egypt, 1903. № 1. Vol. 82. P. 1529.
- ⁴ *Левин З. И.* Арабские страны // Зарождение идеологии национально-освободительного движения (XIX — начало XX в.): очерки по истории общественной мысли народов Востока. М., 1973. С. 91.
- ⁵ *Иванов Н. А.* Египет // История национально-освободительной борьбы народов Африки в новое время. М., 1976. С. 219.
- ⁶ Там же. С. 226.
- ⁷ *Левин З. И.* Указ. соч. С. 68.
- ⁸ *Черновская В. В.* Египетская интеллигенция в первой половине XX в. (численность, состав, структура и социально-классовое положение) // Народы Азии и Африки. 1976. № 3. С. 63.
- ⁹ Там же. С. 58.
- ¹⁰ Там же. С. 63.
- ¹¹ Там же. С. 58.
- ¹² *Елпатьевский С. Я.* Египет // Русское богатство. 1909. № 10. С. 211.
- ¹³ См.: Интеллигенция древняя и новая : круглый стол // Народы Азии и Африки. 1990. № 2. С. 51—52.

С. И. Грачев, А. А. Корнилов

**ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ РОССИЙСКОЙ ЭМИГРАНТСКОЙ
ИНТЕЛЛИГЕНЦИИ В ОБЩЕСТВЕ «БЕСЕДА»
г. ФИЛАДЕЛЬФИЯ (США)**

Деятельность российской интеллигенции в эмиграции представляет собой сложный, многоплановый феномен. Эта деятельность имеет исторические, географические, функциональные аспекты, ее можно измерить периодизацией, а также отразить на страницах биографических словарей. В США российская интеллигенция XX столетия относилась к двум большим «волнам» эмиграции: после революционных событий 1917 г. и Гражданской войны и после Второй мировой войны. И в первом и во втором случаях интеллигенция была вынуждена искать механизмы выживания, адаптироваться к принимающему сообществу, и что более важно — обрести способы самовыражения, применить эффективные технологии сохранения национально-религиозной идентичности и воспроизводства яркой, самобытной культуры.

В Соединенных Штатах в течение XX века сложилось несколько крупных центров сосредоточения культурных сил российской интеллигенции, и одним из них был северо-восток США. Гигантский Нью-Йорк с его пригородами и периферией, Филадельфия, Вашингтон, Бостон, Сиракузы и некоторые другие крупные города северо-востока стали магнитами для талантливых специалистов в области науки и техники, литературы и искусства, педагогики и просвещения, православного богословия.

© Грачев С. И., Корнилов А. А., 2012

Грачев Сергей Иванович — доктор политических наук, доцент, профессор кафедры основ безопасности и внешней политики России Нижегородского государственного университета им. Н. И. Лобачевского. region@fmo.unn.ru

Корнилов Александр Алексеевич — доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой зарубежного регионоведения Нижегородского государственного университета им. Н. И. Лобачевского. region@fmo.unn.ru

Интеллигенция искала различные формы объединения и находила их в создании творческих организаций. Одной из таких организаций стало общество «Беседа».

Русское просветительское (эмигранты произносили «просветительное») и благотворительное общество «Беседа» (Russian Cultural & Welfare Society, Philadelphia, Pennsylvania) было основано в январе 1953 г. в Филадельфии, штат Пенсильвания. Основателями организации стали Борис Константинович и Ольга Николаевна Сементовские вместе с небольшой группой прихожан Свято-Владимирского прихода в Филадельфии. Это были люди с высшим образованием, представители преимущественно послереволюционной эмиграции. Они приехали в США по окончании Второй мировой войны, а до войны проживали в славянских странах: Югославии, Болгарии и Чехословакии.

Постепенно в состав общества вошли не только жители города Филадельфия, но и его окрестностей, а позднее в деятельности общества стали принимать активное участие выдающиеся российские эмигранты из других городов северо-востока США. Среди них были: ученый с мировым именем, авиаконструктор и авиастроитель И. И. Сикорский, идеолог монархизма, профессор Джорданвилльской православной духовной семинарии Н. Д. Тальберг, нью-йоркский благотворитель, меценат, князь С. С. Белосельский и целый ряд других. Последний председатель общества «Беседа» А. Д. Шиленок вспоминал, что значительная часть мероприятий общества «Беседа» финансировалась князем С. С. Белосельским¹.

Движущей силой общества были Ольга Николаевна Сементовская и ее супруг Борис Константинович. Активное участие принимали Алексей Дмитриевич Шиленок и его супруга Светлана Александровна. Они относились к более молодым членам общества (в 1950—60-е годы им было 30—40 лет), которые больше занимались добыванием куска хлеба, получением новой квалификации, семьей и изучением английского языка².

Борис Константинович Сементовский был участником Гражданской войны на стороне Белой армии и дослужился до чина поручика. В годы Второй мировой войны он был офицером роты связи в Русском Корпусе на Балканах. Сын священника и глубоко верующий христианин, инженер по образованию, он «работал не

покладая рук, вместе со своей супругой в созданном ими просветительном Обществе “Беседа”. Любя молодежь и детей, он очень тепло и умело передавал свои знания русской истории, географии и литературы в бытность свою преподавателем во Владимирской школе». Б. К. Сементовский прошел тяжелый путь эмигранта, но не пал духом, никогда не сидел, сложа руки, не пренебрегал никакой работой для блага русского дела и для пользы любимой семьи. Последние годы тяжелая, мучительная болезнь подорвала его здоровье, и в 84 года он закончил свой жизненный путь³.

Как уже говорилось, общество было образовано в январе 1953 г., а через год состоялось общее собрание его членов. Отчет казначея общества А. Козловой свидетельствовал, что организация только начинала работу и финансовая статистика была весьма скромной.

Приход общества за 1953 г. составил:

Членские взносы — 64,75 дол. Тарелочный сбор с лекций — 54,30 дол.

Пожертвования — 10 дол. Доход с концерта — 6,80 дол.

Продажа конспектов — 1,50 дол.

Итого приход — 137,35 дол.

Расход общества составил:

За путевые издержки лекторам — 101,71 дол. Почтовые расходы — 8,92 дол. Канцелярия — 10,94 дол. Пособия к докладдам — 5,00 дол.

Итого расход — 126,57 дол.⁴

Однако уже в 1954 г. приход общества равнялся 882,01 дол., а расход — 854,18 дол. И далее финансовые цифры возрастали, что свидетельствовало о росте самой организации. Расширялась культурно-просветительская деятельность общества «Беседа». В 1954 г. состоялось 12 докладов, один бал-маскарад со Славянским киоском-выставкой. Был поставлен фильм Кованько («антисоветский», уточнял протокол собрания общества от 23 января 1955 г.), артистической труппой из Нью-Йорка поставлены комедия Чехова и драма Островского. Общество получило в дар от жителя Филадельфии Г. Мурьянки (это был отец нынешнего настоятеля Свято-Троицкого монастыря в Джорданвилле, архимандрита Луки (Мурянки)) аппарат для показа снимков (слайдов). Накоплены сотни снимков из политической и бытовой

жизни Старой России, искусства, архитектуры, иконописи, военной истории. Некоторые докладчики дали для размножения конспекты своих докладов. На магнитофонную ленту (Тейп-Рекордера) были записаны два доклада и один очерк. Из документов 1955 г. мы узнаем, что большое содействие работе общества оказали член Попечительской группы общества, профессор церковной истории Н. Д. Тальберг и управляющий Вашингтонско-Флоридской епархией Русской Зарубежной Церкви архиепископ Никон (Рклицкий)⁵.

Правление организации в начале 1955 г. попыталось оценить работу, проделанную за два последних года, и одновременно заявить о себе как о растущей и влиятельной организации в эмигрантском культурном пространстве. В справке, подготовленной секретариатом общества, в частности, говорилось:

«По существу своих целей это есть Общество патриотическое, зовущее русских изучать прошлое Родины, уважать свою русскость и стремиться к России. Закономерно чередующиеся доклады компетентных лиц, приглашаемых Обществом, по утвержденной им тематике, освещают разные этапы и стороны жизни Российского государства и творчество русского народа. Общество пользуется моральной поддержкой его попечительной группы, постепенно пополняемой. В настоящее время в эту группу входят (в порядке вступления): проф. А. А. Сван, ученый-музыколог, музыкальный директор Сварсмар Колледж; Н. Д. Тальберг, член ученой коллегии Свято-Троицкого монастыря; С. Л. Войцеховский, общественный деятель и публицист; д-р проф. И. М. Андреев, член ученой коллегии Св. Троицкого монастыря»⁶.

Вышеназванные члены Попечительской («Попечительной», как произносили эмигранты) группы были очень известными представителями эмигрантской интеллигенции.

Альфред Сван (1890—1970) родился в Санкт-Петербурге в английской семье. Окончил юридический факультет Оксфордского университета и консерваторию в Петербурге. В годы Первой мировой войны он посвятил себя работе в Союзе Городов по опеке над нуждающимися и больными детьми. В результате событий Гражданской войны А. Сван с женой эмигрировал из Владивостока в США. С 1921 г. он уже читал лекции в американских университетах, писал статьи, создавал музыкальные произведе-

ния, устраивал концерты русской музыки. С 1933 г. А. Сван исследовал старорусские напевы, путешествовал по Европе в поисках образцов русских и церковных песнопений. Результатом стала публикация его трудов «Музыка восточных церквей» и «Архитектура знаменного распева»⁷. Безусловно, такой специалист-музыковед был очень ценным сотрудником общества «Беседа».

О жизни и деятельности Н. Д. Тальберга (1886—1967) в Русском Зарубежье написано немало. О нем знает практически каждый священнослужитель РПЗЦ, ветеран-прихожанин, успешно учащиеся приходских школ и семинаристы Джорданвилля. В России, в Отечестве о Тальберге слышали преимущественно монархисты, о нем знают и читают его работы образованные архиереи и священники, монашествующие и увлеченные студенты духовных школ, мужских семинарий и женских епархиальных училищ. Н. Д. Тальберга знают как православного публициста, идеолога восстановления монархической исторической России, автора многочисленных статей в изданиях Зарубежья и целого ряда замечательных исторических трудов о России. К моменту приезда в США Николай Дмитриевич прошел тяжелый путь эмигранта-интеллекта.

Н. Д. Тальберг родился в семье профессора Киевского университета, доктора уголовного права. В 1907 г. он окончил с золотой медалью Императорское училище правоведения. По окончании училища поступил на службу в министерство внутренних дел. После Февральской революции 1917 г. Николай Тальберг начал борьбу за восстановление монархического порядка в стране, участвуя в тайных монархических организациях. Оказавшись в 1920 г. в Берлине, он участвовал в подготовке 1-го Монархического съезда 1921 г. в Рейхенгале. На съезде Н. Д. Тальберг был избран на должность управляющего делами Высшего Монархического Совета и оставался на этом посту до 1938 г. В своей патриотической работе и церковно-общественной деятельности он сотрудничал с членами Императорского Дома, епископатам РПЗЦ; к нему обращались за советом и справками генералы Врангель, Кутепов, Миллер, Краснов, Туркул, профессор Головин, писатель Шмелев и многие другие. Он был частью Исторической России и Зарубежной России. После Второй мировой войны Николай Дмитриевич жил на положении «перемещенного лица» (ДиПи или DP, или Dis-

placed Person) и был старостой православного прихода Архангела Михаила в австрийском городе Зальцбург и директором православной гимназии лагеря ДиПи Парш⁸.

В лице Н. Д. Тальберга общество «Беседа» приобрело не только заботливого попечителя, обладавшего большими связями среди эмигрантской интеллигенции, но и прекрасного лектора, вдохновенного оратора, профессионального историка, знавшего историческую Россию не понаслышке. Он всей душой поддерживал общество. Один из архивных документов сообщает, что Н. Д. Тальберг говорил на заседаниях общества «о важности для русской национальной мысли хорошего знания прошлого своей Родины, о необходимости участия молодежи в изучении прошлого и об огромной роли в созидании будущего России той части молодежи, которая будет к этой роли готовиться»⁹.

Сергей Львович Войцеховский (1900—1984) хотя и был, по словам секретариата «Беседы», ярким общественно-политическим публицистом, занимался и политической практикой. Непримируемая антисоветская позиция привела его в ряды монархистов. С середины 1920-х годов С. Л. Войцеховский состоял в Варшаве резидентом разведывательно-информационной части канцелярии Великого Князя Николая Николаевича, а самой канцелярией руководил генерал от инфантерии А. П. Кутепов. Историки утверждают, что С. Л. Войцеховский одним из первых начал догадываться об искусственном антисоветизме организации «Трест». После гибели Кутепова в 1930 г. Войцеховский активно участвовал в защите интересов русского населения Польши, был управляющим Русского общественного комитета в Варшаве, который после немецкой оккупации преобразовался в «Руссише Фертрауенштелле». От наступающей Красной армии С. Л. Войцеховский ушел в Лихтенштейн вместе с подразделением полковника А. Хольмстона-Смысловского, одного из руководителей германского Зондерштаба «Р», который занимался разведывательно-диверсионной деятельностью в тылу Красной армии. Затем С. Л. Войцеховский проживал в Австрии до 1950 г. При помощи Толстовского Фонда, имея статус «перемещенного лица», он переехал в США, где развернул кипучую антисоветскую деятельность. С. Л. Войцеховский публиковал статьи в эмигрантских газетах «Новое русское слово» и «Россия» (Нью-

Йорк), «Наша страна» (Буэнос-Айрес). Журналы «Возрождение», «Новый журнал» (Нью-Йорк), «Часовой» (Париж-Брюссель) печатали его острые, полемичные общественно-политические труды¹⁰.

Профессор Иван Михайлович Андреев (1894—1976, настоящая фамилия Андреевский) был педагогом и врачом-психиатром. В 1920-е годы работал на должности профессора Петроградского университета, но затем был уволен и преподавал литературу в средней школе. Тайно посещал лекции по религиозной философии. В 1927 г. выступил против Декларации митрополита Сергия, призвавшего духовенство и паству сотрудничать с советской властью, был арестован и провел 5 лет в заключении. В годы войны оказался на оккупированной немцами территории. С потоком беженцев добрался до Германии, жил на положении перемещенного лица, а в 1950 г. перебрался в США. Преподавал до 1971 г. в духовной семинарии Джорданвилля. Перу И. М. Андреевского принадлежат труды: «Преподобный Серафим Саровский», «Очерки по истории русской литературы XX века», «Краткий конспект курса по психологии»¹¹. В Филадельфию, штат Пенсильвания, профессор И. М. Андреевский ездил из Джорданвилля, штат Нью-Йорк, так же как и его коллега Н. Д. Тальберг.

Таковы были попечители общества «Беседа» в первые годы его существования.

Далее справка секретариата 1955 г. продолжала: «За первые два года своего существования Общество организовало 21 доклад на различные темы. Кроме докладов Общество организует собрания с демонстрацией на экране снимков, имеющих отношение к России, а также вечера и спектакли. Обществом создан запас (12 серий) документальных микрофильмов, иллюстрирующих ряд докладов на темы политические, военные, культурные, бытового содержания и проч. Заканчивается большая серия снимков для докладов о русской живописи. Созданы предпосылки для записи докладов и наговоренных спикером очерков о России на грамофонные пластинки, а также для выпуска литографированных брошюр с конспектами состоявшихся докладов...»¹²

С 1955 г. в деятельности общества «Беседа» активное участие стал принимать протоиерей Евгений Лызлов, настоятель прихода «Всех Скорбящих Радость» в Филадельфии. Следует

подчеркнуть, что любая общественная инициатива российских эмигрантов поддерживалась Русской Зарубежной Церковью (или православной Церковью в Америке), если, конечно, эта инициатива имела полезные, с точки зрения Церкви, общественные и нравственные начала. Общество «Беседа» с самого начала поддержал правящий архиерей Вашингтонско-Флоридской епархии владыка Никон. Участие о. Евгения Лызлова было делом естественным, однако здесь возникает вопрос, на который не могут ответить документы, оказавшиеся в распоряжении авторов. Дело заключается в том, что общество «Беседа» было создано эмигрантами преимущественно первой, послереволюционной «волны». Эта часть русских жителей Филадельфии имела свой церковный приход в честь св. князя Владимира. Вторая, послевоенная «волна» эмигрантов сосредоточилась в основном вокруг прихода в честь иконы Божией Матери «Всех Скорбящих Радость», настоятелем которой был как раз о. Евгений Лызлов. Предполагаем, что к 1955 г. противоречия между двумя частями эмиграции в Филадельфии практически сошли на нет и о. Евгений, не только активный священнослужитель и добрый пастырь, но и издатель книг, сочинитель стихов для детей и юношества, мог в полной мере сотрудничать с обществом. Тем не менее, трудно объяснить слабое участие священников Свято-Владимирского прихода — протоколы собраний общества «Беседа» об их участии практически ничего не сообщают.

В 1957 г. на общем годовом собрании была предложена идея помогать от имени общества русским церковным школам в Европе. О необходимости такой помощи постоянно сообщала Обитель преподобного Иова Почаевского в Мюнхене. Собрание одобрило идею о помощи нуждающимся русским православным школам и вообще русским эмигрантам, «впавшим в нужду», и внесло дополнительный термин «Благотворительное» в название общества и соответственно решило дополнить Устав¹³.

Развитие общества шло настолько успешно, что на годовом собрании 1959 г. была поставлена задача открыть центр, который бы поощрял деятельность организаций, подобных обществу «Беседа». Собрание решило развивать связи с русскими американцами, живущими в Филадельфии, читать доклады о России на английском языке для американцев, «внимательно следить за кле-

ветническими выпадами в американской прессе против России и посылать вырезки в Нью-Йорк попечителям Общества, которые будут отвечать редакциям американских газет»¹⁴.

В 1961 г. общество «Беседа» провело большое мероприятие, посвященное 100-летию отмены крепостного права. В нем приняли участие различные эмигрантские организации, такие как: Свято-Владимирский приход Филадельфии, Русский Общевоинский Союз (наследник Врангелевской армии), отдел Русского корпуса, Свято-Владимирский кружок молодежи, Клуб русской молодежи. Докладчиками на собрании выступили прихожанин Скорбященского прихода Филадельфии, историк Е. И. Комаревич (доклад на русском языке) и выдающийся специалист по истории русской культуры, профессор Н. С. Арсеньев (доклад на английском языке)¹⁵.

Накануне собрания общество «Беседа» распространило следующее объявление:

В Филадельфии
В воскресенье 12 марта 1961 года в 3 часа дня
В зале Интернационального Института 645-Норт-15 стрит
Филадельфия
состоится
Под Председательством Князя С.С. БЕЛОСЕЛЬСКАГО
ОТКРЫТОЕ СОБРАНИЕ,
посвященное
100-летию ОСВОБОЖДЕНИЯ КРЕСТЬЯН ОТ КРЕПОСТНОЙ
ЗАВИСИМОСТИ
В Свято-Владимирском храме после обедни
панихида по убиенному
ЦАРЮ-ОСВОБОДИТЕЛЮ АЛЕКСАНДРУ II.
На Собрание ожидаются докладчики из Нью-Йорка.
От Филадельфии выступит Е. И. Комаревич.

Перед Собранием в Интернациональном Институте холодный буфет и чай с 12 час. 00 мин. до 3 час.

Организационный Комитет¹⁶.

Просветительская деятельность общества «Беседа» в конце 1950-х — начале 1960-х годов переживала подъем. За период

1953—1963 гг. было организовано 9 докладов-лекций, устроено 6 павильонов русской культуры, 12 Рождественских елок и вечеров, 4 концерта и больших балов¹⁷.

Тематика лекций за 10 лет работы была расширена и подразделялась на следующие блоки (приводим далеко не весь список тем):

Религиозно-нравственные:

«Оптина пустынь» — проф. И. М. Концевич

«Православные храмы, иконопись» (микрофильмы Общества) — лектор Общества

«Основы христианской нравственности» (записано на магнитофон) — проф. И. М. Андреев

«1000-летие крещения Св. Ольги» — епископ Никон (Рклицкий)

«Вера в литературном изображении от Ломоносова до наших дней» — архимандрит Константин (Зайцев)

Исторические:

«Материалы к царствованию Императора Николая I» — Н. Д. Тальберг

«Убийство Императора Александра II» — Г. В. Месняев

«Русский суд» — К. Н. Николаев

«Сперанский» — К. Н. Николаев

«Земельная реформа П. А. Столыпина» — д-р В. В. Гзовский

«Обзор Киевского периода истории Руси» —

Е. И. Комаревич

Военно-политические:

«Русские победы и отношение к ним Запада» — Генерального Штаба полковник С. Н. Ряснянский

«Европа против России 100 лет назад» — Н. Д. Тальберг

«Русская армия в царствование Императора Николая II» — полковник Б. Н. Шатилов

«Адмирал Колчак» — инженер-лейтенант Н. З. Кадесников

Литературные:

«А. С. Пушкин» — проф. И. М. Андреев

«М. Ю. Лермонтов» — проф. И. М. Андреев

«Бунин и его творчество» — Г. В. Месняев

«Русская литературная критика в свете православного сознания» — архимандрит Константин

«Псевдолиберализм в советской литературе» — преподаватель Русского института при Вашингтонском университете (имя не названо. — С. Г., А. К.)

«Литература Древней Руси» — В. П. Курганский

«Основные моменты русской критики» (семинар) — В. С. Крупиц

«100-летие Чехова» — Г. В. Месняев

Специальные и воспитательные:

«Геликоптер и его будущее» — И. И. Сикорский

«Американское гражданство и русское национальное воспитание» — князь С. С. Белосельский

«Десять лет в концлагерях СССР» — Б. К. Ганусовский

Кроме того, в список лекций входил раздел «Искусство». Лекционная деятельность сопровождалась организацией выставок и киосков, которые пропагандировали русскую культуру. Общество «Беседа» также публиковало специальные материалы в эмигрантской печати: статьи, заметки, некрологи, призывы, протесты¹⁸.

География участия эмигрантской интеллигенции в работе общества была представительной, широкой, на это указывает приведенный выше список докладчиков. Добавим, что об этом свидетельствовал и протокол общего юбилейного собрания общества, состоявшегося 24 февраля 1963 г. На собрании присутствовали: полковник Б. В. Сергиевский (попечитель, Нью-Йорк), председатель Общества им. А. С. Пушкина в Нью-Йорке Г. В. Месняев, русская, сербская и американская молодежь. Приветствия обществу в связи с юбилеем прислали: архиепископ Никон Вашингтонско-Флоридский — председатель Учебно-Просветительного Совета при Архиерейском Синоде РПЦЗ, А. В. Руммель (представительство Российской эмиграции), редактор нью-йоркской газеты «Россия» Н. П. Рыбаков, музыковед Э. Р. Зубкович (Нью-Йорк), инженер Л. Н. Зайцевский (штат Огайо), поэт Кашин из Сан-Франциско¹⁹.

К 10-летию работы общества был подготовлен отчет о благотворительной деятельности обществ, направленной на развитие просветительских проектов в Европе. Согласно отчету, за

период с июня 1956 г. до конца 1962 г. общество выделило 1757,21 дол. Например, русским детям Европы в июне 1956 г. общество выделило 51 дол. Болящему писателю Гребенщикову, основателю поселка Чураевка, штат Коннектикут, где проживала российская эмигрантская интеллигенция, в сентябре 1957 г. было направлено 35 дол.

Обитель преп. Иова Почаевского в Оберменцинге (Мюнхен) регулярно получала финансовые средства из Филадельфии. Так, если взять 1958 г., то суммы на помощь монастырю распределялись: январь — 51 дол., июнь — 30 дол., июль — 71 дол., август — 25 дол., ноябрь — 20 дол., декабрь — 30 дол.²⁰

Анализ документов ревизионной комиссии, других отчетных материалов показывает, что приход общества «Беседа» создавался в основном из членских взносов и пожертвований, сделанных на крупных мероприятиях. Например, в январе — октябре 1968 г. членские взносы составили 134,75 дол. Средства, собранные на 15-летнем юбилее общества, составили 223 дол. На коллекцию «Россия в снимках» эмигранты пожертвовали 125 дол. Наоборот, средства, поступившие на чтение докладов, равнялись всего 25 дол. Книги известного эмигрантского историка, бывшего морского офицера Н. З. Кадесникова были реализованы за 2,5 дол., а закупка этих книг стоила обществу 17,5 дол. Продажа некоторых эмигрантских русских газет («Новое Русское слово», «Россия») либо ничего не принесла, либо дала малые суммы²¹.

В конце 1960-х — начале 1970-х годов стали уходить выдающиеся деятели общества. В 1967 г. скончались попечители-лекторы Н. Д. Тальберг и Г. В. Месняев. Мы уже говорили о Н. Д. Тальберге, но личность писателя Григория Валерьяновича Месняева также заслуживает внимания интеллигентоведа.

Г. В. Месняев родился в Туле в 1892 г., окончил Орловский кадетский корпус, Виленское военное училище, участвовал в Первой мировой войне. После 1917 г. служил в Добровольческой армии. В годы советской власти ему пришлось скрывать свое прошлое. С 1942 г. жил под немецкой оккупацией. Вместе с беженцами после войны оказался в Баварии. Советский строй Г. В. Месняев принять не мог и потому стремился перебраться на Запад. Давнее влечение Месняева к литературе и его писатель-

ский талант в полной мере проявились в США, куда он приехал после 1945 г. На американской земле он написал автобиографическую повесть «Давнее», очерки о генерале М. Д. Скобелеве и Н. С. Гумилеве «В полях неведомой земли», эпическую панораму «По следам минувшего» о войне 1812 г. После кончины Б. Л. Бразоля Г. В. Месняев был избран председателем Общества им. А. С. Пушкина в Нью-Йорке. Он мечтал завершить книгу о Н. М. Карамзине, но не смог²².

В состав попечителей вошли новые члены: С. Н. Боголюбов (инспектор церковных школ, Нью-Йорк), профессор Е. П. Каликин (г. Вашингтон), Генерального Штаба полковник С. Н. Ряснянский (бывший офицер разведывательного отделения штаба Добровольческой армии, Нью-Йорк), полковник А. И. Рогожин (последний командир Русского Корпуса на Балканах, Лейквуд, штат Нью-Джерси), профессор-медик Ф. В. Вербицкий, Генерального Штаба полковник М. В. Голубев, инженер Л. Н. Зайцевский, музыковед Э. Р. Зубкович, профессор А. А. Сван и др.²³

Общество «Беседа» активно сотрудничало с Владимирским училищем (бывшей приходской школой при храме св. Владимира в Филадельфии). Это была эффективная связка двух организаций, позволявшая соединить усилия по воспитанию детей и подростков, сохранению в них русского самосознания. Неустанную педагогическую и организационную деятельность вел директор училища и член Правления общества «Беседа» А. Д. Шиленок. В архивных материалах общества отложились документы, свидетельствующие об участии активистов «Беседы» в работе училища.

Документы указывают, что 5 июня 1971 г. состоялся школьный акт Свято-Владимирского училища в Филадельфии: «В помещении “Руба”, несмотря на исключительно жаркий день, собрались родители и друзья школы. После молебна и доброго слова о Евгения Лызлова, был поставлен исторический набросок “Родина”, в котором приняли участие следующие ученики.

Декламация: Валентин Яблоков, Светлана Панасова, Екатерина Шиленок, Людмила Шестакова, Павел Рен и Михаил Таптыков. Рояль: Диана Шульц и Ирина Голль. Все прекрасно справились со своими ролями. После вышеупомянутых учеников, участвовавших в наброске “Родина”, три ученика школы — Анд-

рей и Павел Степановы и Ляля Маркова очень живо и весело сыграли на аккордеоне ряд приятных мелодий. Затем было открыто почетное собрание и предоставлено слово доктору Андрею Ивановичу Федорову, который является главой русского отдела в Родгерском университете (Rutgers University. — С. Г., А. К.). Профессор очень понятно, интересно и живо объяснил нашему молодому поколению, насколько важен русский язык и почему мы должны не забывать, что мы, русские, представители большой нации, находящиеся волею судьбы в рассеянии.

После угощения, предложенного детям и всем присутствующим, председатель родительского комитета выдал свидетельства всем ученикам, в первую очередь отличникам, получившим в награду книги, а также от общества “Отрада” была выдана денежная премия лучшему ученику школы Михаилу Таптыкову. Двум другим ученикам, которые покидают русскую школу, так как поступают в американский колледж, выдана от школы денежная награда. С Божьей помощью закончен еще один учебный год, и можно надеяться, что труды не пропали даром, а дети унесли в своих сердцах и умах немало разумного, доброго и полезного»²⁴.

Ветераны общества продолжали покидать этот мир. Основатель общества «Беседа» Б. К. Сементовский скончался 20 апреля 1972 г., а 26 октября — попечитель общества И. И. Сикорский. В память о выдающемся покровителе интеллектуальных усилий эмиграции общество «Беседа» устроило в декабре 1972 г. выставку в Филадельфии, посвященную И. И. Сикорскому. Организации выставки содействовал Сервис-центр национальностей г. Филадельфия. В выставке приняли участие представители корпорации «Сикорски эйркрафт». Участники отметили гениальность русского авиаконструктора И. И. Сикорского и особый вклад славянских, русских инженеров и техников в развитие самолетостроения в США²⁵.

Общество «Беседа» официально не закрылось, а прекратило работу в начале 1980-х годов в связи с кончиной его вдохновителей и естественным старением активных членов.

Последними документальными свидетельствами работы общества оказались его бюллетени. Они отражают усилия энту-

зиастов, сохранивших верность делу просвещения эмигрантов. В сентябре 1980 г. бюллетень № 8 сообщал:

«4 мая 1980 года после богослужения в помещении Скорбященского Храма в Филадельфии состоялось собрание членов Общества. Был заслушан доклад председателя общества А. Д. Шиленка. Денежный отчет показал, что в кассе общества 245,82 дол. Деньги Благотворительного отдела держатся отдельно. За все время было выпущено семь Бюллетеней, в которых помещаются материалы, собранные прошлым правлением в течение многих лет существования общества, и материалы, могущие интересовать наших членов общества. На собрании было переизбрано Правление Общества в следующем составе:

Председатель: Алексей Д. Шиленок;

Вице-председатель: Георгий Б. Сементовский;

Организационный секретарь: Григорий Я. Сидашов;

Административный секретарь и казначей: Екатерина А. Шиленок».

Бюллетень также сообщал, что 18 мая 1980 г. состоялся доклад профессора О. Пелех на тему «О русской культуре и русском государстве», посвященный эпохе Николая I. «Пользуюсь случаем, — писала Е. Шиленок, — попросить членов Общества уплатить вовремя членские взносы. Также будем благодарны пожертвованиям на печатание и рассылку Бюллетеня»²⁶.

Обратим внимание на тот факт, что собрание общества прошло в помещении Скорбященского прихода на пересечении 20-й и Северной улиц старой части Филадельфии. К началу 1980-х годов это был единственный русский приход Филадельфии в юрисдикции Русской Зарубежной Церкви. Приход во имя святого апостола Андрея Первозванного в Филадельфии, в создании которого принимали участие моряки легендарного крейсера «Варяг», относился к Московской Патриархии, а другой приход МП во имя Архангела Михаила был англоязычным, где, кстати говоря, окормлялось множество местных карпатороссов. Прихожане Свято-Владимирского прихода перешли в приход «Всех Скорбящих Радость», в том числе активисты общества «Беседа», их духовно окормлял о. Евгений Лызлов.

25 марта 1982 г. скончалась основательница общества О. Н. Сементовская. Она была похоронена на филадельфийском

кладбище Окленд. «Ее заменить трудно — невозможно, — писала в некрологе С. А. Шиленок, зав. благотворительным отделом общества “Беседа”. — Любя детей и молодежь, мы продолжаем “по ее стопам”, хоть два раза в году к Рождеству Христову и к Пасхе, помогать детям в Иерусалиме, а также инвалидам, так как они защищали, потеряв здоровье, ту Россию, которую покойная Ольга Николаевна любила, защищала и старалась показать такой, какой она была, а не какой ее выставляли враги. Да будет ей пухом американская земля и да упокоит ее душу Господь в селениях праведных»²⁷.

В 1982 г. общество приветствовало идею Конгресса русских американцев созвать Первый всеамериканский съезд русских организаций в США. Съезд предполагалось созвать в г. Сиракузы, штат Нью-Йорк. У общества «Беседа» не было средств, чтобы направить на съезд делегата, потому правление хотело попросить кого-либо из известных деятелей эмиграции представить общество на съезде²⁸. Бюллетени также сообщали, что общество планирует сдать на хранение замечательную коллекцию «Россия в снимках», которую много лет собирали основатели общества супруги Б. К. и О. Н. Сементовские. Бюллетень общества информировал своих членов, что Свято-Троицкий мужской монастырь в Джорданвилле расширяет здание семинарии и намерен увеличить помещения музея и хранилища. Правление спрашивало членов общества, как они относятся к идее передать имущество общества Свято-Троицкому монастырю²⁹.

Многолетний вдохновитель и председатель общества А. Д. Шиленок скончался 6 апреля 2006 г. после долгой продолжительной болезни и был похоронен на Свято-Владимирском кладбище в Джексонвилле, штат Нью-Джерси³⁰.

Алексей Дмитриевич Шиленок был яркой, неординарной личностью и внес заметный вклад в сохранение российского культурного наследия на территории США. В Соединенные Штаты А. Д. Шиленок прибыл в 1950 г., окончил университет по специальности «инженер-механик». На заводе «Флит Корпорейшен» в Филадельфии он работал вплоть до 1992 г., достигнув должности главного инженера. О том, что он имел необычайный талант инженера, свидетельствует следующий факт. В 1978 г. А. Д. Шиленок был избран Филадельфийским обществом фаб-

ричных инженеров — Инженером года. Два срока он избирался председателем сего общества, а в 1983 г. — членом Нью-Йоркской академии наук. Будучи старостой Свято-Владимирского прихода, он организовал приходскую школу, которая затем стала училищем. В 1970 г. А. Д. Шиленок основал и возглавил Пенсильванскую казачью станицу и начал выпускать печатный листок «Кубанец», впоследствии — журнал, объединивший кубанских казаков в США. В 2001 г. «Кубанец» стал выходить вместе с журналом «Донской атаманский вестник». Последние годы жизни А. Д. Шиленок возглавлял Тройственный Союз казаков Дона, Кубани и Терека в Северной Америке³¹. Некоторые лица, знавшие А. Д. Шиленка, утверждают, что он не был уверен в истинном возрождении великой и православной России. Так это или не так, мы утверждать не станем, но Алексей Дмитриевич помогал многим людям в России и не только казачьим семьям. Статья, которую вы читаете, основана на тех оригинальных документах общества «Беседа», которые А. Д. Шиленок переправил в Нижний Новгород для научно-исследовательской лаборатории «Русское зарубежье» ФМО ННГУ им. Н. И. Лобачевского.

В бюллетенях 1980-х годов правление общества размещало на последней странице текст под названием «Познай свою Родину». Этот текст можно рассматривать и как своеобразный манифест деятельности общества и как некое завещание молодому поколению эмигрантов в США.

«По свойственной русскому характеру скромности и церковно-православной настроенности, которая дала право России именоваться “Святая Русь”, Историческая Россия, — говорилось в обращении, — никогда не дерзала похваляться своими положительными сторонами и тем паче заниматься пропагандой их — и вот так случилось, что обличительный подход к прошлому России получил видимость исторической правды, положительно господствующей в наше время во всем мире. Давно настало время раскрыть перед самими собою и перед миром подлинное лицо России.

Эта благородная задача и вдохновляет Общество наше, ибо оно убеждено, что в этом есть назначение всех русских, оказавшихся вне России, и это есть единственный путь сознания своих

ошибок и обнаружения того пути, на котором мы можем помочь восстановлению Родины — России»³².

Общество «Беседа» в Филадельфии объединило в своей многопрофильной деятельности несколько групп эмигрантской интеллигенции. Представители научной, инженерно-технической, художественной, военной интеллигенции в период 1950—70-х годов интегрировали результат своих многолетних трудов в Российской империи (или СССР), в эмиграции, в лагерях перемещенных лиц стран Европы и на территории Соединенных Штатов. По своему составу интеллигенция, объединившаяся в рядах просветительской и благотворительной организации, относилась к двум крупнейшим эмигрантским потокам: послереволюционной и послевоенной «волнам». Периодизация работы общества «Беседа» была такова, что в его рядах в 1950—60-е годы наблюдался численный баланс послереволюционной и послевоенной эмиграции. В 1970-е годы интеллигенция послевоенной «волны» преобладала в руководящих органах и в деятельности общества.

Феномен общества «Беседа» заключался в некоем универсальном характере этой организации. Общество с момента создания отказалось быть узкопрофессиональной организацией, в которую входили бы исключительно деятели культуры, военные специалисты или инженерно-технические работники. Такие объединения уже существовали на территории США и Канады: СБОНР, НТС, Общество русских инженеров, Общество им. А. С. Пушкина, различные братства и пр. Общество «Беседа» поставило цель объединить усилия самых различных слоев эмигрантской интеллигенции.

Объединение эмигрантской интеллигенции в северовосточных штатах США, в свою очередь, должно было решить следующие задачи:

1. Сплотить российскую интеллигенцию как творческую группу и социальную страту.

2. Привлечь внимание российской эмиграции, но главным образом, американской (англоязычной) общественности к великой русской культуре, к богатому историческому наследию России на всех этапах ее развития.

3. Найти и реализовать адекватные формы передачи накопленных знаний и национально-культурных ценностей детям и молодежи, молодому поколению российской эмиграции.

В процессе решения вышеназванных задач общество «Беседа» накопило значительный объем знаний об исторической России и передало эти уникальные знания в форме лекций, выставок, концертов, театральных и кино постановок, книжных ярмарок подрастающему поколению американцев российского происхождения. В условиях формирующегося «плавильного котла» различных этнических групп США передача знаний о России оказалась своеобразной формой восприятия и отношения эмигрантской интеллигенции к довольно жесткой американской действительности.

Решение поставленных задач позволило обществу «Беседа» накопить богатый и неповторимый опыт общественно-политических дискуссий, выражения русского национального самосознания. Несмотря на разницу в политических взглядах — консервативные, монархические, либеральные унастроения — интеллигенция сумела подняться над симпатиями к конкретным партиям и их лидерам. Она сумела найти идейную, в определенной мере ценностную, платформу единства эмигрантского сообщества. В основе такого единства находилось категоричное неприятие советской действительности и роли КПСС и стремление построить новую Россию, которая бы в максимальной степени учитывала историческое наследие, достижения православной культуры и православные идеалы.

Особое место в решении задач общества занимала благотворительная деятельность. Она была крайне важной в ситуации 1950-х годов, когда эмигрантское сообщество и особенно эмигранты-интеллектуалы боролись за выживание в прямом смысле этого слова. Однако благотворительная работа имела большое значение и в последующие, 1960—70-е годы, когда эмигрантская интеллигенция переживала процессы естественного старения. В таком положении финансовая поддержка одиноких и неодиноких пенсионеров (писателей, художников, офицеров, инженеров, духовенства, монашествующих) была не менее ценной. Благотворительность общества «Беседа» адресовалась также русским учеб-

ным заведениям, церковным приходам и монастырям в США, Канаде, Германии, других странах. Значение благотворительной работы имело еще и высокую нравственную ценность, поскольку эти усилия передавали евангельский дух русского национального самосознания и русской культуры.

В связи с вышеизложенным представляется особенно актуальным изучение и применение опыта деятельности общества «Беседа» и других аналогичных организаций в странах русской эмиграции в интересах объединения Русского мира и российской интеллигенции.

Примечания

- ¹ Письмо А. Д. Шиленка А. А. Корнилову // Исход. 2002. № 1877. 26 янв.
- ² Письмо А. Д. Шиленка А.А. Корнилову // Исход. 2001. № 1753. 23 марта.
- ³ *Шиленок С.* Памяти Б. К. Сементовского // Архив А. Д. Шиленка ; Русский Корпус на Балканах (1941—1945) : сб. воспоминаний и док. / под ред. *Н. Н. Протопопова, И. Б. Иванова.* СПб., 1999. С. 429.
- ⁴ Протокол № 1 Годового общего собрания Общества «Беседа» 24 января 1954 года : машинописная рукопись // Архив А. Д. Шиленка.
- ⁵ Протокол № 2 Общаго Собрания Руссаго Просветительнаго Общества «Беседа» в Филадельфии, 23 января 1955 г. : машинописная рукопись // Там же.
- ⁶ Русское Просветительное Общество «Беседа» в Филадельфии. Секретариат : машинописная рукопись // Там же.
- ⁷ *Александров Е. А.* Русские в Северной Америке : биограф. слов. / под ред. К. М. Александрова, А. В. Терещука. Хэмден ; Сан-Франциско ; СПб., 2005. С. 449.
- ⁸ *Митрофан Зноско, прот.* Памяти Николая Дмитриевича Тальберга : (к 10-летию со дня кончины 29 мая 1967 г. — 1977 г.) // Православная Русь. 1977. № 9. С. 10—11 ; *Корнилов А. А.* На реках австрийских : духовенство лагерей перемещенных лиц Парш и Келлерберг (1945—1952 гг.). Н. Новгород, 2006. С. 29—34 ; Общество «Беседа» в Филадельфии : доклад, посвящ. памяти Н. Д. Тальберга // Православная Русь. 1969. № 5. С. 14.

- ⁹ Русское Просветительное Общество «Беседа» : протокол Информационного Собрания при «Чашке чая» от 27 июня 1954 г. : машинописная рукопись // Архив А. Д. Шиленка.
- ¹⁰ Александров Е. А. Указ. соч. С. 110.
- ¹¹ Там же. С. 25.
- ¹² Русское Просветительное Общество «Беседа» в Филадельфии. Секретариат.
- ¹³ Русское Просветительное и Благотворительное Общество «Беседа» в Филадельфии, ПА. Протокол № 6 Общего Годового Отчетного и Выборного собрания, расширенного 21 июля 1957 г. : машинописная рукопись // Архив А. Д. Шиленка.
- Обратим внимание на правописание слов «общаго», «отчетнаго», «выборнаго». Это дореформенное правописание, которым пользовалось старшее поколение эмигрантов, покинувших Россию после революции 1917 г., в отличие от послевоенных эмигрантов, покинувших СССР в связи со Второй мировой войной. Добавим, что в большинстве протоколов все-таки используется послереформенное, советское правописание. К сожалению, в распоряжении авторов не оказалось уставных документов, хотя в архивной коллекции есть протоколы собраний общества, на которых обсуждались поправки к Уставу.
- ¹⁴ Отчеты Казначая. Орг. Секретаря на Выборном Годовом Общем Собрании 1959 г. 11 октября. Помещение церковного дома : отчет за 1957—1959 гг. : машинописная рукопись // Архив А. Д. Шиленка.
- ¹⁵ Протокол № 9 расширенного Общего Собрания 26 февраля 1961 г. // Там же.
- ¹⁶ Приложение к Протоколу № 9 расширенного Общего Собрания 26-го февраля 1961 г. : машинописная рукопись // Там же.
- ¹⁷ Протокол № 11 Общего Собрания Русского Просветительского и Благотворительного Общества «Беседа» в Филадельфии в связи с 10-летием от основания Общества, 1953—1963 гг., состоявшегося в воскресенье 24 февраля 1963 года : машинописная рукопись // Там же.
- ¹⁸ Отчетный список докладов Общества «Беседа» за 10-летие 1953—1963 гг. в Филадельфии : машинописная рукопись // Там же.
- ¹⁹ Протокол № 11 Общего Собрания Русского Просветительского и Благотворительного Общества «Беседа»...
- ²⁰ 10-летие Русского Общества «Беседа» в Филадельфии. Благотворительная деятельность Общества на просветительные цели в Европе. Перечень денежных сумм, вырученных Обществом от Рождественских Елок, спектаклей, вечеров, лотерей, концертов и т. п. за время с

- июня 1956 г. до конца декабря 1962 г. : машинописная рукопись // Архив А. Д. Шиленка.
- ²¹ Приходно-расходный отчет Общества «Беседа» от января до октября 1968 года : машинописная рукопись // Там же.
- ²² Александров Е. А. Указ. соч. С. 337.
- ²³ Отчетное собрание общества «Беседа» за период 1965—1968 годов, состоявшееся 13 октября 1968 г. под председательством С. Е. Люблинского : машинописная рукопись // Архив А. Д. Шиленка.
- ²⁴ Филадельфия. Школьный акт : ксерокопия газеты «Россия». Б. г. // Архив А. Д. Шиленка.
- ²⁵ Igor I. Sikorsky, 1889—1972 // Nationalities Service Center of Philadelphia. NSC News. 1973. Winter. P. 3.
- ²⁶ Беседа — к познанию России // Беседа : бюл. рус. культ.-просвет. о-ва «Беседа». 1980. № 8. Сентябрь. С. 17.
- ²⁷ Шиленок С. Вместо некролога // Беседа. 1982. № 12. Апрель. С. 19.
- ²⁸ Беседа. 1982. № 12. Апрель. С. 18.
- ²⁹ Беседа. 1981. № 9. Январь. С. 18.
- ³⁰ Наша страна. Буэнос-Айрес, 2006. № 2794. 22 апр.
- ³¹ Полчанинов Р. 80-летний юбилей Алексея Дмитриевича Шиленка // Православная Русь : церковно-обществ. орган Русской Православной Церкви Заграницей. 2002. № 24. С. 8 ; Александров Е. А. Указ. соч. С. 572—573.
- ³² Беседа. 1981. № 9. Январь. С. 20.

РОЛЬ ИНТЕЛЛИГЕНЦИИ В РАЗВИТИИ РЕГИОНОВ

ББК 63.3(2)6-283.2

Ю. Б. Костякова

РАБОЧИЕ И СЕЛЬСКИЕ КОРРЕСПОНДЕНТЫ: ОЦЕНКА С ПОЗИЦИЙ ИНТЕЛЛИГЕНТОВЕДЕНИЯ (на материалах Хакасии и Горного Алтая)

Рабселькоровское движение в СССР было одним из самых массовых. К сотрудничеству со средствами массовой информации привлекались представители всех возрастов, социальных слоев населения, профессиональных групп, национальностей. Несмотря на классовую окраску рабселькорства, нашедшую отражение в его названии (рабочие и сельские корреспонденты), в движении активное участие принимали и представители интеллигенции.

Зародившись в большей степени как стихийное движение, порыв души или стремление сказать правду всем, уже в первые годы Советской власти оно было взято под свое руководство редакциями большевистских периодических изданий и партийными организациями, а в дальнейшем — и под опеку прокуратуры, которая была обязана осуществлять правовую защиту внештатных авторов и проверять их сигналы о различного рода правонарушениях и недостатках. Но главным стимулом для рабселькоров, на наш взгляд, все же являлось не столько подобное покровительство, сколько возможность проявить творческую инициативу, продемонстрировать политическую созна-

© Костякова Ю. Б., 2012

Костякова Юлия Борисовна — кандидат исторических наук, доцент, доцент кафедры стилистики русского языка и журналистики Института филологии и межкультурной коммуникации Хакасского государственного университета им. Н. Ф. Катанова. uka29@yandex.ru

тельность, желание добиться справедливости или славы. Условия для этого были созданы благодаря открытости движения и главному его принципу — добровольности участия в нем. Еще в 1923 г. на I Всесоюзном совещании рабселькоров было определено, что «участвовать в работе советской прессы может каждый человек, стремящийся помочь в строительстве социалистического общества»¹. Запреты на доступ в рабселькорство присутствовали, пожалуй, лишь в первые два десятилетия его существования и распространялись на представителей «чуждых» классов, служителей культа, а также на людей, находившихся в явной оппозиции к существующей власти.

О темпах роста численности рабселькоров позволяют судить следующие данные: в 1928 г. в СССР армия добровольных помощников газет составляла до полумиллиона человек, в 1930 г. более 2 млн², а к 1958 г. — 4 млн³. Таким образом, на протяжении всего советского периода рабселькоровское движение сохраняло свой массовый характер, являлось движением добровольным, одной из форм общественной работы, которой занимались люди в большинстве своем инициативные, социально активные, творческие. По масштабам, количеству участников и результативности движение не имело аналогов в мире и являлось, на наш взгляд, феноменом культуры, в том числе политической, сформировавшейся в условиях советского государства.

Однако до настоящего времени ощущается явный недостаток исследований по этой теме, что можно объяснить несколькими причинами.

Во-первых, многие исследователи расценивают рабселькоров как вспомогательных и часто несамостоятельных участников медийного процесса, отводя в нем главную роль профессиональным журналистам. Такой подход часто присутствует в работах, посвященных истории средств массовой информации, прежде всего региональных, авторы которых рассматривают рабселькоровское движение как одно из направлений массовой деятельности массмедиа, своеобразную школу или среду, в которой шло формирование будущих профессиональных работников СМИ⁴. Они приводят цифровые данные, свидетельствующие о динамике роста рядов внештатных авторов, но не выявляют особенности (языковые, национальные, гендерные, социальные и др.), харак-

терные для данного движения в изучаемом регионе, не анализируют мотивы участия людей в рабселькорстве.

Во-вторых, объективному исследованию темы мешают сохранившиеся с советских времен стереотипы, сформировавшиеся под воздействием массовой идеологической пропаганды, произведений литературы, кинематографа, СМИ и закрепленные в более чем двух десятках постановлений ЦК РКП (б) — ВКП (б) — КПСС. Взгляд на рабочих и сельских корреспондентов как на помощников партии в полной мере нашел воплощение в монографиях В. Н. Алферова⁵ и Г. А. Кожевникова⁶. Современные исследователи истории СМИ не всегда критично цитируют эти произведения, продолжая тиражировать тезис о рабселькорах как «деятельных помощниках руководящих органов в борьбе с недостатками в работе советских и хозяйственных организаций, пропагандистах и агитаторах за все начинания по строительству новой жизни»⁷. При этом они предстают как численно большая, но социально унифицированная и обезличенная группа людей, лишенных индивидуальных человеческих качеств, собственных интересов и личных мотивов сотрудничества со СМИ.

Более свободны от подобных стереотипов научные статьи, подготовленные в последнее десятилетие, авторы которых чаще всего обращают внимание на отдельные аспекты деятельности рабселькоров. Например, А. А. Слезин, анализируя характер и условия работы внештатных корреспондентов в 1920-е гг. в стране и Тамбовской области, описал основные причины их конфронтации с обществом и детально проследил формирование системы государственной защиты таких авторов от гонений и преследований за критику⁸.

Е. Маркасова, опираясь преимущественно на публикации 1920-х гг. в журнале «Селькор», нарисовала живую картину положения сельского корреспондента в деревне, акцентировав внимание на мотивации его поступков. Автор отметила ценность публикаций исследуемого периода, анализ которых «дает интересные возможности для изучения проблем, долгое время представлявшихся ясными и лишенными многослойности»⁹.

Г. В. Кидяева, исследуя процесс создания корреспондентской сети в сельской местности Алтая, также ограничилась 1920-ми гг. Селькоровское движение она расценила как одну из

форм популяризации прессы, но указала на ведущую роль сельской интеллигенции (избачей, работников сельских советов) в создании селькоровских кружков¹⁰.

Более широкие хронологические рамки (1920—60-е гг.) позволили А. И. Кондратенко провести сравнительный анализ деятельности рабселькоров в годы культурной революции и хрущевской «оттепели» и на основе этого выявить особенности мотивов поведения и сотрудничества с газетами авторов довоенного и послевоенного периода¹¹.

Первой попыткой комплексного осмысления сущности рабселькоровского движения в условиях нового исторического мышления можно назвать диссертационную работу В. А. Скребнева¹². Автор подробно изучил процесс формирования движения в тесной взаимосвязи с созданием системы прессы Тамбовской губернии в первое десятилетие Советской власти, а также функции, структуру и формы объединения его участников. Особую ценность работе придает подробный анализ социального состава корреспондентского актива газет.

Подобные работы указывают на сохранение научного интереса к рабселькоровскому движению, но, вместе с тем, выявляют наличие ряда хронологических и тематических лагун. Так, не исследованными до сих пор остаются трансформация рабселькорства в 1960—80-е гг., роль и степень участия в данном движении интеллигенции. Отчасти это можно объяснить стереотипностью представлений о классовом составе рабселькоров. Однако анализ архивных документов и газетных публикаций позволяет утверждать, что с прессой активно сотрудничали представители умственного, а не только физического труда, и именно им на протяжении советского периода принадлежала ведущая роль в формировании общественного мнения, что ярко проявилось в 1920-е гг. и стало особенно заметным с конца 1950-х гг.

Особый интерес для исследователя в этом плане представляют такие национальные регионы Сибири, как Хакасия и Горный Алтай (до 1948 г. — Ойротия), где местная пресса, в обязанности которой входило курирование рабселькоров, стала создаваться лишь после окончания Гражданской войны. Становление здесь рабселькоровского движения в 1920—30-е гг. также шло одновременно с формированием местной интеллигенции, в том

числе и национальной, в контексте проводимой в стране культурной революции, что позволило нам выдвинуть тезис о тесной взаимосвязи этих двух процессов.

С позиций интеллигентоведения как отрасли научного знания, изучающего, в том числе, генезис, формирование, становление, развитие и деятельность интеллигенции¹³, рабселькорское движение, на наш взгляд, необходимо рассматривать в двух аспектах: 1) определение степени участия в движении представителей интеллигенции, оценка их роли в формировании общественного мнения и модернизации советского общества; 2) рассмотрение рабселькорства как среды и стимула формирования интеллигенции.

Основным источником данных о количестве и социальном составе рабселькоров являются отчеты СМИ. Редакции были обязаны вести учет своих внештатных корреспондентов и регулярно отчитываться о динамике роста их рядов, социально-классовом составе, а также о количестве присланных и опубликованных писем, проценте подтверждаемости сообщенных фактов и мерах, принятых по «сигналам с мест». Наиболее активной такая отчетная деятельность была в 1920-е — первой половине 1930-х гг. Цифровой материал активно использовался в пропагандистских целях, например, для доказательства массовой поддержки гражданами власти и проводимой политики, а также для подтверждения реализации принципов массовости и народности советских СМИ.

Но анализ такой статистики не позволяет установить реальный удельный вес среди рабселькоров работников умственного труда, поскольку критерии определения социального статуса внештатных авторов предполагали только два варианта — рабочий или сельский труженик. Поэтому редакции в первую категорию включали не только рабочих, но и всех корреспондентов — жителей городов и рабочих поселков, а в селькоры записывали всех авторов, приславших свои письма из сельской местности. Можно утверждать, что таким образом активное участие интеллигенции в рабселькорстве намеренно и официально скрывалось и «просматривалось» только на уровне примечаний к отчетам, собственно газетных публикаций и подписей к ним.

В 1920—30-е гг. в исследуемых национальных регионах «старая» (т. е. сформировавшаяся еще до революции) интелли-

генция была крайне немногочисленной, а новая «советская» проходила стадии зарождения и становления. Поэтому при определении принадлежности рабселькоров к данной социальной группе в целом и отдельным ее категориям (творческая, управленческая, педагогическая, техническая и т. д.), мы были вынуждены использовать социально-функциональный подход, а в качестве основного критерия оценки — профессиональное занятие умственным трудом. Значительную часть таких людей составляли «служащие» (учителя, счетоводы, чиновники) и «специалисты» (инженеры, врачи, агрономы). Следуя такому подходу, к интеллигенции мы отнесли и управленцев всех уровней (партийных, комсомольских, советских, хозяйственных руководителей). Многие из них не обладали высокой квалификацией, образованием и интеллектом, поскольку занимали свои должности в порядке назначения или выдвижения, что в довоенный период являлось основным методом формирования интеллигенции в рассматриваемых автономиях.

Темпы развития рабселькорства в национальных регионах напрямую зависели от сроков возникновения местных газет, их типографских (тираж, периодичность, объем) и языковых особенностей. В Ойротии пресса появилась раньше, чем в Хакасии. «Ойротский край» стал издаваться с 7 ноября 1922 г. и в течение нескольких лет увеличил тираж до 1300 экземпляров. Издание на алтайском языке появилось немного позже, неоднократно меняло формат, название, но к 1927 г. имело тираж лишь 450 экземпляров и в своем становлении испытывало значительно большие материальные и технические трудности, чем русскоязычная газета. Это нашло свое отражение и в работе с рабселькорами.

Так, в 1923 г. редакция «Ойротского края» в своей анкете указывала: «рабкоров нет, крестьянских корреспондентов 15, военкор один»¹⁴. У национального издания «Кызыл Ойрот» в 1925 г. было только 7 зарегистрированных (постоянных) корреспондентов¹⁵. В 1927 г. русскоязычное издание сообщало уже о 122 внештатных авторах, в том числе о 16 женщинах-корреспондентах. О социальном составе авторского актива позволяют судить косвенные данные: поскольку рабкоров издание не имело (из-за неразвитости местной промышленности), а 80 корреспондентов были «крестьянами от сохи», следовательно, 42 человека или одна треть

от общего числа являлись служащими (секретари сельсоветов, счетоводы потребительских обществ, учителя и т. д.), то есть формально — представителями интеллигенции.

В Хакасии первая газета «Хызыл аал» (на хакасском языке) появилась в 1927 г. и до начала 1930-х гг. выходила как приложение к «Власти труда» — изданию соседнего Минусинского уезда. Формирование системы печати в национальном регионе началось лишь после получения Хакасией статуса автономной области. Русскоязычная газета «Советская Хакасия» стала выходить с 3 ноября 1930 г., но, как и областное издание на хакасском языке, вплоть до создания в Абакане собственной типографии в 1932 г., продолжала печататься в Минусинске, что значительно затрудняло и выпуск газет, и работу редакции с авторским активом. Поэтому на протяжении 1920-х и в начале 1930-х гг. «Власть труда» выполняла основные обязанности по информационному обслуживанию жителей соседнего национального района, привлекая их в качестве внештатных сотрудников. На примере этого издания можно подробно проследить, как менялось отношение к рабселькорам — работникам умственного труда.

С 1922 по 1925 г. газета позиционировала себя как универсальная, поэтому работала со всеми категориями корреспондентов, особо призывая к сотрудничеству представителей новой интеллигенции: «товарищи партработники на местах, учительский персонал и другие лица должны писать в газету!»¹⁶. Из-за низкого уровня грамотности рабочих и крестьян, социальной неактивности сельчан более 70 % корреспондентского актива составляли служащие.

Поскольку подавляющее большинство авторов подписывалось псевдонимами или инициалами, невозможно провести полноценный сравнительный анализ качества содержания и стиля заметок корреспондентов из разных социальных категорий. Однако заметки рядовых рабселькоров отличались лаконизмом и констатировали факт: «учитель плохо учит», «председатель сельсовета пьянствует» и т. п. Тогда как для материалов, подготовленных представителями интеллигенции, были зачастую характерны: значительный объем (100—200 строк), использование нескольких фактов или примеров, более широкое видение темы, обобщение, сравнение и т. д. Благодаря таким авторам, по наше-

му мнению, изданию удавалось получать интересные, проблемные и даже аналитические материалы о состоянии системы просвещения, развитии промышленности, сельской кооперации и др. Например, о борьбе с бандитизмом в Хакасии писали член уездного исполкома Р. Клешнин, авторы «Качинец» и «Хакас Ром Кызласов». Перспективы возрождения промышленности в Абазе профессионально анализировал председатель фабзавкома А. Бороздин. Состояние учебных заведений национального региона описывал Георгий Итыгин — бывший учитель, журналист, с 1923 г. — председатель Хакасского уездного ревкома, с 1924 г. — председатель Окружного исполкома. Свои материалы он подписывал И. Г., а также, как мы предполагаем, использовал псевдоним Сагайхасс.

Активность интеллигенции, в том числе национальной, стала заметной после создания в газете рубрики «По Хакасскому краю», где развернулись острые дискуссии о национально-государственном устройстве Хакасии, развитии сельской кооперации, роли женщины в советском обществе, преподавании в школах материнского (хакасского) языка. Авторы демонстрировали не только достаточно высокий уровень грамотности, хорошее знание темы, но и умения дискутировать, оперировать фактами, отстаивать собственную позицию, видеть перспективу, то есть качества, присущие так называемой «старой» интеллигенции, знакомой с традициями и опытом дореволюционной газетной полемики.

Однако в 1925 г. «Власть труда», в свете постановления Оргбюро ЦК РКП (б) «О крестьянской периодической печати», объявила об изменении формата газеты. На I окружном съезде рабселькоров редактор Гендон сообщил, что раньше газета пыталась удовлетворять интересы и рабочих, и крестьян, и служащих, и обывателей. Но ограниченность газетной площади вынудила ориентироваться на крестьян — их интересы, запросы и нужды, поскольку «они составляют большинство подписчиков и читателей»¹⁷. Формат крестьянской газеты заставил редакцию отдавать предпочтение заметкам не просто сельских, но крестьянских корреспондентов. Подобные предпочтения изменили соотношение состава рабселькоров. Так, в 1928 г. с газетой сотрудничали 255 крестьян, 219 служащих, 76 батраков и кустарей

и 37 рабочих¹⁸. Вытеснению интеллигенции из числа корреспондентов в большей степени способствовали установки, которые газета последовательно применяла в своей работе: «Читатель наш молод и не научился еще читать газету, рассеивать его мысль по многим вопросам не следует, а лучше серьезно разжевывать для него 2—3 вопроса»¹⁹.

Несмотря на это, участие работников умственного труда в рабселькорстве по-прежнему оставалось значительным. В справке о состоянии рабселькорского движения в Сибирском крае на 1 января 1930 г. констатировалось, что оно «в Сибири крепнет, растет, против цифр не попрешь. Но вся беда в том, что рабселькорское движение идет впереди своих руководителей — газет. Даже пока протекает больше стихийно...». Следствием этой «стихийности» считался высокий процент авторов-служащих (до трети и более) и крайне незначительное число колхозников, батраков, бедняков²⁰.

В разные периоды времени перед рабселькорами ставились различные задачи. Так, в частности, в 1920-е гг. статус и цели внештатных авторов определялись следующим образом: «Они — разведчики советской общественности, разведывают о недочетах и недостатках, слабых местах общей работы по укреплению нашего хозяйства, и через советскую печать постоянно доводят до всеобщего сведения об этом, и тем обращают внимание соответствующих органов, учреждений, лиц на то, с чем надо бороться»²¹. Критическая и даже критиканская деятельность рабселькоров поощрялась, от трети до половины писем редакции отправляли на расследование, периодически сообщая читателям о принятых мерах и наказании виновных. Таким образом, сотрудничество с газетой позволяло проявить себя наиболее активной части населения, желавшей публично высказать свое недовольство «беспорядками» и «нарушителями». Но, как констатировали редакторы газет, только треть из единожды написавших в редакцию («случайных» корреспондентов) начинала сотрудничать регулярно.

Сам факт публикации материала в газете и особенно сообщение о принятых мерах выделяли человека из среды односельчан, но и существенно осложняли его жизнь. Так, старейший селькор Хакасии А. Гребнева вспоминала, что после ее участия в

первом окружном слете рабселькоров ее дом подвергся нападению «кулацких элементов», а она сама — угрозам и даже уголовному преследованию по подозрению в покушении на убийство. Гонения вынудили девушку уйти из дома. Но компенсацией за лишения стало принятие ее в штат газеты, дальнейшая учеба и работа учителем²². Таким образом, рабселькорство помогло ей сделать карьеру и получить две престижные профессии.

Социально активные рабселькоры брались на заметку и нередко получали «путевку в жизнь»: направлялись на руководящие должности, на учебу в совпартшколу и вузы, на работу в редакции СМИ. Так, в 1938 г. редактор «Ойротского края» сообщал о результатах «выдвиженческой» кампании: «Елдошев Калаш был самым активным селькором, он имел неразрывную связь с областной и районной газетами, выдвинут на зам. председателя Онгудайского аймакисполкома. П. Бабинов — избач, Василий Момонашев — избач в Эликмонарском аймаке, Чекурашев — секретарь районной газеты»²³.

Часть рабселькоров отправляли на курсы газетных работников и впоследствии включали в штаты СМИ. Особенно заметным такое выдвижение на газетную работу стало в конце 1930-х гг., когда в результате массовых политических чисток ряды профессиональных журналистов существенно поредели. Но деятельность большинства «выдвиженцев» не была связана со СМИ. Мы считаем, что сотрудничество с газетами являлось вспомогательным, а не основным фактором при принятии решения о назначении таких людей на определенные должности или отправке их на учебу. Тем не менее, демонстрация в СМИ своего непримиримого отношения к социально вредным и опасным недостаткам, умения разоблачать «врагов народа» или пропагандировать передовой опыт давали дополнительный «бонус» рабселькорам и как следствие — возможность получить образование и перейти в категорию работников умственного труда.

Таким образом, рабселькорство становилось кадровым резервом для редакций, средой, в которой воспитывались будущие управленцы и специалисты. Сотрудничество со СМИ, в частности активное выявление «врагов» и недостатков, открывало возможности получить престижную должность или профессию. Отрицательным в подобном явлении можно назвать то, что на при-

мере таких рабселькоров формировался устойчивый стереотипный образ нового интеллигента, где главным считалось его бедняцко-батрацкое происхождение, интеллектуальное воспитание подменялось политическим самообразованием, а гуманизм — преданностью делу партии. Примитивные и политически ангажированные материалы таких авторов становились образцом для подражания и определяли «лицо» любого издания.

В конце 1920-х гг., в период «великого перелома» сельских корреспондентов ориентировали, прежде всего, на показ позитивных изменений в деревне, пропаганду передового опыта сельчан, для рабкоров в 1930-е гг. основной темой должно было стать стахановское движение. От внештатных авторов требовались «примеры», описываемые по принципу «что вижу — то пишу». Такое намеренное сужение тематики, упрощение форм подачи информации до заметок в несколько строк делало не востребовавшимся публицистический потенциал интеллигенции, сформировавшейся до революции, и не давало возможностей интеллектуального роста для представителей интеллигенции нарождающейся.

В условиях ужесточения цензуры, политического и идеологического контроля над прессой такая практика распространялась повсеместно, подобную политику проводили и издания рассматриваемых национальных регионов. Для «Советской Хакасии» и «Ойротского края», «Хызыл аал» и «Кызыл Ойрот» были характерны лозунговость, директивный стиль, лаконизм информационных заметок, обилие официальных документов и перепечаток, отсутствие аналитики. Многие материалы, подготовленные специалистами, отличались шаблонностью стиля и формы: советы врача (агронома, ветеринара), отчет партийного или советского работника.

Однако мы можем выделить несколько тем, освещением которых занимались преимущественно представители интеллигенции. В 1930-е гг. в Хакасии и Ойротии активно развивалась литература, в том числе национальная, театральное искусство и массовая самодеятельность, начиналось профессиональное изучение истории и культуры автономий. Поэтому в качестве внештатных корреспондентов на страницах газет и в эфире областных радиокомитетов выступали писатели и поэты, самодеятельные и начинающие профессиональную карьеру артисты, литературные и театральные критики, ученые. Такие публикации фор-

мировали своеобразный «культурный образ» изучаемых регионов, способствовали пропаганде научных и культурных знаний, содействовали культурному образованию граждан.

Наиболее заметным было участие в корреспондировании представителей педагогической интеллигенции. На страницах газет учителя обсуждали вопросы преподавания наиболее важных в учебном процессе дисциплин (русский и родной язык, история, литература), предпринимали попытки выяснить причины низкой грамотности детей, плохих результатов проверочных испытаний в школах. На примере наиболее успешных и заслуженных педагогов, лучших выпускников педагогических училищ и институтов воспитывалось новое поколение преподавателей, создавался имидж советского учителя. Определенный вклад учителя внесли в пропаганду новотюркского алфавита, введенного в автономных областях в конце 1920-х гг., а также в осуществление обратного перевода национальной графики на кириллицу в конце 1930-х гг.

Политические репрессии, которые в Хакасии и Ойротии начались с 1934 г. в связи с делом «Союза сибирских тюрок» и приобрели особый размах в 1937—1939 гг., исключили из состава рабселькоров, в первую очередь, творческую и управленческую интеллигенцию. Неоднократные «чистки» рабселькоровских рядов и элементарный страх сократили количество специалистов, сотрудничавших с прессой и радиокомитетами. Заметные изменения в отношении к интеллектуальной элите стали происходить в 1939 г. после XVIII съезда ВКП (б). В докладе И. В. Сталина, а потом и в целой череде газетных статей объяснялось, что недоверие к интеллигенции и необходимость борьбы с ней были вызваны наличием в советском обществе «старых», дореволюционных работников умственного труда, «служивших помещикам и капиталистам». К новой интеллигенции — «народной и социалистической», связанной «с народом теснейшими узами» и сформированной «на базе нового общественного строя — социализма», такая теория «уже не подходит», и требуется новая теория, «указывающая на необходимость дружеского отношения к ней, заботы о ней, уважения к ней, сотрудничества с ней во имя интересов рабочего класса и крестьянства»²⁴.

Эти изменения отразились в первую очередь на профессиональном составе представителей интеллигенции, корреспондентов

пондирующей в редакции СМИ. Заметным стало участие в публикаторской деятельности учительства, ученых, в Хакасии авторский актив начал пополняться и за счет студентов созданного в 1939 г. учительского института. В своих отчетах редакции даже районных изданий стали подробно расписывать социальный состав своих рабселькоров. Так, например, в 1940 г. рудничная газета «Саралинский горняк» (Хакасия) сообщала о 188 внештатных авторах, из которых «инженерно-технических работников промышленности 14, специалистов сельского хозяйства 7, медицинских работников 2 человека, в том числе один научный деятель СССР, доктор медицинских наук, учителей 16 человек». Если к работникам умственного труда причислить также партийных (31), комсомольских (12) и хозяйственных руководителей (17), то получается, что половину рабселькоров составляли люди, которые по формальным признакам могут считаться интеллигенцией²⁵.

Во время Великой Отечественной войны с прессой и радио активно сотрудничали эвакуированные в Хакасию и Горный Алтай представители интеллектуальной элиты. Можно сказать, что они внесли заметный вклад в формирование традиций выступлений в СМИ работников умственного труда.

В послевоенный период в национальных регионах шло активное культурно-образовательное строительство: были открыты Абаканский педагогический (1944 г.) и Горно-Алтайский учительский (1949 г.) институты, научно-исследовательские институты языка, литературы и истории (1944 и 1952 гг.), созданы областные отделения Союза писателей РСФСР (1949 и 1956 гг.). Однако вовлечению интеллигенции в ряды внештатных авторов СМИ мешали проводимые в стране кампании по борьбе с «проявлениями антипатриотизма и низкопоклонства перед Западом», а далее и с «безродным космополитизмом», в ходе которых усилилось идеологическое давление на творческую и научную интеллигенцию, вновь обострилась подозрительность к представителям интеллектуального труда. Поэтому, например, начавшееся после войны активное сотрудничество ученых Хакасского НИИЯЛИ с областными изданиями достаточно быстро прекратилось, а публикация материалов по истории, археологии, этнографии, культуре автономии свернута.

После окончания войны активность рабселькоров значительно снизилась, ослабла и работа редакций со своим внештатным активом. Так, например, национальное издание «Кызыл Ойрот» критиковали за то, что оно к 1946 г. «растеряло» всех своих 112 рабселькоров²⁶. В адрес Ойротского областного радиокomiteта в 1948 г. звучали более жесткие обвинения в том, что «вместо широкой сети внештатных корреспондентов монопольное положение в ОблРК занимает небольшая группа людей, которая радио из средства политической пропаганды и агитации превратила в объект материальной наживы»²⁷.

Всплеск интереса к сотрудничеству со СМИ можно наблюдать в конце 1950-х гг. Ослабление жестких цензурных и идеологических ограничений позволило газетам и радиовещанию больше внимания уделять личности человека, а не только цифровым показателям достижений. Пресса, в том числе и региональная, стала печатать воспоминания ветеранов, очерки о сельских интеллигентах, так называемые «портретные» материалы, больше освещать события культурной жизни, чем привлекла внимание и читателей и внештатных авторов. Стимулом для активизации сотрудничества со СМИ также стали постановления ЦК КПСС «Об улучшении руководства массовым движением рабочих и сельских корреспондентов советской печати» (1958 г.) и «О дальнейшем развитии общественных начал в советской печати и на радио» (1960 г.), в которых впервые было отмечено участие в рабселькорстве интеллигенции.

Рост рабселькоровских рядов сделал возможным возрождение традиций проведения их съездов, слетов, совещаний по всей стране и в автономиях, организации рабселькоровских рейдов и школ внештатных корреспондентов при редакциях. В практику также внедрялись и новые формы сотрудничества со СМИ — создание внештатных отделов и авторских советов, в которых рабселькоры участвовали на общественных началах, введение в состав редколлегий передовиков производства и представителей интеллигенции, партийных, комсомольских и советских органов. С конца 1950-х гг. стали заметны существенные изменения социального состава корреспондентов, что нашло отражение в обзорах работы местных СМИ. Так, например, в 1957—1958 гг. в почте Хакасского областного отдела радиосообщения письма рабо-

чих и колхозников составляли не более 10 %²⁸, а среди 160 активных рабселькоров «Хызыл аал» только 22 человека являлись рядовыми тружениками²⁹.

С середины 1960-х гг. в докладах и отчетах о деятельности СМИ все чаще стало использоваться словосочетание «авторский актив» газет, радио и телевидения. Термин «рабселькоры» постепенно уходил из обихода, поскольку не отражал сущность и социальный состав тех, кто сотрудничал со СМИ. Основу внешкоров областных газет и радиовещания составляли преимущественно работники умственного труда — специалисты сельского хозяйства и промышленности, педагоги, журналисты районных, городских и многотиражных изданий. Они не просто по собственному желанию писали в редакцию, но и часто выполняли ее задания: проверяли сообщенные в письмах факты на местах, снабжали газеты оперативной и качественной информацией. Внештатное сотрудничество со СМИ более высокого ранга позволяло местным журналистам продвинуться по карьерной лестнице. Практика выдвижения активных рабселькоров на газетную работу сохранялась, но не являлась системной и все больше приобретала профориентационный характер. Корреспондирование имело и мощный финансовый стимул в виде гонорара за публикации.

Трансформация рабселькорского движения, на наш взгляд, была вызвана усложнением системы СМИ, в частности, включением в него телевидения, которое, как и радиовещание, обладало собственной спецификой работы с внештатными корреспондентами. В отличие от газет, в редакциях аудиовизуальных СМИ к числу таких авторов причисляли всех «выступивших у микрофона», а при выборе внештатников отдавали предпочтение коллегам-журналистам, которые обладали опытом и навыками, необходимыми при создании материалов для эфира. Например, в 1961—1962 гг. в телевизионном и радиоэфире Хакасии журналисты-внештатники выступили 252 раз, тогда как рабочие и колхозники — 151, партийные работники — 120 и специалисты — 49 раз³⁰.

Вытеснение рядовых тружеников из числа рабселькоров было связано также с повышением требований к содержанию СМИ и расширением корпуса профессиональных журналистов.

Однако вплоть до конца 1980-х гг. 60 % содержания газеты должны были составлять материалы внештатных авторов и 40 % — собственно журналистские произведения. Средства массовой информации по-прежнему были обязаны вести строгий учет поступающих в редакцию писем, поэтому в случае необходимости к «рабселькорам» традиционно причисляли всех авторов, независимо от формы, содержания и цели их посланий в редакцию.

Ослабление принуждения редакций привлекать к сотрудничеству в первую очередь рабочих и крестьян привело к тому, что основную часть внештатных корреспондентов с 1970-х гг. стали составлять люди, обладавшие более высоким уровнем образования, знаний, интеллекта, способные грамотно и логично излагать факты и свои мысли, видеть перспективу, суть проблемы. Особенно наглядно преимущества авторов-интеллигентов стали заметны в конце 1980-х гг., когда в СМИ, в том числе региональных, развернулись дискуссии по наиболее значимым и насущным вопросам общественной жизни.

Оценивая рабселькоровское движение в целом, можно сказать, что его участники, независимо от профессионального и социального статуса, представляли собой определенную социокультурную общность. Ощущение сопричастности к особой группе, имеющей доступ к СМИ и возможность высказываться на их страницах (в эфире), создавалось за счет совместных мероприятий (слеты, семинары, совещания, съезды, курсы, заочные школы), а также внимания, которое уделяли редакции и партийные органы деятельности внештатных корреспондентов. Сам факт публикации в газете материала и, что более важно, фамилии рабселькора позволял ему претендовать на более высокий социальный статус и авторитет среди сограждан. Осознание своей «особости», принадлежности к группе пусть внештатных, но все же корреспондентов СМИ являлось поводом и стимулом к совершенствованию стиля и слога, освоению жанров и новых тем, расширению кругозора для дальнейшего вхождения в касту под названием «рабселькоровский актив».

Безусловно, многие рабселькоры, а если говорить о 1920—30-х гг., то абсолютное большинство из них, не обладали высоким образовательным уровнем. Но применительно к историческим и национально-географическим условиям рассматриваемых

территорий, можно сказать, что первые внештатные авторы находились на пути к этим «высотам»: само сотрудничество со СМИ создавало стимул для получения необходимого образования, а помощь журналистов (рекомендации, профессиональная учеба, письма с советами) позволяла преодолевать этот путь более успешно и совершенствовать свое мастерство.

Несмотря на то что большая часть рабселькоровских заметок отличалась лаконизмом (2-3 предложения с сообщением основного факта), схематизмом и примитивностью, в материалах ряда авторов был замечен творческий подход к созданию публикации, попытки освоить более сложные жанры, например, фельетона или корреспонденции. Однако, учитывая активное редактирование текстов журналистами, трудно судить о степени творческой самостоятельности большинства внештатных авторов. Оригинальность в значительной степени проявлялась не в информационных, а в художественных и художественно-публицистических произведениях (стихи, частушки, фельетоны, рассказы). Нередко из этой группы «творческих» корреспондентов выделялись будущие профессиональные литераторы или журналисты, однако необходимо отметить, что такое «выделение» не носило массового характера.

Деятельность внештатных авторов зачастую не ограничивалась только написанием заметок в газеты, многие из них были передовиками на своих производствах или занимались активной общественной работой и, следовательно, проявляли творческую инициативу. В этом случае доступ к СМИ они использовали для пропаганды собственного опыта или опыта своих коллег, земляков, то есть применяли творческий подход к распространению полезных знаний, приемов производства или достижению значимых результатов, содействовали воспитанию высокой культуры труда и быта, общения и поведения.

Главное, что давало рабселькорство, — возможность занятия умственным и творческим трудом, что, на наш взгляд, являлось основным фактором, способствовавшим интеллектуальному росту корреспондентов. Это привлекало в движение представителей интеллигенции и служило побудительным мотивом для многих рядовых тружеников получать образование, делать карьеру и пополнять ряды работников умственного труда.

В этом и заключается прогрессивное значение рабселькоровского движения, его вклад в формирование российской интеллектуальной элиты.

Примечания

- ¹ *Алферов В. Н.* Возникновение и развитие рабселькоровского движения в СССР. М., 1970. С. 95.
- ² *Богданов Н. Г., Вяземский Б. А.* Справочник журналиста. Л., 1971. С. 55—56.
- ³ *Алферов В. Н.* Указ. соч. С. 219.
- ⁴ *Пузынин А. В.* Становление и развитие системы газетной периодики Кузбасса в 1917—1991 гг. : дис. ... канд. ист. наук. Кемерово, 2008 ; *Смирнова С. Ю.* Становление и развитие профессиональной подготовки журналистских кадров в Республике Марий Эл: история и современность : дис. ... канд. ист. наук. Йошкар-Ола, 2008 ; и др.
- ⁵ *Алферов В. Н.* Указ. соч.
- ⁶ *Кожевников Г. А.* Партия — организатор рабселькоровского движения в СССР (1917—1937). Саратов, 1965.
- ⁷ См., напр.: *Демидова И. В.* Периодическая печать: социально-экономическое и культурное развитие Бурятии (1923—1937 гг.) : дис. ... канд. ист. наук. Улан-Удэ, 2004.
- ⁸ *Слезин А. А.* Рабселькоры и советское государство 1920-х годов: особенности взаимозащиты // *Право и политика.* 2008. № 10. С. 2529—2537.
- ⁹ *Маркасова Е.* Селькор под обстрелом : стереотипы враждебного окружения и жертвенности в коммуникационном завоевании деревни в 1920—30-е годы // *Культура и власть в условиях коммуникационной революции : 1-й Международный форум нового поколения культурологов Германии и России.* URL: <http://www.iek.edu.ru/groups/airo/markas.pdf> (дата обращения: 25.03.2012).
- ¹⁰ *Кидяева Г. В.* Развитие корреспондентской сети в сельской местности Алтай в второй половине 1920-х гг. // *Актуальные вопросы истории Сибири : пятое науч. чтения памяти проф. А. П. Бородавкина : сб. науч. тр.* Барнаул, 2005. С. 170—171.
- ¹¹ *Кондратенко А. И.* Активисты Орловской печати : грани эволюции социальной и политической группы // *Социс.* 2009. № 5. С. 102—107.
- ¹² *Скребнев В. А.* Становление местной партийно-советской печати и рабселькоровского движения в Тамбовской губернии, 1917—1928 гг. : дис. ... канд. ист. наук. Тамбов, 2006.

- ¹³ Интеллигентоведение в системе гуманитарных наук : исслед. и учеб.-метод. разработки / отв. ред. В. С. Меметов. Иваново, 2008. С. 3.
- ¹⁴ Комитет по делам архивов Республики Алтай (далее — КДА РА). Ф. 1. Оп. 1. Д. 117. Л. 11.
- ¹⁵ Там же. Д. 288. Л. 27.
- ¹⁶ К нашим корреспондентам // Власть труда. 1923. 5 окт. С. 4.
- ¹⁷ Государственный архив Новосибирской области (далее — ГАНО). Ф. р-47. Оп. 1. Д. 1030. Л. 32.
- ¹⁸ Власть труда. 1928. 5 мая. С. 2.
- ¹⁹ ГАНО. Ф. р-47. Оп. 1. Д. 1030. Л. 32.
- ²⁰ Там же. Д. 4334. Л. 1—2.
- ²¹ Там же. Д. 319. Л. 148.
- ²² Гребнева А. Первая девушка-селькор // Советская Хакасия. 1948. 5 мая. С. 2.
- ²³ КДА РА. Ф. 1. Оп. 1. Д. 1040. Л. 7.
- ²⁴ Интеллигенция советского народа // Правда. 1939. 9 апр. С. 1.
- ²⁵ Национальный архив Республики Хакасия (далее — НАРХ). Ф. 12. Оп. 1. Д. 774. Л. 72.
- ²⁶ КДА РА. Ф. 1. Оп. 2. Д. 486. Л. 21.
- ²⁷ Там же. Д. 684. Л. 14—20.
- ²⁸ НАРХ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 2312. Л. 340—343.
- ²⁹ Там же. Д. 2381. Л. 223—226.
- ³⁰ Краевое государственное бюджетное учреждение «Государственный архив Красноярского края». Ф. П-26. Оп. 35. Д. 129. Л. 19.

ЛИЧНОСТЬ В ИНТЕЛЛИГЕНТОВЕДЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ

ББК 63.3(2)582-283.2

А. В. Репников

ДНЕВНИК Л. А. ТИХОМИРОВА 1905—1907 гг.*

Лев Александрович Тихомиров (1852—1923) прожил насыщенную жизнь. Революционер и идеолог «Народной воли», прошедший царскую тюрьму, он стал монархистом, редактором официозных «Московских ведомостей» и закончил свои дни православным мыслителем. Реконструировать его внутренний мир и биографию помогает изучение записей и воспоминаний. Особое значение имеет его дневник, хранящийся в его личном фонде в Государственном архиве Российской Федерации¹.

Фрагменты из Дневника Тихомирова за 1883—1895 гг. публиковались в 1927 г.², а в начале 30-х гг. в «Красном архиве» была опубликована часть записей, относящаяся к периоду Первой русской революции³. Комментарии к этой публикации носили самый общий характер. Небрежность видна и в несовпадении заголовков: в одних случаях в названии публикации «25 лет назад» в подзаголовке значится — «из дневников», в других — «из дневника». Наличествуют и другие разночтения, например в одних случаях в названии указано имя «Лев», в других — только инициал «Л»; подзаголовок в одних случаях — в скобках, а в

© Репников А. В., 2012

Репников Александр Витальевич — доктор исторических наук, профессор Российского университета театрального искусства (ГИТИС), главный специалист Российского государственного архива социально-политической истории (РГАСПИ). Repnikov@mail.ru

* Статья подготовлена при поддержке Российского гуманитарного научного фонда (РГНФ). Проект № 12-01-00185а.

других — без них. Комментарии к тексту минимальны и часто заключаются в обширных цитатах из работ В. И. Ленина на различные темы. Значительное число персоналий не расшифровано, а биографические данные в некоторых случаях неточны. Фрагменты Дневника за 1901, 1905 и 1912—1917 гг. были помещены в 2002 г. в сборнике, посвященном юбилею С. В. Фомина⁴. Две публикации, включавшие фрагменты за 1899—1904 гг., были подготовлены Г. Б. Николаевым⁵. В 2008 г. вышел в свет подготовленный к изданию А. В. Репниковым дневник Тихомирова 1915—1917 гг.⁶ Это издание получило около 20 положительных рецензий и откликов в российских и зарубежных научных журналах («Исторический архив», «Отечественные архивы», «Вестник архивиста», «Вестник РГНФ» и др.), периодической печати, интернет-изданиях. Информация о выходе дневника была озвучена на радио и телевидении.

В настоящее время по гранту РГНФ (проект № 12-01-00185а) ведется работа по подготовке к публикации полного текста дневника Тихомирова периода 1905—1907 гг., снабженного вступительной статьей и подробными научными комментариями.

Пессимизм, и ранее присущий оценкам Тихомирова, достигает своего пика в период Первой русской революции. Характерно, что он обращает критические выпады уже не только против революционеров, но и против охранителей, записывая, что «так называемые консерваторы» — это либо глупцы, либо мошенники, которые не знают монархии, а знают только бюрократию и презируют простой народ. Отвергая революционный путь, он вовсе не симпатизировал крайней реакции.

В качестве программы выхода из кризиса Лев Александрович предлагает свой труд «Монархическая государственность», общий объем которого превышает 800 страниц. Издание в количестве тысячи экземпляров вышло в четырех частях (первые три — в июне — июле 1905 г., четвертая — в августе). Дополнительно вышло несколько «именных» экземпляров для подношения высокопоставленным особам. Материальную поддержку изданию оказал художник В. М. Васнецов. 9 сентября 1905 г. все части «Монархической государственности» были посланы Тихомировым в Германию императору Вильгельму II, с письмом на французском языке. Тихомиров полагал, что тот более всех монархов

Европы мог бы заинтересоваться данным трудом. Неизвестно, как воспринял Вильгельм II книгу Тихомирова, но она нашла своих приверженцев при дворе Николая II. Было «Высочайше повелено» выдать Тихомирову подарок ценою около 200 рублей. Заказ выполняла фирма Фаберже. 28 февраля 1906 г. Тихомиров был удостоен «Всемиловнейшего пожалования» — серебряной чернильницы «Empire» с изображением государственного герба. В дневнике Тихомиров отметил это событие записью, что чернильница «ничего себе — красивая» и «рублей 50 может стоить». В примечании к этой записи он с долей скепсиса фиксирует, что чернильница обозначена стоимостью «будто бы, 200 рублей». От себя замечу, что судьба этого изделия фирмы Фаберже после падения самодержавия покрыта мраком.

Отношение к революционерам, выраженное в дневнике, негативно. Вместе с тем, отмечается, что революция, видимо, единственный возможный путь для страны. Однако революция для Тихомирова — это период «десяти лет резни и насилия»; без монархии в России «лет 10 неизбежна резня» (записи от 14 марта и 22 августа 1905 года). Читая революционные газеты, Тихомиров вспоминает собственную народовольческую молодость. Он отмечает, что большую роль в эскалации революции играет молодежь, а значит и революция будет «самая мальчишеская». Реакция же возможна только при крайне жестоких мерах, на что Николай II не пойдет. Выходом могла бы стать реформа, но «людей реформы» в России очень мало и страна еще недостаточно развита для перемен. Следовательно, при невозможности реформы и недостаточности реакции, революция неизбежна.

Интересны записи о контактах Тихомирова и В. Л. Бурцева, обратившегося к нему с просьбой оказать посильную финансовую помощь народовольцам, вышедшим по провозглашенной Манифестом 17 октября амнистии. В письме на имя Бурцева от 30 марта 1906 г. Тихомиров, осуждая сам принцип революции, выразил готовность помочь после заключения таким нуждающимся товарищам, как М. Ф. Фроленко или М. Р. Попов. Он даже предложил Бурцеву не называть им источник помощи, поскольку Попов и Фроленко могли бы не принять ее от «ренегата». Тихомиров просит Бурцева прислать ему список нуждающихся шлисельбургских сидельцев, отметив в нем тех, кто не имеет семей-

ных средств к жизни или случайной работы. Правда, предусмотрительно оговаривается, что он сам человек без средств, объяснив это тем, что он, дескать, своих убеждений не продает, а таким людям денег нигде не дают. Его самооценка весьма высокая. Например, 10 октября 1907 г. Тихомиров записывает в дневник, что является едва ли не лучшим в России редактором и одним из лучших публицистов!

Вооруженное восстание в Москве, кровопролитные бои, столкновения революционеров и черносотенцев — все эти события получили отражение на страницах дневника. Интересно упоминание Тихомирова о том, как в канун Нового года он с женой остался один дома (все ушли на полуночное молебствие) и на всякий случай у него при себе был заряженный револьвер.

Автор подробно останавливается на выборах в первую Думу. Интересно свидетельство Тихомирова о том, как он 23 апреля 1906 г. готовил проект тронной речи при открытии Думы. Приводится текст проекта, который, однако, не прошел. Обиженный Тихомиров замечает 28 апреля по этому поводу, что тронная речь Николая II была довольно бледная и ничего общего с образцом, написанным Львом Александровичем, не имеет. Состав первой Думы Тихомирова, конечно, не устраивал, но вторая Дума, по его мнению, «хуже прежней». Ее непродолжительная история, убийство Г. Б. Иоллоса, происшествие с бомбами, обнаруженными в доме С. Ю. Витте, и т. д. отражены в дневнике с присущими Тихомирову язвительными комментариями.

Попытки В. А. Грингмута (редактора «Московских ведомостей», в которых работал Тихомиров) привлечь его к деятельности «Русской монархической партии» не находят поддержки и понимания. Льву Александровичу не нравится программа, и он не хочет быть в одной организации с человеком, от которого материально зависит. Узнав об убийстве Иоллоса, Тихомиров 15 марта 1907 г. просит передать Грингмуту, что не будет читать лекции для членов монархических партий, если «Союз русского народа» не снимет с себя обвинений в этом убийстве. В связи с убийством Иоллоса руководство Русского собрания, а также председатель Русского монархического собрания в Москве опубликовали заявление, выразив свое возмущение. «Вестник Русского собрания» писал весной 1907 г.: «Каковы бы ни были мотивы

его (убийства Г. Б. Иоллоса. — *А. Р.*), но это предательское, возмутительное убийство должно вызвать всеобщее негодование»⁷.

Отклики о «Русской монархической партии» в дневнике свидетельствуют, что Лев Александрович по мере возможности отслеживает ее деятельность и готов помочь, если нужно выступить с лекцией или докладом (23 сентября 1907 г. Тихомиров записывает, что Грингмут даже раздумывал над выдвижением его кандидатом в депутаты Думы). Генерал А. А. Киреев в письме к Тихомирову советует ему присоединиться к Русской монархической партии, однако тот не рвется в политику и не слишком верит, что партии (а тем более черносотенцы, саркастически именуемые им «армией Валленштейна») спасут Россию.

Волнует Тихомирова и судьба Православной церкви. Информация от сына Александра (учащегося Московской духовной академии) подтверждает тревоги Тихомирова, и он констатирует, что «церковь разлагается». Интересно письмо Александра от 6 октября 1905 г., в котором тот сообщает, что в Московской духовной академии процветает безделье и пьянство, а вместо лекций учащиеся поют революционные песни. Сообщает он и о том, что однофамилец Льва Александровича, профессор академии Павел Васильевич Тихомиров, преподававший философию, напился вместе со студентами, заявив им, что Марсельеза и революционные песни превыше философии, после чего студенты бросились его качать. Правда, 20 сентября 1906 г. профессор будет уволен Синодом из академии. Однако поводом послужили не радикальные взгляды, а конфликт с преподавателем В. Н. Мышцыным (также уволенным), ухаживавшим за женой П. В. Тихомирова⁸.

Значительное место в дневнике занимает фигура П. А. Столыпина. Мысли, высказанные в статьях и брошюрах Тихомирова, во многом совпадали с точкой зрения Петра Аркадьевича. Их приватная встреча, состоявшаяся 21 августа 1907 г. в Петербурге, усилила взаимные симпатии. Установившиеся между ними контакты привели к переезду Тихомирова из Москвы в Петербург и его продолжительному сотрудничеству с премьером⁹. Хотя Столыпин много сделал для Тихомирова, тот не переставал периодически доверять дневнику свои сомнения насчет премьера, который, конечно, не мог сразу добиться чиновничьего места и жалования для бывшего народовольца, ставшего монархистом.

Не случайно в последней записи 1907 г. от 31 декабря Тихомиров подозревает Столыпина «в болтовне пустой». В феврале 1908 г. он уже прямо угрожает, что проклянет Столыпина, но, получив чин статского советника, должность и жалование, рассыпается в благодарностях.

Работа со Столыпиным и общение с ним были, судя по дневнику, самой яркой страницей в жизни Тихомирова-монархиста. Он почувствовал себя востребованным и готов был трудиться. Но размышления о будущем России были далеки от оптимизма. Сравнивая революционные события 1905—1907 гг. с прошлыми смутами в истории России, Тихомиров приходит к выводу, что раньше люди были более самостоятельными в хозяйственном отношении, а теперь человек ничего не может сделать без общественной организации, и если она распадается, то страна погружается в хаос, где каждый становится беспомощен. Николай II для Тихомирова — последний царь «в русском смысле», а после него новый император получит уже «общипанные права» и не сможет восстановить той системы, которая существовала до Манифеста 17 октября и созыва Государственной Думы. Сделать это может... узурпатор, т. е. тот, кто сумеет взять себе по максимуму власти, а законный наследник сможет получить только то, «что не расточил отец». Даже Столыпин, при всех симпатиях Тихомирова к нему, ведет Россию по пути построения буржуазного общества, с парламентом, партиями, политической борьбой и т. д. Это уже новый строй, а «традиция прежнего разбита». Неотвратимость перемен тревожит Тихомирова. В итоге он мечтает о любом «устроении», которое привело бы к стабилизации ситуации, полагая, что лучше старым «гнилушкам» совсем упасть, чтобы на расчищенном месте было построено что-то новое. Его тяготит неопределенность, медленное умирание старого строя. Он ругает власть и государство, которое, по его мнению, только забирает с населения деньги, но ничего не дает взамен, самоустранившись. 31 марта 1907 г. Тихомиров выдает печальный прогноз, что в конце концов и правых и виноватых перебьет третья сила, под которой он подразумевал левых радикалов. Но до этого еще предстоит медленное гниение и разложение всей системы власти.

Выход из кризиса один — нравственное перерождение людей. Для этого, пишет он 7 сентября 1907 г., надо перестать быть

дураками, бессовестными негодьями и невеждами. Он полагает, что Бог покинул Россию именно вследствие потери людьми «нравственного чувства» и внутреннего падения. Следовательно, грядущие потрясения будут страшной расплатой, но одновременно и очищением¹⁰. Таким образом, дневник Тихомирова интересен не только с точки зрения фиксации основных событий эпохи, но и с точки зрения попытки анализа этих событий через религиозно-философскую призму личного восприятия.

В перспективе нами предполагается продолжить совместную (РГАСПИ и ГА РФ) публикацию текста дневника Тихомирова. В настоящее время есть пример подобного издания, успешно продолжавшегося долгие годы и пользующегося спросом. Это воспоминания и дневник Д. А. Милютина, выходящие под редакцией доктора исторических наук Л. Г. Захаровой. Хронологические рамки дневника Л. А. Тихомирова и содержащаяся в нем информация делают его не менее ценным и востребованным научным источником, чем милютинский дневник.

Примечания

- ¹ Государственный архив РФ (далее — ГА РФ). Ф. 634 (Тихомиров Л. А.). Оп. 1. Ед. хр. 15—18.
- ² Воспоминания Льва Тихомирова / предисл. В. И. Невского, вступ. ст. В. Н. Фигнера. М. ; Л., 1927. С. 154—438.
- ³ 25 лет назад : из дневников Л. Тихомирова // Красный архив. М. ; Л., 1930. Т. 1. С. 20—69 ; Т. 2. С. 47—75 ; Т. 3. С. 59—96 ; Т. 4/5. С. 103—147 ; Из дневника Л. А. Тихомирова // Красный архив. М., 1933. Т. 6. С. 82—128 ; Из дневника Льва Тихомирова (период столыпинщины) // Красный архив. М., 1935. Т. 5. С. 120—159 ; Т. 6. С. 170—190 ; М., 1936. Т. 1. С. 162—191 ; Т. 2. С. 171—184.
- ⁴ Фомин С. В. Из дневника Л. А. Тихомирова (Москва. 1901, 1905, 1912—1917 гг.) // ...И даны будут Жене два крыла : сб. к 50-летию Сергея Фомина. М., 2002. С. 556—626.

К сожалению, при публикации текстов допущено несколько ошибок. Так, вместо слов «распространяются слухи о каких-то готовящихся избиениях или погромах то *политиков*, то евреев...» (там же. С. 593) следует читать: «распространяются слухи о каких-то готовящихся избиениях или погромах то *поляков*, то евреев...» (ГА РФ. Ф. 634. Оп. 1. Д. 26. Л. 59). В предложении «Наглая спекуляция, общее мошенничество, какие-то непонятные скупки всего, от хлеба до

железа, — наполняют тревогой» (*Фомин С.* Указ. соч. С. 592) из текста публикации выпало словосочетание, отсутствие которого никак не отмечено, в отличие от других случаев, когда при сокращении текста это указывается. В первоисточнике читаем: «Наглая спекуляция, общее мошенничество, какие-то непонятные скупки всего, от хлеба до железа, — проводимые евреями, — наполняют тревогой» (ГА РФ. Ф. 634. Оп. 1. Д. 26. Л. 45).

⁵ *Николаев Г. Б.* Эсхатологический триптих // Эсхатологический сборник. СПб., 2006. С. 358—296.

⁶ *Дневник Л. А. Тихомирова. 1915—1917 гг.* / руководитель проекта, сост., автор предисл., коммент. и примеч. *А. В. Репников.* М., 2008.

⁷ *Кирьянов Ю. И.* Русское собрание, 1900—1917. М., 2003. С. 51.

⁸ *Голубцов С. А.* Московская Духовная Академия в начале XX века: профессура и сотрудники. Основные биографические сведения : по материалам архивов, публикаций и официальных изданий. М., 1999. С. 64, 95.

⁹ См.: *Репников А. В., Милевский О. А.* Две жизни Льва Тихомирова. М., 2011 ; *Они же.* «Я верю в Россию...» : Тихомиров и Столыпин: надежды и разочарования // *Родина.* 2012. № 4. С. 24—28.

¹⁰ Похожее мнение выражали и другие правые. Например, писатель и офицер *И. А. Родионов* писал, что после того как к власти пришли большевики, «только единичные люди догадывались, что с воцарением большевизма — мученическая смерть антипатриотическим, распутным и легкомысленным интеллигенции и буржуазии, уничтожение вырожденческой, развратной культуры и невообразимо-тяжкие испытания, полуистребление и полное разорение всему забывшему Бога и совесть, растленному, преступному и жестоковыйному русскому племени. Они понимали, что большевизм — это пылающий адским огнем метеор, по воле карающего Провидения ринувшийся в прогнившее сверху донизу, необъятное, смрадное русское болото. От его... падения полетят во все стороны гнойные брызги и мутными волнами разольются по лицу всей земли... он взбушует все загнившееся зловонное болото, сожжет много доброго, здорового, но сожжет и гной, растеряет свою... силу, распадется на части, зароется... и образуется тогда твердая почва, и будет добрый материал, и начнется новое, здоровое строительство» (*Родионов И. А.* Жертвы вечерние : (Не вымысел, а действительность). Берлин, 1922. С. 18—19).

Подробнее об этом см.: *Репников А. В.* «За грехи... и преступления... промотавшихся отцов» : (И. А. Родионов, П. Н. Краснов и Ф. В. Винберг о революции в России) // *Революция 1917 года в России: новые подходы и взгляды* : сб. науч. ст. СПб., 2011. С. 141—152.

О. Г. Герасимова

**ОДНО ЛЕТО ИЗ ЖИЗНИ МИХАЙЛОВА:
СОВЕТСКАЯ ДЕЙСТВИТЕЛЬНОСТЬ
ГЛАЗАМИ ЮГОСЛАВСКОГО ИНТЕЛЛИГЕНТА¹**

Летом 1964 г. в самом известном, крупном и престижном учебном заведении Советского Союза — Московском государственном университете им. М. В. Ломоносова — появился стажер из Югославии Михайло Михайлов². Молодой 30-летний сотрудник филиала Загребского университета в Задаре в рамках меж-университетского обмена между СССР и Югославией приехал в МГУ на пять недель для сбора материала по творчеству Достоевского и советской литературе XX в. Надо отметить, что лето в России — всегда не самое удачное время года для какого-либо сбора научного материала и общения с коллегами. После завершения учебной сессии жизнь в университетах и институтах несколько замирает: студенты и преподаватели разъезжаются на практику, каникулы или уходят в отпуск. Михайлову повезло, что его поселили в общежитии главного здания МГУ, где и летом, по крайней мере в июле, оставались аспиранты и студенты университета. В этом «безлюдье» был свой плюс — освободившееся от посещения лекций и семинаров время наш герой мог использовать по своему усмотрению, что он успешно и осуществил, судя по его книге «Лето московское 1964».

Этот литературный репортаж должен был выйти в трех номерах белградского ежемесячного литературного журнала «Дело»³ за 1965 г. Первые два номера вышли, а в следующем было опубликовано объяснение редакции о допущенной ошибке: «Окружной суд в Белграде запретил распространение прошлого фев-

© Герасимова О. Г., 2012

Герасимова Ольга Геннадьевна — кандидат исторических наук, младший научный сотрудник кафедры отечественной истории XX века Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова. gerassimova2007@bk.ru

ральского номера нашего журнала. ...редакция не обратила необходимого внимания на его полемические преувеличения и на фрагменты, содержащие реакционную трактовку истории октябрьской революции и Советского Союза»⁴. И далее редакция отмечает, что необходимая критика сталинизма не должна перейти в противоположность: «сталинизм не есть логика революции, а нечто, что глубоко и трагически нарушало ее благородную историческую цель»⁵. Редакция приносила читателям извинения за свой «безответственный журнализм» и недостаточное редактирование материалов Михайлова. Как пояснял в одном из интервью сам М. Михайлов: «...к тому времени сместили Хрущёва, новая власть несколько скорректировала курс в отношении Югославии, и советский посол Пузанов официально заявил протест»⁶. Второй номер журнала «Дело» за 1965 г., где и была опубликована глава «Лагерные темы», был конфискован по решению суда⁷. После критики, которую обрушил И. Б. Тито на молодого литератора, Михайлова продержали под арестом сорок дней. Но затем судили и приговорили к пяти месяцам за «клевету». «Клевета» заключалась в том, что в главе о лагерях Михайлов, за восемь лет до публикации «Архипелага ГУЛАГ» А. И. Солженицына на Западе, написал о создании советского лагеря в 1921 г., т. е. задолго до нацистских лагерей, о Крымском расстреле. Но под давлением западной общественности и угрозы переноса встречи Международного ПЕН-клуба из Югославии в другую страну приговор Михайлову изменили на условный. «Лето московское 1964» только за три года было переведено на 8 языков. На русском языке текст печатался в 1965 г. с № 19 (990) в западногерманском журнале «Посев». Работать и публиковаться на родине Михайлов уже не мог и стал писать для западной прессы⁸. В 1966 г. он был осужден за попытку выпуска независимого журнала. После отбытия второго срока за враждебную пропаганду в 1978 г. Михайлов был лишен югославского гражданства.

С первых же страниц «Лета московского 1964» перед нами предстает советская будничная жизнь. Наблюдая московскую и ленинградскую повседневность (хотя репортаж и носит название «Лето московское 1964», но Михайлов посетил кроме Москвы и Подмосковья второй крупнейший город в СССР — Ленинград), автор проявляет свой талант писателя — умение видеть малей-

шие черты обычной для жителей Советского Союза жизни и попутно сопоставлять с жизнью у себя на родине, в Югославии. Из этих метких наблюдений современному читателю «Лета московского» становятся понятными усилия тогдашнего главы государства Н. С. Хрущёва всеми способами улучшить отношения с Югославией, разорванные в памятные послевоенные сталинские годы. И хотя СФРЮ рассматривалась в Советском Союзе как сфера советского влияния, стояла задача включения Югославии в социалистический лагерь и ослабления влияния капиталистического Запада. Отсюда объясняется и наличие большей свободы в Югославии во всех областях деятельности, как государственной, так и частной, более высокий уровень жизни югославы по сравнению с советскими гражданами⁹.

М. Михайлов обращает внимание на заметный интерес москвичей к югославским фильмам и литературе, прессе и музыке. Так, он отметил успех у советских зрителей югославского фильма «Любовь и мода», что подтверждается высказываниями наших современников: фильм прошел яркой кометой по советскому небосклону. Незамысловатый сюжет с прекрасными музыкальными номерами пришелся по душе советским зрителям, не избалованным до недавнего времени таким зрелищем¹⁰. По словам Михайлова: «Югославия присутствует в России в гораздо большей степени, чем Россия у нас»¹¹. Данное высказывание характеризует положение в советско-югославских отношениях летом 1964 г., но предыдущие страницы истории демонстрируют иное. Так, на выставке искусства социалистических стран, проходившей в Москве с 26 декабря 1958 г. по 1 апреля 1959 г., Югославия отсутствовала, отказавшись от участия. В рамках плана культурного сотрудничества между СССР и Югославией в 1958 г. планировалось показать выставку югославской графики в трех городах Советского Союза — Киеве, Ленинграде и Москве. Лишь после того, как выставка получила бы соответствующую критическую оценку на Украине и в Ленинграде, она могла быть организована на короткое время в Москве¹². Хотя экспонирование планировалось развести по времени с выставкой социалистических стран, ЦК КПСС решил не рисковать и выставку в Москве не проводить¹³. Риск в данном случае был связан с неординарностью югославской живописи, в которой реализм занимал отнюдь не цен-

тральное место. Подобная же ситуация в СССР в конце 1950-х гг. сложилась и с югославской литературой.

Любопытно замечание М. Михайлова о хорватском литераторе Мирославе Крлеже, чье творчество советские читатели в 1964 г. знали лишь по сборнику «Избранное» 1958 г. Первый сборник стихотворений Крлежи на русском языке вышел только в 1967 г., год спустя на украинском языке — сборник новелл, а еще через год был опубликован роман «Возвращение Филиппа Латиновича», написанный в 1938 г. Стыдно признаться, но и автору данных строк Крлежа первоначально был известен лишь по книге, описывающей путешествие в Советский Союз в 1925 г.¹⁴ А замечания Крлежи по поводу мавзолея Ленина, увиденного тогда, созвучны с высказываниями Михайлова, сделанными почти сорок лет спустя: «Мавзолей Ленина сегодня — центр Москвы»¹⁵ — «Перед мавзолеем Ленина на Красной площади — огромная очередь, между прочим, созданная искусственно»¹⁶. Вероятно, мысль о написании литературного репортажа о своем посещении СССР пришла М. Михайлову под впечатлением «Поездки в Россию» Крлежи. Как отмечалось в материалах Иностранной комиссии Союза писателей СССР, Крлежа «в 1930-е гг. порвал с коммунистической партией, активно выступал против нее и увел с собой большую часть интеллигенции, во время войны отказался перейти на освобожденную партизанами территорию. Его произведения печатались на территории, занятой немцами. ...начал проявлять чрезвычайную активность лишь с периода антисоветской кампании 1949—1953 гг.»¹⁷. Наладившиеся было отношения между Советским Союзом и Югославией после 1953 г. подверглись новым испытаниям «на прочность» в 1958 г., когда Н. С. Хрущёв обрушился с критикой позиции югославского руководства по поводу дальнейшего развития страны, обвинив его в ревизионизме и сотрудничестве с буржуазными странами. Новая волна критики «югославского ревизионизма» продолжалась вплоть до 1962 г. В этих условиях избрание в 1958 г. М. Крлежи, «личного друга Тито»¹⁸, председателем Союза писателей Югославии расценивалось как желание югославского руководства поближе прибрать к рукам Союз писателей и сделать его проводником своих «ревизионистских» идей «в целях укрепления югославского варианта социализма»¹⁹. Сами же писатели раздели-

лись на две группы: придерживающихся реализма и, соответственно, курса СССР, и «ревизионистов»-модернистов, отстаивающих особый путь эволюции как югославской политики, так и литературного творчества.

Вышесказанное позволяет понять констатацию М. Михайловым плохого знания советскими читателями югославской литературы: «Знают только Нушича, Добрицу Чосича, Бранко Чопича, Десанку Максимович и Иво Андрича»²⁰.

Особый интерес в репортаже Михайлова представляет раздел, посвященный МГУ. Его оценка здания на Ленинских горах совпадает с точкой зрения многих иностранцев, приезжавших тогда в Москву: зачем было возводить столь помпезное здание, когда вместо него можно было построить более функциональные учебные корпуса и общежития. Но, судя по воспоминаниям многочисленных выпускников МГУ, громада здания у советских студентов, как правило, не вызвала негативных оценок, а наоборот — внушала гордость и уважение к *alma mater*.

Михайлов попал в Московский университет, когда с момента чтения доклада Н. С. Хрущева «О культе личности и его последствиях» на XX съезде прошло более восьми лет. Молодое поколение, пришедшее в университет в начале 1960-х гг., отличалось от досъездовского поколения большей смелостью в своих мыслях и рассуждениях. Они «открыто дискутируют обо всем, без страха критикуют недостатки в своей стране»²¹. При этом Михайлов отмечает некоторую взаимную подозрительность. Вероятно, это объяснялось обстановкой в МГУ после событий 1962—1963 гг., когда часть студентов выступила в защиту новых форм и направлений в советском искусстве, раскритикованных советским государственным и партийным руководством. Для некоторых это обернулось исключением из университета и восстановлением в рядах студенчества после работы на производстве и получения характеристик, свидетельствующих об «исправлении». Можно предположить, что упоминание Михайловым о выступлении ленинградских студентов осенью 1956 г.²² стало известно ему из общения с ленинградскими студентами.

Официальным гидом Михайлова во время ряда его поездок к писателям и поэтам стал «симпатичный сибиряк»²³, студент 5-го курса филологического факультета МГУ Олег Меркулов. По

словам самого Меркулова, его назначили гидом только потому, что он был хорошим спортсменом (чемпион МГУ по боксу) и неплохим фотографом.

Сопроводять М. Михайлова должен был другой — аспирант филфака Валентин Курилов, но так как он по ряду причин не смог, то его заменил О. Меркулов. Основную часть фотографий и пленок Меркулов отправил тогда же Михайлову в Югославию, о чем сейчас немного сожалеет — поступил непрофессионально, по неопытности, пленки надо было оставить. По словам Меркулова, Михайлов обещал опубликовать в журнале его фотографии писателей и поэтов. Полагаем, что у самого Михайлова снимки и пленки не сохранились в силу его сложившейся в дальнейшем биографии. У Меркулова сохранилось лишь несколько фотографий (Л. Аннинского, П. Антокольского, А. Вознесенского, Е. Евтушенко и В. Шкловского), у Курилова — пленка с рядом фотографий. Несколько фотографий лета 1964-го и небольшие воспоминания о посещении в Ленинграде Б. Окуджавы опубликованы Меркуловым в седьмом сборнике «Голос надежды: новое о Булате», в частности фото самого Б. Окуджавы и М. Михайлова с Б. Ахмадулиной²⁴.

После возвращения Михайлова в Югославию, О. Меркулов слышал о его выступлении на радио «Голос Америки» (скорее всего, на радио «Свободная Европа». — *О. Г.*). Последствия этого выступления для Меркулова были драматичными, т. к. Михайлов говорил, что Ленин придумал концлагеря²⁵. Видимо, Михайлов зачитывал ту самую главу из своей работы — «Лагерные темы», которая вызвала гнев сначала у советского руководства, а затем у югославского. Сейчас в этом Меркулов уверен, но тогда это были высказывания, подходившие под статьи Уголовного кодекса РСФСР об антисоветчине. По воспоминаниям Меркулова, настроение у Михайлова во время поездки в Москву было пессимистичное, мог написать что угодно²⁶. По отношению же к Меркулову он был какой-то душевный, симпатичный. Именно благодаря встречам Михайлова с советскими поэтами и писателями, литературоведами, Олег Меркулов стал больше интересоваться современными ему писателями. А встречи с некоторыми продолжились и годы спустя.

Михайлов, как филолог, отметил интерес московских студентов к писателям и поэтам, бывшим до недавнего времени под запретом, восторг от Кафки у аспирантов МГУ. Кстати, «в Югославии Кафка никогда не вызывал такого воодушевления»²⁷. И даже тот факт, что многих западноевропейских авторов в советской прессе не печатали, не отпугивал любознательную молодежь: «Молодые советские научные работники, а также некоторые студенты читают всех этих авторов — в оригиналах, которые достают с большим трудом и перепродают по высоким ценам»²⁸. Можно подтвердить, что одним из первых зарубежных изданий, правда, на русском языке, пользовавшихся популярностью у московских студентов, стал «Доктор Живаго» Б. Пастернака. Благодаря «десанту» итальянских студентов и аспирантов, учившихся в МГУ в конце 1950-х — начале 1960-х гг., студенты МГУ становились счастливыми обладателями этой книги порой за довольно высокую цену — две стипендии. Обладание книгами зачастую превалировало над желанием приобрести у иностранных студентов дефицитные товары в виде модных предметов одежды. Но кого не встречал Михайлов среди студентов МГУ — так это «ни одного последователя догматического соцреализма»²⁹.

Студенты и аспиранты университета говорили Михайлову о своем желании, помимо Ф. Кафки, прочитать Д. Джойса, М. Пруста, Г. Гессе, Э. Ионеско, С. Беккета и др.

В целом же, по мнению Михайлова, советские «студенты ничем не отличаются от югославских»³⁰. Он видит разницу лишь в способах подработки — «работают не разносчиками молока, а кочегарами и ночными сторожами»³¹. Опять же, судя по мемуарам, студенты (юноши) подрабатывали на разгрузке вагонов на товарных станциях и летом во время строительных отрядов. «За ночь заколачивали по столынику (почти полстипендии!). Шесть ночей — костюм, три — полуботинки, две — рубашка и галстук на резиночке»³². Недосып сказывался на лекциях по самым скучным предметам, чаще всего страдала «История марксизма-ленинизма». Для студентов эти подработки были подспорьем и даже давали возможность посылать деньги родным домой — «в колхозе эдакие деньжищи не подкалымишь»³³.

Что касается пессимизма М. Михайлова по поводу знания русскими студентами русской философии, как дореволюционной,

так и эмигрантской, то представляется, что не все студенты были сведущи в знании работ русских философов XX в. Так, выпускница филологического факультета 1958 г. Г. Пономарева, собираясь в 1962 г. поступать в аспирантуру, хотела писать работу под руководством М. М. Бахтина, жившего в то время в Саранске. Сам Бахтин в беседе с молодыми филологами из Москвы, С. Бочаровым, Г. Гачевым и В. Кожинным, высказал мысль, что считает себя философом, а не литературоведом. В первом же разговоре Пономаревой с Бахтиным (а беседы эти длились вплоть до его смерти в 1975 г.) возникли имена Розанова, Бердяева, Мережковского. Любопытно, что Пономарева отмечала творчество Вл. Соловьева, для которого «значима прежде всего красота, что это столп его философии. Бахтин же склонялся к Розанову»³⁴. Можно предположить, что не сведущи в знании русской философии оказались лишь те студенты, с которыми общался во время своего приезда Михайлов.

Текст «Лета московского» выдает «с головой» профессию автора читателю, незнакомому с биографией Михайлова. Это чувствуется по обширному и тщательному анализу ситуации в советской литературе, издательском деле, об интересе к авторам. Любопытно, что сведения Михайлова о защите в 1964 г. на филологическом факультете четырех дипломных работ о творчестве А. Солженицына перекликаются с архивной запиской в Бюро ЦК КПСС по РСФСР, правда, по Ленинградскому университету. В ней констатируется факт расширения и обновления тематики дипломных работ, «главным образом за счет писателей, недавно реабилитированных — М. Кольцова, В. Киршона, Б. Ясенского, И. Бабея, или за счет писателей, подвергшихся критике после 1956 г. — В. Тендрякова, Ю. Бондарева и др.»³⁵. Как пишет В. Димов, студент философского факультета МГУ в 1967—1972 гг.: «Со времен публикации “Один день Ивана Денисовича” Александр Солженицын стал для страны больше чем писателем — он стал пророком. Каждая новая книга, каждое новое выступление Солженицына живо обсуждались»³⁶.

В оценке литературных произведений М. Михайлов — довольно строгий критик. Так, он отмечает убогость и бездарность романа О. Гончара «Тронка», удостоенного в 1964 г. Ленинской премии, художественную слабость пьесы «Иду на грозу»

Д. Гранина. Опять-таки можно лишь предположить, что в дальнейшем при ознакомлении с новыми произведениями Гранина, такими как «Картина», «Блокадная книга» (в соавторстве с А. Адамовичем), «Зубр», Михайлов изменил свое первоначальное мнение.

Полагаем, что только беседы с советскими писателями и прозаиками дали Михайлову такую информацию, как известие о печати сборников стихов О. Мандельштама и Н. Гумилева.

Как исследователь творчества Ф. М. Достоевского, Михайлов отмечает выход книги «Проблемы поэтики Достоевского» М. М. Бахтина — последователя так называемой «формалистической школы» в литературе. Если вспомнить отношение в Советском Союзе к слову «формализм», то станет ясным, какой резонанс это исследование вызвало среди части ортодоксальных советских литературоведов. Но необыкновенно интересно, по словам Михайлова, что наряду с В. Ф. Асмусом, В. Б. Шкловским, М. Б. Храпченко и др. на защиту Бахтина встал и В. В. Ермилов, известный теоретик соцреализма.

Во время своих встреч М. Михайлов побеседовал с рядом писателей и поэтов, чьи произведения сыграли огромную роль в «оттепельную» эпоху — Б. Ахмадулиной, Ю. Бондаревым, А. Вознесенским, В. Дудинцевым, Е. Евтушенко, Б. Окуджавой, В. Тендряковым, В. Шкловским.

Читая М. Михайлова, узнаешь, что В. Д. Дудинцев работал над романом о советской генетике еще в 1964 г., но из-за необходимости зарабатывать себе на жизнь переводами с украинского языка, не мог его завершить: «Мне не хватает всего четырех с половиной месяцев свободного времени, чтобы закончить новый роман»³⁷. И это при том, что многие западные издательства уплатили крупные авторские гонорары за издание «Не хлебом единым» в «Международную книгу». Дудинцев же из причитающихся ему 30 % не получил на тот момент ни копейки. В отличие от Эренбурга и Леонова Дудинцев в беседе с М. Михайловым положительно отзывался о новом поколении литераторов, отметив поэзию Н. Матвеевой.

Молодые поэты — Б. Ахмадулина и А. Вознесенский, чьи имена были известны в то время не только интеллигенции, произвели впечатление на М. Михайлова. Прежнее разочарование в поэзии Ахмадулиной сменилось признанием таланта поэтессы.

Вознесенский, поэт «в большей степени интеллектуальный, чем эмоциональный»³⁸, удивил гостя прекрасным знанием современной западноевропейской литературы, которая для других советских писателей была «terra incognita».

Творчеству Б. Окуджавы, поэта и шансонье, М. Михайлов посвятил, наравне с другими поэтами, отдельную главу в своем репортаже. Песенки Окуджавы, по словам писателя, драгоценный вклад в русскую поэзию, и они будут жить до тех пор, пока существует Москва. «Они говорят о безымянных, простых жителях громадного города»³⁹, «которым дают неограниченный кредит только... Вера, Надежда, Любовь»⁴⁰.

Особый интерес представляет знакомство Михайлова с В. Турбиным, автором небольшого по объему, но наделавшего много шума и при этом оставшегося многим неизвестным, а сейчас незаслуженно забытого произведения «Товарищ время и товарищ искусство»⁴¹. Предполагаем, что Михайлов узнал о нем опять-таки благодаря университетским знакомым — В. Курилов занимался у В. Турбина в студенческие годы в знаменитом «лермонтовском» семинаре⁴².

Небольшая по формату, объему и, главное, по тиражу в 22 тыс. экземпляров книга В. Турбина стала в одночасье в 1961 г. жупелом в глазах ревнителей соцреализма, а сам автор был причислен к апологетам абстракционизма. Она удостоилась критики из уст одного из главных хрущевских идеологов — Л. Ф. Ильичева на заседании Идеологической комиссии в декабре 1962 г. До этого книгу Турбина еще в мае 1962 г. раскритиковали на Ученом совете филологического факультета и на кафедре русской литературы МГУ за «апологию современного абстракционизма»⁴³. По словам Михайлова, «история с Турбиным лишней раз показывает, как мало мы знаем о том, что происходит в Советском Союзе»⁴⁴. «Товарищ время и товарищ искусство» предвосхитила появление «Реализма без берегов» Р. Гароди — «совсем неизвестна миру и снова талантливый славянин теряет приоритет в культурной жизни человечества»⁴⁵. Книга Турбина представляет попытку мыслящего человека проанализировать процессы, происходящие на тот исторический момент в литературе, живописи, кино. Это не столько аналитическая работа, расставляющая точки в оценках того или иного явления в искусстве, сколько

задающая вопросы и призывающая своего читателя поразмыслить над возможными ответами. Пожалуй, именно *свобода* в подаче Турбиным своих высказываний больше всего смутила власть и вызвала мощный поток критики, в том числе и со стороны известных искусствоведов⁴⁶.

А вот во встрече с известным советским писателем И. Г. Эренбургом, чьи произведения печатались и в Югославии, автором «гениального», по замечанию Михайлова, романа «Хулио Хуренито»⁴⁷, «блестящий дух Эренбурга... внезапно перестал функционировать» и перед собеседником «внезапно очутился человек с типично советской психологией, глухой к каким бы то ни было аргументам и эмпирическим фактам»⁴⁸. Собеседники так увлеклись в своем споре, что беседа вместо запланированного часа заняла три часа. Спор начался с фразы Эренбурга о том, что советские женщины занимаются перестройкой мира и при этом не умеют сварить кофе. Михайлов же, вспомнив увиденных советских женщин, занятых на тяжелых, «мужских» работах, решил узнать мнение собеседника об афоризме «Социализм — это ад для женщин» польского писателя С. Е. Леца. Эренбург уклонился от прямого ответа и отделался общей фразой по поводу огромной роли в будущем только двух факторов: искусства и женщин, чем вызвал разочарование Михайлова.

Было бы неверным не затронуть другие стороны репортажа М. Михайлова. Югославский стажер интересовался и театром, и кинематографом, и музыкой. А его фраза о том, что московские студенты несколько лет тому назад пытались ставить Ионеско, а теперь ставят Брехта, напрямую свидетельствует о знакомстве с участниками студенческих студий МГУ (на Герцена и Ленинских горах). «Носорога» Э. Ионеско пробовал поставить П. Фоменко в университетской студии на Ленгорах, а «Карьера Артура Уи» Б. Брехта в постановке С. Юткевича и М. Захарова с успехом шла на сцене Дома культуры МГУ на Герцена.

Внештатный сотрудник журнала «Советский экран» П. Сиркес, муж поэтессы Т. Жирмунской, в гостях у которой был М. Михайлов, рассказал о злключениях фильма Марлена Хуциева «Застава Ильича» по сценарию Шпаликова⁴⁹: «Хрущёв после просмотра осерчал — клеветает картина на поколение отцов»⁵⁰. Более всего первое лицо государства возмутил эпизод, где

сын обращается к призраку отца-солдата. Сын, который на тот момент старше погибшего отца на два года, спрашивает отца как дальше жить, что делать. «Разъяренный Никита Сергеевич орал, что даже сука бросается спасать своих щенят, когда их топят»⁵¹.

Любопытен раздел книги о лагерных песнях. Занимаясь историей молодежи, студенчества, круга их интересов, увлечений, быта, приходилось не раз убедиться, что лагерная тематика присутствовала в песнях студентов не одного поколения. Данный факт подтверждается сборником песен студентов геологического факультета МГУ выпусков 1956—1957 гг. и воспоминаниями филологов выпуска 1960 г.⁵² В сборнике «Авторская песня» под редакцией поэта и барда Д. Сухарева автором «Колымы» назван некий Г. М. Александров. На сайте Википедии значится, что «магаданский литератор А. М. Бирюков подробно исследовал вопрос авторства песни и с большой убедительностью показал, что ее автором является Константин Константинович Сараханов»⁵³. Кстати, тексты песен на сайте, в упомянутых изданиях и в репортаже Михайлова немного разнятся, что еще раз свидетельствует об их популярности — как правило, переделывались, дописывались новые куплеты только к часто исполняемым песням. Советский лагерный фольклор в последние годы удостоился отдельных исследований. Констатируем, что его знание и исполнение являются еще одним весомым доказательством существования в стране огромной империи под кратким названием «ГУЛАГ». Когда песни подобного содержания поются молодежью, это не просто модное увлечение, а вьезшееся подспудно, на генетическом уровне, в человеческое сознание многолетнее сосуществование с лагерной системой. Данное явление диаметрально отличается от увлечения тюремным шансоном, ставшим популярным за последние годы в некоторых кругах российских слушателей. Сейчас это скорее праздное времяпрепровождение, даже определенная бравада среди поклонников подобного жанра.

Далее М. Михайлов приводит в своей книге текст песни «Товарищ Сталин, вы большой ученый» без указания его автора. Нынешнему читателю автор песни известен — в прошлом лагерный заключенный Юз Алешковский.

О жизненности этих песен свидетельствует еще один факт — спектакль М. Розовского «Песни нашего двора» пользуется

успехом у зрителей уже не один год. На представления ходят не только люди старшего поколения, ностальгирующие по прошлому, и среднее поколение, имеющее представление об истории своей страны, но и молодежь, для которой это — «окно» в прошлое — можно посмотреть, услышать его и в то же время остаться в реалиях сегодняшнего дня.

Для сбора лагерного репертуара М. Михайлову не требовалось совершать многочисленные поездки по всему Союзу, достаточно было послушать студентов МГУ в общезнании Главного здания. Не прав оказался обозреватель парижского журнала С. Оболенский в том, что Михайлов изъездил всю Россию, чтобы показать ее «обильную слезами и чудесами»⁵⁴. На наш взгляд, «вся» Россия не исчерпывается Москвой, Ленинградом и несколькими московскими пригородами и дачными поселками.

В заключение отметим, что весь репортаж М. Михайлова «Лето московское 1964» проникнут констатацией определенной свободы в советском обществе. Да, общество еще закрытое, острые беседы на злободневные темы ведутся только в узких кругах, за расхождение с заданными установками могут критиковать в очень грубой форме. Но за это уже не сажают в таком масштабе, как было при Сталине. Именно «кухонные», приватные беседы и стали предтечей событий 1968 г., а в дальнейшем и перестройки в Советском Союзе. И совсем уж пророчески звучат слова Михайлова о том, что «в следующие два-три столетия мы, вероятно, снова будем свидетелями конфликта новых “славянофилов” и “западников”, как в прошлом веке»⁵⁵. Писатель ошибся только во времени: прошло лишь полстолетия, а спор уже идет, правда пока не всеобъемлющий.

Примечания

¹ Честно говоря, назвав свою статью «Одно лето из жизни Михайлова...», автор никоим образом не задумался бы над происхождением этого словосочетания, если бы не замечание американского профессора философии О. Грюнвальда о сходстве с названием повести Александра Солженицына «Один день из жизни Ивана Денисовича». Безусловно, данные параллели возникают, в них можно найти и некий глубинный смысл: один день из жизни заключенного, один день из жизни иностранца, пусть и из социалистического государства, в Со-

- ветском Союзе, рассматривавшегося в то время на Западе (да и сейчас, судя по переписке с проф. О. Грюнвальдом) как цитадель тоталитаризма. Хотя последнее утверждение вызывает противоречивые мнения у современных историков и политологов.
- ² Югославский диссидент, писатель и философ Михайло Михайлов родился в 1934 г. в семье русских эмигрантов первой волны, скончался в Белграде в 2010 г.
- ³ На тот момент в Югославии существовали два ведущих белградских журнала — «Дело» («Delo») и «Современник», выходявшие с 1955 г. Если первый печатал сторонников «обновленного реализма» и модернистов, то второй — сторонников социального реализма (см.: *Ильина Г. Я.* Литература Югославии // История литератур Восточной Европы после второй мировой войны. М., 1995. Т. 1 : 1945—1960 гг. С. 330.
- ⁴ *Delo*. Beograd, 1965. № 3—5. S. 325. (Перевод с сербохорватского Л. Н. Белинской).
- ⁵ Там же.
- ⁶ *Михайлов М.* В XXI век я все же смотрю с надеждой : беседа ведет Ирина Доронина // Дружба народов. 2000. № 2. С. 161.
- ⁷ В советских библиотеках журнал находился в спецхране. В Москве автору удалось его найти лишь в библиотеке иностранной литературы им. М. И. Рудомино.
- ⁸ В 2009 г. автору удалось побеседовать с М. Михайловым, проживавшим в Белграде, по телефону. По электронной почте он выслал свою «curriculum vitae».
- ⁹ Это произошло, по словам эмигрантского журнала «Возрождение», в силу того, что «несмотря на окрики Сталина, Тито никогда не коллективизировал сельского хозяйства своей страны. <...> Два с половиной миллиона крестьянских семей... богатеют из года в год в полном контрасте с обнищавшей русской деревней» (Возрождение. Париж, 1965. № 167. С. 160).
- ¹⁰ Немногочисленным музыкальным фильмам сталинского периода с середины 1950-х гг. пришли на смену кинокартины с яркими, запоминающимися музыкальными номерами («Карнавальная ночь», «Девушка с гитарой», «Королева бензоколонки», «Человек-амфибия», «Алые паруса» и др.), но даже они не могли «насытить» изголодавшегося советского зрителя, уставшего от бесконечных кинокартин на производственную тему.
- ¹¹ *Михайлов М.* Лето московское 1964. Франкфурт-на-Майне, 1967. С. 7.

- ¹² Справка Отдела культуры ЦК КПСС от 27 ноября 1958 г. // Российский государственный архив новейшей истории (далее — РГАНИ). Ф. 5. Оп. 36. Д. 77. Л. 132.
- ¹³ К этому выводу подталкивает и каталог выставки «Современная графика Югославии», изданный Государственным Эрмитажем. Об этом свидетельствует и отсутствие информации о состоявшейся выставке в Москве в справочнике: Культурная жизнь в СССР, 1951—1965 : хроника. М., 1979.
- ¹⁴ *Крлежа М.* Поездка в Россию, 1925. М., 2005.
- ¹⁵ Там же. С. 188.
- ¹⁶ *Михайлов М.* Лето московское 1964. С. 5.
- ¹⁷ РГАНИ. Ф. 5. Оп. 36. Д. 64. Л. 46.
- ¹⁸ Там же.
- ¹⁹ *Ильина Г. Я.* Указ. соч. С. 363.
- ²⁰ *Михайлов М.* Лето московское 1964. С. 8.
- ²¹ Там же. С. 9.
- ²² Речь шла о выступлении М. Красильниковца на Дворцовой площади.
- ²³ *Михайлов М.* Лето московское 1964. С. 9.
- ²⁴ *Меркулов О.* Две встречи с любимым поэтом // Голос надежды : новое о Булате. М., 2010. Вып. 7. С. 44—48.
- ²⁵ Ряд историков считает, что идея создания первых концлагерей в Советской России принадлежала Л. Д. Троцкому и советские концлагеря не были первыми в мировой истории. Подобные прецеденты существовали и ранее.
- ²⁶ Из телефонного разговора с О. Меркуловым 22 апреля 2007 г.
- ²⁷ *Михайлов М.* Лето московское 1964. С. 11.
- ²⁸ Там же. С. 12.
- ²⁹ Там же. С. 9.
- ³⁰ Там же. С. 8.
- ³¹ Там же.
- ³² *Халин В.* О том, что накипело // Моховая, 9—11 : судьбы, события, память : о времени и о себе рассказывают выпускники филологического факультета МГУ (1953—1958). М., 2010. С. 106.
- ³³ Там же.
- ³⁴ *Пономарева Г.* Духовная встреча // Там же. С. 237.
- ³⁵ РГАНИ. Ф. 5. Оп. 37. Д. 82. Л. 120.
- ³⁶ *Димов В. А.* Университет Ломоносовых : Круг основателей. Клятвы Воробьевых гор. Эпоха И. Г. Петровского. М., 2003. С. 264.
- ³⁷ *Михайлов М.* Лето московское 1964. С. 30. Роман В. Д. Дудинцева «Белые одежды», повествующий о положении в советской биологии, был впервые опубликован в 1987 г.

- ³⁸ Там же. С. 106.
- ³⁹ Там же. С. 87—88.
- ⁴⁰ Там же. С. 89.
- ⁴¹ *Турбин В. Н.* Товарищ время и товарищ искусство. М., 1961.
- ⁴² На филологическом факультете в этот период существовали два знаменитых семинара. На одном — под руководством В. Д. Дувакина (до его изгнания с филфака после «дела Синявского Даниэля») изучалось творчество В. В. Маяковского, на другом — под руководством В. Н. Турбина — поэзия и проза М. Ю. Лермонтова.
- ⁴³ *Зозуля М.* (зам. декана филол. фак.) Прямой дорогой // Московский университет. 1963. 22 марта.
- ⁴⁴ *Михайлов М.* Лето московское 1964. С. 92.
- ⁴⁵ Там же. С. 93.
- ⁴⁶ В интервью с выпускниками гуманитарных факультетов МГУ приходилось слышать и скептические высказывания в адрес книги В. Н. Турбина, что, дескать, это повторения из других книг и проч. Нам представляется, что если бы не критика со стороны идеологического руководства, подхваченная на филологическом факультете университета, творческая судьба талантливого литературоведа могла бы сложиться иначе.
- ⁴⁷ Точное название романа И. Г. Эренбурга — «Необычайные похождения Хулио Хуренито и его учеников».
- ⁴⁸ *Михайлов М.* Лето московское 1964. С. 99.
- ⁴⁹ С фамилией Шпаликова у Михайлова произошло искажение, в книге он назван Столиковым — вероятно, сказалось незнание точного написания на русском языке фамилии сценариста.
- ⁵⁰ *Сиркес П.* Труба исхода : непридуманный роман. М., 1999. С. 106.
- ⁵¹ Там же.
- ⁵² Студенты — гении : песни студентов геологического факультета МГУ выпусков 1956—1957 гг. / сост. М. Е. Раменская. М., 2002. См. текст «Колымы»: С. 71—72 ; Время, оставшееся с нами. [Вып. 3] : филологический факультет в 1955—1960 гг. : воспоминания выпускников. М., 2006. См. текст «Колымы»: С. 572.
- ⁵³ Ванинский порт (песня). URL: [http://ru.wikipedia.org/wiki/Ванинский порт \(песня\)](http://ru.wikipedia.org/wiki/Ванинский_порт_(песня)) (дата обращения: 1.07.2011).
- ⁵⁴ *Оболенский С.* Дела и люди // Возрождение. Париж, 1965. № 159. С. 153.
- ⁵⁵ *Михайлов М.* Лето московское 1964. С. 123.

ИСТОРИОГРАФИЯ ИНТЕЛЛИГЕНЦИИ

ББК 63.3(2)64-283.2

А. А. Пронин

ИНТЕЛЛИГЕНЦИЯ РОССИЙСКОГО ЗАРУБЕЖЬЯ В ОТЕЧЕСТВЕННЫХ ДИССЕРТАЦИЯХ (1980—2005 гг.)

Термином «российское зарубежье» нами обозначается вся совокупность деятельности и пребывания наших соотечественников за рубежом; термином «российская эмиграция» — все оставившие страну подданные и граждане Российского государства, в разные периоды его истории уехавшие за рубеж на постоянное жительство либо оказавшиеся за пределами родины по политическим, экономическим и другим причинам на более или менее длительный срок.

Непредвзятое изучение российского зарубежья остается одной из актуальных научных задач на протяжении практически двух последних десятилетий. Причин этому несколько. Первая — распад СССР и, как следствие, появление многомиллионной связанной с Россией диаспоры в странах нового зарубежья. В этих условиях обрело небывалую остроту изучение опыта адаптации различных слоев российской эмиграции разных волн к условиям жизни на чужбине. Вторая причина — осмысление творческого наследия эмигрантов (а оно велико) имеет исключительное значение для духовного, культурного и социально-экономического возрождения

© Пронин А. А., 2012

Пронин Александр Алексеевич — кандидат исторических наук, доцент, профессор Российской академии естествознания, член Российской академии юридических наук и Российской ассоциации политической науки, лауреат всероссийских конкурсов на лучшую научную книгу (Екатеринбург). aaronin@mail.ru

России в условиях становления новой государственности и выбора вариантов общественного развития. Наконец, третья основная причина — необходимость пересмотра многих аспектов отечественной истории, объективной оценки прошлого нашей страны, объединения культур российского зарубежья и метрополии.

Одной из основных тенденций в историографии стало использование системного анализа таких социальных групп, как интеллигенция, и таких явлений, как массовая эмиграция. И это неудивительно: большинство эмигрантов первой — третьей волн эмиграции составляли интеллигенты.

Объем и разнообразный характер исследований, осуществленных с 1991 г., значительную долю которых составляют диссертации, дают нам право говорить о появлении эмигрантоведения как нового направления в отечественной гуманитаристике, развивающегося ускоренными темпами. Постоянный рост диссертационного потока требует системного изучения, результаты которого позволят судить об эмигрантоведении в целом, выделить его основные тенденции, подвести итоги изучения отдельных проблем, наметить перспективы дальнейших исследований.

В настоящее время диссертации и их отпечатанные на правах рукописи авторефераты редко включаются в историографические обзоры, а если включаются, то не выделяются в отдельную группу, не говоря о том, чтобы быть самостоятельным предметом изучения. Причины этого нам видятся в том, что у историографов не принято ссылаться на неопубликованные работы, а диссертации и их авторефераты являются рукописями. Между тем, как справедливо подчеркивает доцент Московского городского университета управления правительства Москвы П. С. Романов, диссертации занимают особое место среди документов научного характера, поскольку содержат множество науковедческих, библиометрических, документоведческих сведений, дают представление о направлениях развития научной мысли, о темах, которые находятся в центре внимания¹. Эта мысль высказывается отдельными авторами в работах не только исследовательского, но и учебно-методического плана².

Анализ диссертаций по теме «российская эмиграция», подготовленных в РСФСР/РФ за 26 лет (1980—2005), включающих в себя примерно равные по продолжительности советский и постсоветский периоды, до сих пор не предпринимался.

Нами были изучены «Летописи авторефератов диссертаций» за 1980—2006 гг.³ В них отражены 903 автореферата по интересующей нас теме, отпечатанные в РСФСР/России в 1980—2005 гг. При этом в 1980—1991 гг., т. е. в период существования СССР, были подготовлены лишь 85 диссертаций, что составляет 9,4 % от общего числа работ по теме российской эмиграции, названных в «Летописях» и датированных 1980—2005 гг.

Интенсивность научных исследований российской эмиграции резко возросла во второй половине 90-х гг. XX — начале XXI в. В этот период отмечается значительный рост общего числа диссертаций по теме российской эмиграции, защищаемых за год: 1992 г. — 5 диссертаций, 1993 г. — 12, 1994 г. — 17, 1995 г. — 36, 1996 г. — 46, 1997 г. — 43, 1998 г. — 50, 1999 г. — 63, 2000 г. — 81, 2001 г. — 89, 2002 г. — 88, 2003 г. — 88, 2004 г. — 93, 2005 г. — 107 диссертаций. Растет и число областей науки, в рамках которых ведутся исследования: если в 1980—1991 гг. защиты по интересующей нас теме прошли по 6 отраслям науки, то в 1992—2005 гг. — уже по 13. Существенно увеличилось количество специальностей, по которым ведется подготовка научно-квалификационных работ: 1980 г. — 5 специальностей, 1981 г. — 6, 1982 г. — 6, 1983 г. — 6, 1984 г. — 7, 1985 г. — 5, 1986 г. — 7, 1987 г. — 2, 1988 г. — 6, 1989 г. — 1, 1990 г. — 4, 1991 г. — 7, 1992 г. — 3, 1993 г. — 6, 1994 г. — 11, 1995 г. — 19, 1996 г. — 19, 1997 г. — 17, 1998 г. — 15, 1999 г. — 24, 2000 г. — 20, 2001 г. — 20, 2002 г. — 23, 2003 г. — 27, 2004 г. — 27, 2005 г. — 26 диссертаций; в 2003—2004 гг. по сравнению с 1980 г. это количество возросло в 5,4 раза — с 5 до 27, сам же перечень научных специальностей, по которым состоялись защиты, в 1994—2005 гг. составил уже 62 наименования против 23 в 1980—1993 гг., а всего в 1980—2005 гг. насчитывает 66 позиций. Расширился круг городов и организаций, где проходят защиты: 1980-е гг. — 9 городов, 1990—1999 гг. — 33, 2000—2005 гг. — 55 городов. Период 1992—2005 гг. представлен 59 городами против 9 в 1980—1991 гг.; в 1980—1989 гг. защиты прошли в 24 организациях, в 1990—1999 гг. — в 70, в 2000—2005 гг. — уже в 137⁴. Сравнив два периода — 1980—1991 гг. и 1992—2005 гг., отметим, что в первый защиты прошли в 26 организациях, во второй — в 152; всего же в 1980—2005 гг. защиты диссертаций, посвященных российской эмиграции, на территории России состоялись в 158 организациях, расположенных в 59 городах.

В массиве всех выявленных диссертаций за 1980—2005 гг. докторские диссертации составляют: в абсолютных цифрах — 104 из 903, в относительных — 11,5 %; кандидатские диссертации: в абсолютных цифрах — 799 из 903, в относительных — 88,5 %.

Фундаментальный характер для развития российского эмигрантоведения имели работы историков Н. Е. Абловой «КВЖД и российская эмиграция в Китае: международные и политические аспекты истории: первая половина XX в.», А. В. Антощенко «“Евразия” или “Святая Русь”? Российские эмигранты “первой волны” в поисках исторического самосознания», Е. Е. Аурилене «Российская эмиграция в Китае (1920—1950-е гг.)», П. Н. Базанова «Издательская деятельность политических организаций русской эмиграции (1917—1988 гг.)», Г. Ф. Барихновского «Идейно-политический крах белоэмиграции и разгром внутренней контрреволюции в 1921—1925 гг.», А. М. Бегидова «Военное образование в зарубежной России, 1920—1945 гг.», З. С. Бочаровой «Социально-правовая адаптация российской эмиграции 1920—1930-х гг.: исторический анализ», Л. Ю. Гусман «Русская либерально-конституционалистская эмиграция и общественное движение в России (1840—1860-е гг.)», Ю. Н. Емельянова «С. П. Мельгунов: в России и эмиграции», В. Ф. Ершова «Российское военно-политическое зарубежье в 1920—1945 гг.: организация, идеология, экстремизм», А. В. Звонарева «Общественно-политические взгляды и деятельность П. И. Новгородцева», Н. А. Казаровой «Политические взгляды и деятельность Ю. О. Мартова», Л. А. Королевой «Власть и диссидентство: 1950—1980-е гг.», Е. Г. Кривошеевой «Российская послереволюционная эмиграция накануне и в период Второй мировой войны», К. Г. Малыхина «Русское зарубежье 20—30-х годов. Оценка большевистской модернизации», А. Д. Назарова «Проблемы миграции населения: исторические предпосылки, тенденции, социальные последствия (1985—1995 гг.): на материалах Российской Федерации, республик Средней Азии и Казахстана», О. Ю. Олейника «Интеллигенция и отечество: проблема патриотизма в советском обществе и российском зарубежье в 30-е годы XX в.», Н. А. Омельченко «Общественно-политическая мысль российского зарубежья об истоках, значении и историческом опыте революции 1917 г. в России», Е. В. Петрова «Научно-педагогическая деятельность русских историков-мигрантов в США в

первой половине XX в.», Е. С. Постникова «Российское студенчество на родине и за рубежом: 1917—1927 гг.», Н. Л. Роголиной «Борис Бруцкус — историк народного хозяйства России», В. А. Росова «Русско-американские экспедиции Н. К. Рериха в Центральную Азию: 1920-е и 1930-е гг.», И. В. Сабенниковой «Российская эмиграция (1917—1939): сравнительно-типологическое исследование», А. И. Савченко «Пресса российской политической эмиграции в конце XIX — начале XX в.», Н. Л. Тудоряну «Очерки российской трудовой эмиграции периода империализма», С. В. Тютюкина «Первая российская революция и Г. В. Плеханов: из истории идейной борьбы в рабочем движении России в 1905—1907 гг.», И. Х. Урилова «Юлий Осипович Мартов: политик и историк», А. А. Хисамутдинова «Деятельность общин американцев русского происхождения на тихоокеанском побережье Северной Америки и Гавайских островах: 1867—1980-е гг.», А. Л. Худобородова «Российское казачество в эмиграции (1920—1945 гг.): социальные, военно-политические и культурные проблемы», Ю. Н. Ципкина «Белое движение на Дальнем Востоке России и его крах (1920—1922 гг.)», Л. К. Шкаренкова «Белая эмиграция: эволюция и крах, 1917—1945 гг.», М. А. Шпаковской «А. А. Кизеветтер в отечественной историографии»; диссертации, монографии и циклы статей, подготовленные рядом других ученых: историков, филологов, философов, искусствоведов, социологов, экономистов, политологов, юристов, психологов, педагогов⁵.

Нами выявлены научные школы историков-эмигрантоведов⁶, действующие под руководством профессоров В. Ф. Ершова, Г. М. Ипполитова, П. С. Кабытова, Г. Г. Касарова, А. В. Квакина, В. Г. Кошкидько, К. Г. Малыхина, Б. Г. Могильницкого, Э. Д. Осколковой, Е. И. Пивовара, Н. Т. Сапроновой, В. М. Селунской, Л. И. Семенниковой, А. И. Сизоненко, С. М. Смагиной, Г. Л. Соболева, Е. И. Тимонина, В. В. Шелохаева, доцентов В. С. Гурьева, С. В. Карпенко, В. П. Корзун на кафедрах: истории Российского государства Института государственного управления и социальных исследований МГУ, отечественной истории XX века исторического факультета МГУ, политической истории естественных факультетов МГУ, истории и культуры Московского государственного университета сервиса, истории Московского государственного автомобильно-дорожного института (технического уни-

верситета), истории России факультета гуманитарных и социальных наук Российского университета дружбы народов, истории России и зарубежных стран Республиканского гуманитарного института Санкт-Петербургского государственного университета, всеобщей истории Орловского государственного университета, истории России Орловского государственного университета, истории Тверского государственного университета, отечественной истории нового и новейшего времени Воронежского государственного педагогического университета, отечественной истории Ростовского государственного педагогического университета, отечественной истории Ярославского государственного университета, российской истории исторического факультета Самарского государственного университета, современной отечественной истории и историографии Омского государственного университета, всеобщей истории Омского государственного университета, истории древнего мира, средних веков и методологии истории исторического факультета Томского государственного университета. В абсолютном большинстве это исследователи, специализирующиеся на изучении отечественной истории (специальность 07.00.02), и лишь последние три кафедры готовят специалистов-историографов (специальность 07.00.09). Исторические научные школы по изучению проблем российского рассеяния существуют также на исторических факультетах Московского педагогического и Ростовского государственных университетов, факультете социальных наук Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена, в историко-архивном институте Российского государственного гуманитарного университета, в Иркутском, Казанском и Нижегородском государственных университетах, Институте российской истории и Институте востоковедения РАН (везде — по специальности 07.00.02). Ряд диссертаций по всеобщей истории (специальность 07.00.03) подготовлен эмигрантоведами в Институте всеобщей истории, Институте Дальнего Востока и Институте Латинской Америки РАН. География и результативность исследований этих научных школ в целом коррелируют данным о деятельности центров изучения российского зарубежья, приведенным ранее.

Как отмечает академик РАН Ю. А. Поляков, «изучение истории российского зарубежья стало важной отраслью обще-

ственных наук». При этом он уточняет: «...прежде всего филологии и истории»⁷.

Наше исследование, основанное на статистических данных, позволяет внести в это уточнение свои коррективы. Среди диссертаций тройка лидеров по отраслям науки за весь период 1980—2005 гг. выглядит следующим образом: филологические науки — 376 диссертаций (41,6 %), философские науки — 192 (21,3 %), исторические науки — 179 (19,8 %). Остальные 156 диссертаций (17,3 %) распределены по отраслям науки следующим образом: искусствоведение — 44 (4,9 %), педагогические науки — 31 (3,4 %), экономические науки — 19 (2,1 %), политические науки — 24 (2,7 %), юридические науки — 11 (1,2 %), культурология — 11 (1,2 %), социологические науки — 7 (0,8 %), психологические науки — 6 (0,7 %), архитектура — 2 (0,2 %), географические науки — 1 (0,1 %). Эти данные подтверждают закономерность рассеивания научной информации⁸, ставшую в настоящее время классической: увеличение в арифметической прогрессии количества диссертаций, содержащих информацию по избранной нами для исследования теме, приводит к возрастанию в геометрической прогрессии количества отраслей науки, в рамках которых подготовлены такого рода работы.

Иными словами, существуют три отрасли науки, в рамках которых осуществляется основной прирост знания истории российской эмиграции и российского зарубежья («ядро»); часть диссертаций приходится на долю смежных отраслей; остальные работы распределены по очень большому числу отраслей науки, далеких от эмигрантоведения.

То, что изучение наследия российской эмиграции ведется преимущественно филологами и философами, объясняется, на наш взгляд, следующим. Литература всегда, начиная с Петровской эпохи, выступала основной формой выражения творческого потенциала российской культуры. Литература в разнообразных своих жанрах, в том числе философских, всегда отражала русский культурный идеал и наиболее яркие элементы самосознания интеллигенции, а эмиграция — во многом ее плоть и кровь. Между тем интеллигенция — это своеобразный «мозг нации», ее основная роль заключается в формировании общественного сознания путем выдвижения идей. Общество эти идеи или принимает, или

отвергает. Проблемы, поднимавшиеся российскими зарубежными литераторами и философами — будущее России, ее государственность и власть, отношение к религии, социальной справедливости, взаимоотношения интеллигенции и народа, насилие и ненасилие, — оказались актуальны в плане поиска путей преодоления социально-экономического и духовного кризиса, обновления страны. Современной историографией эмиграции утверждается факт позитивного, стимулирующего влияния рассеяния на духовную жизнь деятелей науки, искусства и литературы.

В 1980—1993 гг., годы советской власти, изучение российской (советской) эмиграции фактически сводилось к исследованию теоретического наследия и деятельности за рубежом представителей русской революционной эмиграции (Г. В. Плеханов, П. Л. Лавров, С. М. Степняк-Кравчинский, М. А. Бакунин, П. А. Кропоткин, В. И. Ленин, Н. П. Огарев, П. Н. Ткачев, А. И. Герцен, Г. А. Лопатин), творчества российских композиторов-эмигрантов (С. В. Рахманинов, И. Ф. Стравинский), созданных в эмиграции произведений советских писателей — М. Горького и А. Н. Толстого. Как следствие, число диссертаций, посвященных жизни и творчеству отдельных лиц, практически совпадало с общим количеством диссертаций эмиграционной тематики. Заголовки же тех немногочисленных диссертаций, где отсутствовали имена эмигрантов, в случае если они посвящались эмиграции первой послеоктябрьской волны, содержали негативно эмоционально окрашенные слова «крах», «разгром» и т. д. Таким образом, изучение так называемой белой эмиграции носило идеологически заданный, политизированный характер: она вся рассматривалась как враждебная СССР сила, обреченная на поражение и гибель⁹. Как справедливо отмечается рядом исследователей, доминирование в работах советских историков идейно-политических мотивов мешало превращению истории российского рассеяния в подлинно гуманитарную науку, т. е. такую науку, где, по определению, объектом изучения являются человек и его культура¹⁰.

На фоне издательского «бума» начала 1990-х гг. популярными в ученой среде стали имена писателя И. А. Бунина, философов Н. А. Бердяева, С. Л. Франка, Л. Шестова. Обусловленный утратой теоретической базы отечественной исторической науки — марксизма — ее методологический кризис заставил иссле-

дователей обратиться к теоретическим конструкциям российских ученых, оказавшихся после 1917 г. за рубежом, рассмотрению их исторических и историософских концепций. С середины 90-х гг. XX в., одновременно с ростом числа имен эмигрантов, упоминаемых в названиях диссертаций, начинается изучение эмиграции как явления.

Возвращение на родину культурного наследия российской эмиграции — следствие либерализации духовной жизни советского общества во второй половине 1980-х гг. Первоначально процесс возвращения культуры российского зарубежья шел в русле «узнавания», т. е. переиздания произведений эмигрантов, публикации в прессе информации о самом существовании эмиграции как явления. Однако в еще большей степени данный процесс стал итогом претворения в жизнь заявленной российским руководством в 1990 г. государственной линии на восстановление духовных ценностей, утраченных в ходе многолетней идеологической борьбы, на установление и укрепление связей с российскими соотечественниками за рубежом. 1990-е гг. оказались периодом рефлексии изданного, следствием которого стало обращение многих ученых и академических институтов к этой проблеме. Непредвзятое изучение российского зарубежья — это одна из актуальных задач современной науки; эмиграция превратилась из запретной темы в новую отрасль гуманитарного знания. Ажиотаж вокруг темы эмиграции, ее культурного наследия, своего рода мода, каковую мы отмечали в начале 1990-х гг., в первом десятилетии XXI в. уступили место спокойной, кропотливой («академичной») исследовательской работе — закономерный этап эволюции любого нового научного направления.

Главный итог всех сделанных без малого за два последних десятилетия научных изысканий состоит в признании российской эмиграции составной частью единой российской культуры — хранительницей ее лучших традиций, а истории эмиграции — составной частью социальной истории Российского государства.

Большинство исследователей российского зарубежья выбирают в качестве объекта изучения первую послереволюционную волну эмигрантов как наиболее яркую, вобравшую цвет нации и ограничивают свои работы рамками 1917—1939 гг. Из 666 работ, посвященных жизни и творчеству отдельных эмигрантов,

595 содержат в своих заголовках имена представителей российского зарубежья 1917—1939 гг., а 109 заголовков из 237, оставшихся за вычетом 666 из 903 известных нам диссертаций, в заголовках которых нет имен эмигрантов, содержат даты или понятия (например, «первая волна»), однозначно указывающие на то, что объектом исследования в этих работах является эмиграция исключительно первой послереволюционной волны.

Среди затронутых ее исследователями сюжетов — высылка интеллигенции в 1922 г.; история военной эмиграции (эмигрантские воинские организации, отдельные военачальники и их деятельность в зарубежье, военное образование, военная периодическая печать); история политической эмиграции (деятельность составляющих ее партий, движений и их лидеров, идейные искания и борьба) и идейно-политических течений в эмигрантской среде (в том числе «сменовеховство» и евразийство); проблема патриотизма в представлениях и настроениях российских эмигрантов; теории, идеи, раздумья российских эмигрантов первой волны о судьбах родины; воззрения представителей общественно-политической мысли российского зарубежья на общественные отношения, складывавшиеся в России как основной части Советского Союза после 1917 г., на узловые проблемы политической практики большевиков; отношение к фашизму и к участию в войне против Советского Союза; национальная идентификация российских эмигрантов, проблема национального характера в философии российского зарубежья, роль национальной идеи в развитии русской культуры за рубежом в довоенный период; вопросы сохранения отечественного культурного наследия (бытийствование прозы и поэзии русской диаспоры, театр и кинематограф российского зарубежья, изобразительное искусство).

Распределение диссертационных исследований по персоналиям, указанным в их заголовках, также свидетельствует о безусловном приоритете интереса к эмиграции первой послеоктябрьской волны: из 127 эмигрантов, чья жизнь и творчество изучались в 1980—2005 гг., 97 — это именно ее представители. Еще 19 человек — это бывшие в эмиграции до 1917 г.; 2 — имеют отношение ко второй послеоктябрьской волне, 9 — к третьей и 3 — к эмиграции второй половины 1980—90-х гг. (с учетом Н. Габо,

М. Горького и В. В. Кандинского в числе и до-, и послеоктябрьских эмигрантов).

До 1990-х гг. практически исследовались только дореволюционная и первая послереволюционная волны эмиграции. В 2000—2005 гг. большой шаг в исследовании третьей послеоктябрьской волны сделали филологи, в результате чего количество посвященных этой волне диссертаций в 2000—2005 гг. возросло до 50 против 2 в 1990-е гг. Существенно увеличилось в 2000—2005 гг. и количество диссертаций в различных областях знания, обращенных к российской эмиграции и российскому зарубежью последних лет (36 в 2000—2005 гг. против 12 в 1990-е гг.). Пусть незначительно, но возросло и количество диссертаций, посвященных второй послеоктябрьской волне (8 в 2000—2005 гг. против 5 в 1990—1999 гг.), изучаемой пока преимущественно историками.

Из 903 диссертаций, датированных 1980—2005 гг., дореволюционной эмиграции посвящены 90 работ (10 %), эмиграции первой послереволюционной волны — 716 работ (79,3 %), второй послеоктябрьской эмиграции — 14 работ (1,6 %), эмиграции третьей волны — 52 диссертации (5,8 %) и современной эмиграции (четвертая волна) — 48 работ (5,3 %)¹¹. В настоящий момент изучаются все волны российской эмиграции, хотя более всего внимания исследователи продолжают уделять первой послеоктябрьской волне; творчество этих эмигрантов отражено в наиболее широком перечне отраслей науки и специальностей научных работников.

Что касается изучения других эмиграционных волн — среди известных нам диссертаций есть исторические исследования, посвященные всем категориям оставивших СССР в годы Второй мировой войны: вывезенным на принудительные работы в Германию жителям оккупированных земель; военнопленным, захваченным германскими войсками за годы войны с СССР; гражданам, воспользовавшимся немецкой оккупацией (и просто ситуациями военного и поствоенного времени) для бегства из СССР; бойцам коллаборационистских военных формирований, созданных из советских граждан.

Умножение знания по истории второй послеоктябрьской волны эмиграции в настоящий период происходит в основном за счет переиздания, перепечатки публикаций давних лет и либе-

рализации доступа к ранее вышедшим. Выстраивание полной и целостной картины «вливания» эмигрантов второй волны в российскую зарубежную диаспору еще впереди. Необходимо исследовать ее адаптацию к зарубежью, изучить реакцию на нее «свободного мира», взаимоотношения с эмигрантами первой и третьей волн, вскрыть причины реэмиграции многих советских граждан из послевоенной Европы в страны Нового Света (Австралию, Канаду, США), смещения туда же центров российского зарубежья. Представляется, что существенную роль в объективном освещении политической истории этой эмиграции должен сыграть Общественный исследовательский центр «Архив РОА». Необходимо остановиться на причинах угасания ее политической жизни. «Непаханую целину» представляют собой темы культурной жизни второй эмиграции, сохранения и пополнения ею интеллектуального и духовного наследия предыдущей волны, особенностей процесса передачи культурной «эстафетной палочки» последующим эмигрантам. Верится, что «вторая эмиграция» — это богатейший пласт, способный принести немало сюрпризов равнодушному исследователю.

Не считая работ по творчеству представителей третьей (после Октября 1917 г.) волны российской эмиграции, по ее истории на сегодняшний день в диссертациях затронут практически единственный вопрос: проблемы взаимоотношений власти и диссидентства в 1950—80-е гг., лишение гражданства и принуждение к эмиграции.

Изучение третьей послеоктябрьской волны может оказаться весьма интересным, ведь, к примеру, только в 1960—80-х гг. СССР покинули более ста живописцев, графиков и скульпторов, ряд известных писателей, артистов и музыкантов.

Пока же значительно больше работ посвящено эмиграции современной (начавшейся в конце 1980-х гг.), которую принято считать экономической (трудовой). В их числе несколько исследований, раскрывающих тему межгосударственной миграции научных кадров («утечки мозгов»).

Основной массив российской эмиграции первой послеоктябрьской волны, которая оценивается как наиболее яркая по своему составу, пришелся на Европу, и здесь следует искать объяснение тому, что эта часть света остается наиболее изученным

регионом исхода. В темах диссертаций присутствуют следующие названия государств: Германия, Италия, Франция, Болгария, Чехословакия, Югославия (Королевство сербов, хорватов и словенцев), Финляндия, Латвия, Эстония, а также сопряженные с рядом перечисленных географических наименований понятия «русский Берлин», «русский Париж», «пражская колония».

Однако география изучения российского зарубежья значительно расширилась за последние годы и сегодня включает в себя не только традиционно изучаемые несколько стран, но и практически все обитаемые части света.

Учеными активно исследуется современное положение россиян в странах нового зарубежья (республиках бывшего СССР).

Региональные проблемно-тематические работы остаются важнейшим направлением современного эмигрантоведения.

С 1991 г. специалистами различных отраслей науки изучается вопрос о переселении из СССР и России отдельных этнических и этнословных групп. Наиболее представлена историография эмиграции казачества.

Авторами диссертаций прослежена география казачьей эмиграции, определены ее численность и социальный состав; выявлены центры казачьего зарубежья в Западной, Центральной и Юго-Восточной Европе, Китае, Австралии, Северной и Южной Америке; показаны общие и отличительные черты существования казаков-эмигрантов в разных странах; исследованы проблемы взаимоотношений казаков-эмигрантов с государственной властью стран-«реципиентов» и адаптации к новым условиям жизни. Хорошо проработан вопрос об общественно-политических движениях казаков-эмигрантов; казачество за рубежом рассмотрено с точки зрения его потенциальных возможностей как военной силы. Отечественные исследователи приступили к изучению истории казачества в эмиграции не только как истории войск, но и как истории особой этнословной группы, имевшей специфическое самосознание, культурные особенности, своеобразный уклад жизни и быта. Проанализирована деятельность эмигрантов по сохранению казачьих обычаев и традиций, обозначены место и роль казачества в культуре российского зарубежья.

В отличие от трудов зарубежных авторов, вопросы эмиграции российских евреев в отечественных диссертациях освещаются в хронологических рамках последних лет.

Эмиграция российских немцев представлена диссертациями, посвященными дореволюционному периоду и последним годам, что соответствует датировке их основных миграционных потоков.

Отечественными авторами изучается рассеяние и других народов России и СССР: армян, азербайджанцев, черкесов, ингушей и татар, т. е. большинства диаспоральных этносов.

Внимание к проблемам адаптации российских переселенцев — сравнительно новое направление в историографии российского зарубежья. Авторами показана специфика установления эмигрантами отношений с политической системой иностранных государств, их интегрирования в социально-экономическую структуру и культурную среду, названы факторы, способствовавшие или препятствовавшие адаптационным процессам в каждой из этих сфер. При этом несколькими исследователями для осмысления адаптации избран правовой аспект. Проведенный учеными анализ не только расширяет и углубляет историческое знание о жизни россиян в различных регионах рассеяния, но и может быть полезен при изучении современного политико-правового статуса россиян за рубежом (например, в странах Прибалтики).

Одним из важнейших направлений историографии российской эмиграции стало комплексное рассмотрение проблемы эмиграции и вопросов веры, религии и церковности эмигрантской среды, обращение к истории Русской православной церкви (РПЦ), включая деятельность православных (духовных) миссий за рубежом, главным образом до 1917 г., изучение истории, появившейся в результате церковного раскола Русской зарубежной церкви в 1920-х гг. Историки говорят о феномене российского православного зарубежья.

Тенденция к всестороннему исследованию российского зарубежья, наметившаяся в наши дни, проявилась в выделении проблем образования в эмиграции как масштабного и многомерного объекта изучения для историков и педагогов.

В стадии становления находится рассмотрение издательского дела российского зарубежья. Имеющиеся диссертации содержат информацию о важнейших литературных центрах, изда-

тельствах, периодических изданиях в основных регионах российского зарубежья, позволяют составить общее представление о масштабах и характере русской печати в ряде европейских стран, Китае и США в годы наиболее интенсивных миграций русскоязычных в эти регионы, сравнить развитие русской духовной культуры в России и зарубежье, понять роль и место русского издательского дела в процессе социокультурной адаптации эмигрантов. Положено начало изучению фондов российских и зарубежных библиотек и архивов, вобравших в себя издания русской зарубежной печати, их документацию. Все это не снимает задачи всевременного и всеохватного исследования печатного дела российских эмигрантов. Особый интерес представляет анализ в этом аспекте истории эмиграции второй и третьей волн.

В отличие от эмигрантских архивов музейные собрания до сегодняшнего дня обойдены вниманием авторов диссертаций. Между тем разработка этой проблемы очень важна для расширения тематики и источниковой базы исследований.

Итак, в качестве предмета исследования российской эмиграции сегодня в разной степени представлены все эмиграционные волны, большинство диаспоральных этнических и этнословных групп, регионов рассеяния выходцев из России. Изучаются практически все разновидности эмиграции: политическая, экономическая, военная, религиозная, реэмиграция, репатриация. Присутствуют многие значимые для изучения эмиграции сюжеты. Даны демографическая, этническая и конфессиональная характеристики различным этапам эмиграционных потоков, уяснена их географическая направленность.

Вместе с тем пока что плохо изучен феномен реэмиграции.

Наше исследование позволяет уверенно констатировать тенденцию к персонализации истории российской эмиграции и российского зарубежья. Из 903 известных нам диссертаций по теме российской эмиграции за 1980—2005 гг. 666 (73,8 %) посвящены жизни и творчеству отдельных лиц. При этом по отраслям науки это соотношение выглядит следующим образом: филология — 96,0 % (361 из 376), искусствоведение — 88,6 % (39 из 44), философия — 86,0 % (165 из 192), культурология — 63,6 % (7 из 11); таково же соотношение и среди диссертаций по юридическим наукам — 63,6 % (7 из 11). И далее по нисходящей: со-

циология — 57,1 % (4 из 7), педагогика — 58,0 % (18 из 31), история — 31,8 % (57 из 179), политология — 20,8 % (5 из 24), психология — 16,7 % (1 из 6), экономика — 10,5 % (2 из 19 диссертаций). Таким образом, в нашем «антропологическом раскладе» представлены все области науки, по которым имеются диссертации по теме российского зарубежья, за исключением архитектуры и географии.

Диссертации, посвященные жизни и творчеству эмигрантов, были подготовлены в 55 городах из 59, где состоялись защиты по теме российского зарубежья, причем в 25 городах, т. е. почти в половине случаев (45,5 %), соотношение числа диссертаций, посвященных жизни и творчеству отдельных лиц, с общим числом подготовленных здесь диссертаций составило 100 %, а еще в 17 городах оказалось выше среднего показателя этого соотношения, определенного как 73,9 %.

В числе указанных 666 диссертаций имеются 63 докторские (9,5 % от 666) о 38 персонах (30,0 % от общего числа изучаемых диссертантами эмигрантов), что мало отличается от установленной нами процентной численности кандидатских и докторских диссертаций в общем массиве диссертаций по теме российской эмиграции и российского зарубежья (примерно 9:1).

Меняется широта охвата имен эмигрантов. Если в 1980—1989 гг. исследователям были интересны жизнь и творчество 23 российских эмигрантов, в 1990—1999 гг. — 60, то всего лишь за шесть лет, 2000—2005 гг., предметом научного интереса стала уже 101 биография. Одновременно число эмигрантов, упоминаемых в названиях диссертаций в течение года, возросло в 1994—2005 гг. в среднем до 30 за год против 5 в 1980—1993 гг. С годами в каждом из названий диссертаций фигурирует все больше имен, т. е. глубокое изучение творческого наследия какой-то одной фигуры уступает место обобщениям и классификации. Однако в числе деятелей российского зарубежья остается немало тех, чье творчество до сих пор не стало объектом исследования в таком специфическом жанре научных работ, как диссертация.

Важно продолжить исследование российской эмиграции в контексте мировых миграционных процессов, показать ее сопряженность не только с отечественной, но и с мировой историей. На это обращает внимание, например, З. С. Бочарова¹².

В изучении российской зарубежной культуры по-прежнему интересны вопросы о творческом потенциале российской культуры в инокультурной среде, ее способности обогащаться и видоизменяться, равно как и обогащать другие культуры, сохранять присущую ей открытость, о механизмах и степени связи духовных традиций российской диаспоры с российской культурой как культурой мирового значения.

Задачи воссоединения разрозненных частей культуры российской диаспоры с культурой метрополии, создания единой истории России, истории единой русской литературы, единой русской философии, единого русского искусства сохраняют свою актуальность.

Нельзя обойти вниманием также тот факт, что при всех достоинствах современных средств познания и инструментов работы любого исследователя (компьютеры, Интернет) суть диссертаций как научно-квалификационных работ выхолащивается, в них мало творчества.

Примечания

- ¹ Романов П. С. Анализ англоязычных диссертаций по библиотековедению: на основе электронной базы диссертаций 1903—2004 гг. // Библиотековедение. М., 2006. № 3. С. 116.
- ² Методические рекомендации для студентов спецсеминара «Литература русского зарубежья» / сост. В. В. Шадурский. Великий Новгород, 2007.
- ³ Подробнее см.: Пронин А. А. Российская эмиграция в отечественных диссертациях 1980—2005 гг.: библиометрический анализ: моногр. Saarbrücken, 2011.
- ⁴ При подсчете, по возможности, устанавливалось тождество переименованных организаций.
- ⁵ См.: Пронин А. А. Историография российской эмиграции: моногр. Екатеринбург, 2000; История российской эмиграции: библиогр. указ. / авт.-сост. А. А. Пронин. Екатеринбург, 1999; Российская эмиграция разных волн и регионов рассеяния в авторефератах диссертаций, изданных в РСФСР — России в 1980—2003 гг. (на основе государственных библиографических указателей: Книжная летопись. Дополнительный выпуск. Авторефераты диссертаций, 1981—1992; Летопись авторефератов диссертаций, 1993—2003): библиогр. указ. / сост. А. А. Пронин. Екатеринбург, 2006.

- ⁶ Подробнее см.: *Пронин А. А.* Научные школы историков-эмигрантоведов // *Клио*. 2012. № 2. С. 63—68.
- ⁷ *Поляков Ю. А.* История российского зарубежья — важное направление науки // *Адаптация российских эмигрантов (конец XIX—XX в.) : исторические очерки*. М., 2006. С. 21.
- ⁸ См.: *Ефимов А. Н.* Информация: ценность, старение, рассеяние // *Новое в жизни, науке и технике*. М., 1978. № 5. С. 48 ; *Ларьков Н. С.* Документоведение : учеб. пособие. М., 2006. С. 414—415.
- ⁹ *Барихновский Г. Ф.* Идеино-политический крах белоэмиграции и разгром внутренней контрреволюции, 1921—1924. Л., 1978 ; *Комин В. В.* Крах российской контрреволюции за рубежом. Калинин, 1977 ; *Комин В. В.* Политический и идейный крах русской мелкобуржуазной контрреволюции за рубежом. Калинин, 1977 ; *Сонин В. В.* Крах белоэмиграции в Китае : учеб. пособие. Владивосток, 1987 ; *Шкаренков Л. К.* Агония белой эмиграции. М., 1987.
- ¹⁰ *Квакин А. В.* Изучение истории российской интеллигенции рассеяния: современные проблемы // *Актуальные проблемы историографии отечественной интеллигенции : межвуз. респ. сб. науч. тр.* Иваново, 1996. С. 65 ; *Квакин А. В.* Исход российской интеллигенции: проблемы изучения // *Интеллигенция России: уроки истории и современность : межвуз. сб. науч. тр.* Иваново, 1994. С. 32 ; *Квакин А. В.* Культурная миссия российской интеллигенции в эмиграции: некоторые проблемы изучения // *Российская интеллигенция на историческом переломе (первая треть XX века) : тез. докл. и сообщ. науч. конф.* СПб., 1996. С. 10 ; *Олейник О. Ю.* Интеллигенция и отечество: проблема патриотизма в советском обществе и российском зарубежье в 30-е годы XX века : автореф. дис. ... д-ра ист. наук. Иваново, 1998. С. 29.
- ¹¹ Следует иметь в виду, что в ряде диссертаций рассматривалась эмиграция нескольких волн.
- ¹² *Бочарова З. С.* Современная историография российского зарубежья 1920—1930-х годов // *Отечественная история*. 1999. № 1. С. 93.

ББК 63.3(2)533-283.2

О. И. Родионова

А. П. ЧЕХОВ О РУССКОЙ ИНТЕЛЛИГЕНЦИИ

Тема интеллигенции — одна из важнейших для русской литературы и философии конца XIX — начала XX в. В данной статье предполагается рассмотреть, как она была представлена в переписке одного из самых знаменитых русских писателей — А. П. Чехова. Целью статьи является подробный анализ зафиксированных в эпистолярном наследии А. П. Чехова комментариев, характеризующих отдельных представителей русской интеллигенции и русскую интеллигенцию как феномен в целом.

Нами были проанализированы все 12 томов переписки А. П. Чехова¹. Все отобранные цитаты можно условно разделить на три группы. В первую группу входят цитаты, которые не содержат характеристик и оценок русской интеллигенции, но свидетельствуют о значимости категории «интеллигентность» для автора, поскольку среди множества понятий, с помощью которых можно описать предмет, он выбирает именно это. Примеры находятся в следующих высказываниях: «Очень красивы буксирные пароходы, тащущие за собой по 4—5 барж; похоже на то, как будто молодой, изящный *интеллигент* (здесь и далее курсив наш. — *О. Р.*) хочет бежать, а его за фалды держат жена-кувалда, теща, свояченица и бабушка жены» (4, с. 66); «Красноярск краси-

© Родионова О. И., 2012

Родионова Ольга Ивановна — аспирантка кафедры истории русской философии Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова. rodionova-olga.msu@yandex.ru

вый *интеллигентный* город; в сравнении перед ним Томск свинья в ермолке и моветон. Улицы чистые, мощеные, дома каменные, большие, церкви изящные» (4, с. 98); «Иркутск превосходный город. Совсем *интеллигентный*. Театр, музей, городской сад с музыкой, хорошие гостиницы...» (4, с. 107); «Будьте добры при случае передайте редакции, что анонс, в котором она величает меня “высокоталантливым” и заглавие моего рассказа печатает буквами вывесочного размера, — этот анонс произвел на меня самое неприятное впечатление. Это похоже на рекламу зубного врача или массажистки и во всяком случае *неинтеллигентно*» (5, с. 59); «Путь от Ярославля до Нижнего красив, но я раньше уже видел его. К тому же в каюте было очень жарко, а на палубе по физиономии хлестал ветер. Публика *неинтеллигентная*, раздражающая своим присутствием» (5, с. 309); «Перед отъездом, кстати сказать, я был на репетиции “Фед<ора> Иоан<новича>”. Меня приятно тронула *интеллигентность* тона, и со сцены повеяло настоящим искусством, хотя играли и не великие таланты» (7, с. 289); «Судя по газетам, начало было блестящее — и я очень, очень рад, так рад, что ты и представить себе не можешь. Этот Ваш успех еще раз лишнее доказательство, что и публике, и актерам нужен *интеллигентный* театр» (7, с. 303); «В Ялте на Пасхе будут пушкинские дни — на второй и третий день праздника; между прочим пойдет “Борис Годунов”. Не найдет ли возможным она, Ольга Мих<айловна>, приехать в Ялту и сыграть Марину, а ее муж — Самозванца? <...> Тут есть Пимен, есть Годунов, но нет Марины и Самозванца, да и всем хочется, чтобы эти роли исполнялись настоящими, *интеллигентными* артистами» (8, с. 53); «Мои рассказы с таким названием, как “Были и сказки”, не пойдут, потому что все эти книжные названия в последние десять лет устарели, выжили и не представляются *интеллигентными*» (9, с. 83); «Вы должны трактовать современную жизнь, ту самую, какую живет *интеллигенция* и какая не находит себе трактования в других театрах, за полную их *неинтеллигентностью* и отчасти бездарностью» (9, с. 125); «Сапоги хороши, только почему-то левый тесноват, и оба стучат при ходьбе, так что в них не чувствуешь себя *интеллигентным* человеком» (12, с. 66).

Первая группа также дополняется цитатами, в которых А. П. Чехов характеризует с помощью категории «интеллигент-

ность» людей и литературных персонажей: «Другой поручик, Меллер, топограф, тихий, скромный и вполне *интеллигентный* малый» (4, с. 119); «Сахалинский генерал Кононович *интеллигентный* и порядочный человек» (4, с. 133); «Дорогой Николай Александрович, вчера я виделся с художником, о котором сестра и я говорили Вам, когда Вы были у нас <...> Это мужчина 30 лет, очень добрый, смирный, *интеллигентный* и нескучный» (6, с. 59); «Члена Т<аганрогск>ой городской управы зовут не Иорданский, а Иорданов, Павел Федорович. Я написал ему. Это *интеллигентный*, доброжелательный и, по-видимому, отзывчивый человек; по образованию врач» (6, с. 206); «В своих рассказах Вы вполне художник, притом *интеллигентный* по-настоящему. Вам менее всего присуща именно грубость, Вы умны и чувствуете тонко и изящно» (8, с. 11); «Дорогой Александр Леонидович, податель сего Андрей Николаевич Лесков, сын известного писателя Н. С. Лескова, приехал в Москву, чтобы побывать в театрах и познакомиться вообще с постановкой театрального дела в Москве. <...> Это очень хороший, *интеллигентный* человек, вполне достойный Вашего участия. Кстати сказать, он сам желает поступить на сцену» (8, с. 56); «Милый Владимир Иванович, на сих днях в театр к тебе придет познакомиться сын писателя Лескова, Андрей Николаевич, офицер. <...> Это вполне *интеллигентный*, нервный человек, держится хорошо, гибко, умеет говорить и, мне кажется, владеет достоинствами, которые с лихвой окупят такие недостатки его, как малый рост и несколько гнусавый голос» (8, с. 58); «Прежде всего И<оганнес> *интеллигентен* вполне; это молодой ученый, выросший в универс<итетском> городе. Совершенное отсутствие буржуазных элементов. Манеры воспитанного, привыкшего к обществу порядочных людей (как Анна) человека; в движениях и в наружности мягкость и моложавость, как у человека, выросшего в семье, избалованного семьей и всё еще живущего под крылышком у маменьки» (8, с. 274); «Бухштаб не так гнусен, как Вы полагаете; это один из *интеллигентнейших* людей в Одессе, а если он сам изрыгает хулу, то потому, что был доведен до бешенства господами писателями» (9, с. 61); «А<лексей> М<аксимович> не изменился, всё такой же порядочный, и *интеллигентный*, и добрый» (10, с. 117). Приведенные цитаты свиде-

тельствуют о том, что Чехов в слово «интеллигентный» вкладывает разные смыслы, но для нас здесь важно подчеркнуть именно значимость для него этой категории.

Во вторую группу входят цитаты, которые содержат отсылки к художественным произведениям А. П. Чехова и свидетельствуют о том, что для писателя являлась важной не только категория «интеллигентность», но и сама тема русской интеллигенции: «Посылаю Вам моск<овский> фельетон. Хотел изобразить кратко московского *интеллигента*» (4, с. 314)²; «Сим извещаю Вас, что рассказ, который я пишу для “Нивы”, уже подваливает к концу второго листа. Называться он будет, кажется, “Моя женитьба” — наверное еще не могу сказать, — сюжет из жизни провинциальной *интеллигенции*» (6, с. 145). К теме русской интеллигенции Чехов обращался чаще, чем это следует из двух приведенных цитат, но прямые указания на эту тему в его эпистолярном наследии мы смогли обнаружить лишь дважды.

Вторая группа цитат дополняется зафиксированными в письмах описаниями чеховских героев — представителей интеллигенции. Это персонажи, которых Чехов первоначально предполагал ввести в пьесу «Леший»: Александр Платоныч Благосветлов, Борис — сын Благосветлова, Галахов, Василий Гаврилович Волков (см. письмо к А. С. Суворину от 18 октября 1888 г.). Приведем здесь характеристику только одного персонажа (описание прочих опустим по причине их обширности): «Борис <...> юнец, очень нежный, очень честный, но ни бельмеса не смыслящий в жизни. Вообразив себя однажды народником, он вздумал одеться мужиком и нарядился турком. Играет отлично на рояли, поет с чувством, пишет тайком пьесы, влюбчив, тратит массу денег и всегда говорит вздор. Учится плохо» (3, с. 33). Уже из этого описания мы можем вывести некоторые характеристики представителей интеллигенции, в частности замену общественно полезной деятельности ее внешней атрибутикой («вздумал одеться мужиком и нарядился турком»), отсутствие серьезных занятий («влюбчив, тратит массу денег и всегда говорит вздор») и знаний («учится плохо»). Последнее напоминает описание студенчества, данное в «Вехах» А. С. Изгоевым: «Прежде всего, надо покончить с пользующейся правами неоспоримости легендой, будто русское студенчество целой головой выше заграничного. Это уже

по одному тому не может быть правдой, что русское студенчество занимается по крайней мере в два раза меньше, чем заграничное. <...> Русская молодежь мало и плохо учится, и всякий, кто ее искренно любит, обязан ей постоянно говорить это в лицо, а не петь ей дифирамбы, не объяснять возвышенными мотивами социально-политического характера того, что сплошь и рядом объясняется слабой культурой ума и воли, нравственным разгильдяйством и привычкой к фразерству»³.

Отдельные характеристики русской интеллигенции мы находим и в повествовании об одном литературном замысле Чехова: «Ах, какой я начал рассказ! Привезу и попрошу Вас прочесть его. Пишу на тему о любви. Форму избрал фельетонно-беллетристическую. Порядочный человек увез от порядочного человека жену и пишет об этом свое мнение; живет с ней — мнение; расходится — опять мнение. Мельком говорю о театре, о предрассудочности “несходства убеждений”, о Военно-Грузинской дороге, о семейной жизни, о неспособности современного *интеллигента* к этой жизни, о Печорине, об Онегине, о Казбеке...» (3, с. 78)⁴. Здесь Чехов говорит о незрелости современного интеллигента (его неспособности к семейной жизни, которая требует как раз таки зрелости) и о склонности русской интеллигенции к доктринерству (каждое свое действие интеллигент объясняет не личными склонностями и особенностями, а мнением, убеждением и — чаще всего — теорией). Это описание служит хорошей иллюстрацией слов Бердяева о тяготении русской интеллигенции к подведению всех своих действий под философские максимы: «...наша интеллигенция всегда интересовалась вопросами философского порядка, хотя и не в философской их постановке: она умудрялась даже самым практическим общественным интересам придавать философский характер, конкретное и частное она превращала в отвлеченное и общее...»⁵.

Интересный (и, пожалуй, наиболее полный из всех приведенных нами) портрет русского интеллигента дает Чехов в описании своего Иванова: «Иванов, дворянин, университетский человек, ничем не замечательный; натура легко возбуждающаяся, горячая, сильно склонная к увлечениям, честная и прямая, как большинство образованных дворян. <...> Прошлое у него прекрасное, как у большинства русских *интеллигентных* людей. Нет

или почти нет того русского барина или университетского человека, который не хвастался бы своим прошлым. Настоящее всегда хуже прошлого. Почему? Потому что русская возбудимость имеет одно специфическое свойство: ее быстро сменяет утомляемость. Человек сгоряча, едва спрыгнув со школьной скамьи, берет ношу не по силам, берется сразу и за школы, и за мужика, и за рациональное хозяйство, и за “Вестник Европы”, говорит речи, пишет министру, воюет со злом, рукоплещет добру, любит не просто и не как-нибудь, а непременно или синих чулков, или психопаток, или жидовок, или даже проституток, которых спасает, и проч. и проч... Но едва дожил он до 30—35 лет, как начинает уж чувствовать утомление и скуку» (3, с. 109—110).

С. Н. Булгаков в «Вехах» дает похожую картину смены умонастроения русского интеллигента и приводит возможные причины такой неустойчивости: «Благодаря молодости с ее физиологией и психологией, недостатку жизненного опыта и научных знаний, заменяемому пылкостью и самоуверенностью, благодаря привилегированности социального положения, не доходящей, однако, до буржуазной замкнутости западного студенчества, наша молодежь выражает с наибольшей полнотой тип героического максимализма. <...> Подъем героизма в действительности доступен лишь избранным натурам и притом в исключительные моменты истории, между тем жизнь складывается из повседневности, а интеллигенция состоит не из одних только героических натур. <...> Самообожение в кредит, не всегда делающее героя, способно воспитывать arrogantов. <...> Из этой же героической аффектации, поверхностной и непрочной, объясняется поразительная неустойчивость интеллигентских вкусов, верований, настроений, меняющихся по прихоти моды. Многие удивленно стоят теперь перед переменной настроений, совершившейся на протяжении последних лет, от настроения героически революционного к нигилистическому и порнографическому, а также пред этой эпидемией самоубийств, которую ошибочно объяснять только политической реакцией и тяжелыми впечатлениями русской жизни»⁶.

Чехов, продолжая описание Иванова, приводит список его «врагов»: утомление, скука, чувство вины, одиночество и требо-

вания жизни. На последнем позволим себе остановиться подробнее, чтобы опровергнуть высказывание В. В. Воровского: «Чехов видел ее (интеллигенции. — *О. Р.*) упадок, но не понимал его объективного, исторического значения. Подобно самой интеллигенции, он готов был объяснить его исключительно тяжелыми внешними условиями»⁷. Внешние условия Чехов ставит лишь на пятое место, возводя прочее к «сложному сплетению причин, главные из которых не социальные, а духовные, мировоззренческие»⁸: «Теперь пятый враг. Иванов утомлен, не понимает себя, но жизни нет до этого никакого дела. Она предъявляет к нему свои законные требования, и он, хочешь не хочешь, должен решать вопросы» (3, с. 111).

Резюмируя цитаты с описанием Иванова и наши комментарии к нему, можно сделать вывод, что к перечню характеристик интеллигента здесь добавляются нервность, неустойчивость вкусов и предпочтений, максимализм желаний и скорая утомляемость, апатия, пассивность, неспособность достойно отвечать на запросы жизни.

Дополняет портрет русского интеллигента описание другого героя пьесы — доктора Львова. «Это тип честного, прямого, горячего, но узкого и прямолинейного человека. Про таких умные люди говорят: “Он глуп, но в нем есть честное чувство”. Всё, что похоже на широту взгляда или на непосредственность чувства, чуждо Львову. Это олицетворенный шаблон, ходячая тенденция. На каждое явление и лицо он смотрит сквозь тесную раму, и обо всем судит предвзято. Кто кричит: “Дорогу честному труду!”, на того он молится; кто же не кричит этого, тот подлец и кулак. Середины нет» (3, с. 112—113). В этом описании Чехов, с одной стороны, дал оценку некоторым представителям литературного круга, в частности своим критикам и недоброжелателям (ср. описание Львова со строками из его письма: «Я боюсь тех, кто между строк ищет тенденции и кто хочет видеть меня непременно либералом или консерватором. Я не либерал, не консерватор, не постепеновец, не монах, не индифферентист. Я хотел бы быть свободным художником и — только, и жалею, что Бог не дал мне силы, чтобы быть им» (3, с. 11)) и, с другой стороны, коснулся общей склонности интеллигентов мыслить резко и категорично — мыслить именами, теориями и тенденциями. Об этом писал в «Вехах» М. О. Гершензон: «Не

поразительно ли, что история нашей общественной мысли делится не на этапы внутреннего развития, а на периоды господства той или другой иноземной доктрины? Шеллингизм, гегелианство, сенсимонизм, фурьеризм, позитивизм, марксизм, ницшеанство, неокантианство, Мах, Авенариус, анархизм, — что ни этап, то иностранное имя»⁹ (сходство размышлений Чехова и авторов «Вех» свидетельствует не о «совпадении» идей, а о влиянии Чехова на авторов «Вех», т. е. о преемственности идей¹⁰).

В третью группу вошли цитаты, содержащие характеристики, свойственные, по мнению Чехова, русской интеллигенции. Преимущественно отрицательные характеристики интеллигентов находим в путевых (написанных во время поездок по России) письмах Чехова: «*Интеллигенты*, снующие по вагонам, напоминают камбурят. Паршивенькие такие» (2, с. 54); «Писарь прекрасный, *интеллигентный* человек, протестующий либерал, учившийся в Петербурге, свободный, неизвестно как попавший в Сибирь, зараженный до мозга костей всеми болезнями и спивающийся по милости своего принципала, называющего его Колей» (4, с. 89); «Кама прескучнейшая река <...> Камские города серы; кажется, в них жители занимаются приготовлением облаков, скуки, мокрых заборов и уличной грязи — единственное занятие. На пристанях толпится *интеллигенция*, для которой приход парохода — событие. Всё больше Щербаненки и Чугуевцы, в таких же шляпах, с такими же голосами и с таким же выражением “второй скрипки” во всей фигуре; по-видимому, ни один из них не получает больше 35 рублей, и, вероятно, все лечатся от чего-нибудь» (4, с. 70—71); «Не помню ни одного сибирского *интеллигента*, который, придя ко мне, не попросил бы водки» (4, с. 91). Здесь Чехов отмечает некоторые черты провинциальной интеллигенции: безволие, безделье, недалекость, склонность к пьянству.

В описаниях уездной интеллигенции и столичных гостей на передний план выходит ряд других качеств: бестактность, бесцеремонность, притязательность («новые претензии») и опять-таки недалекость: «Ах, если б Вы знали, как я утомлен! Утомлен до напряжения. Гости, гости, гости... Моя усадьба стоит как раз на Каширском тракте, и всякий проезжий *интеллигент* считает должным и нужным заехать ко мне и погреться, а иногда даже и ночевать остаться» (5, с. 139); «Если Вам когда-нибудь случится

в своих “маленьких письмах” посылать интеллигенцию в деревню, то ставьте непременно условием, чтобы люди, не умеющие писать, читать, лечить, работать на фабрике, учить в школе или, как покойный Голохвастов, копаться в истории, оставались бы в городе, иначе они очутятся в дураках. Один мой сосед, молодой *интеллигент*, сознавался мне, что он очень любит читать, но не в состоянии дочитать книгу до конца. Что он делает в зимние вечера, для меня непостижимо» (5, с. 130—131); «Мне кажется, что ко всему можно привыкнуть, но только не к русской уездной скуке. Деревня мила, но уезд с его *интеллигенцией* и новыми усадьбами, и новыми претензиями — просто чепуха» (7, с. 233—234).

А. П. Чехов называет несколько факторов, «виновных» в таком состоянии русской интеллигенции: «Чтобы решать вопросы, наприм<ер>, о вырождении, психозах и т. п., надо быть знакомым с ними научно. Значение болезни (назовем ее из скромности латинской буквой S) Вами преувеличено <...> В вырождениях, в общей нервности, дряблости и т. п. виноват не один S, а совокупность многих факторов: водка, табак, обжорство *интеллигентного класса*, отвратительное воспитание, недостаток физического труда, условия городской жизни и проч. и проч.» (6, с. 29).

В других письмах указывается и на ряд более «тонких» пороков: склонность к составлению мнений без достаточных знаний, на которую Чехов указывал своему брату Михаилу («Предубеждение к Петербургу — вещь довольно непохвальная в *интеллигентном* человеке. Чтобы убедиться в том, что он в самом деле плох и хуже Москвы, надо пожить в нем, а ты и одного дня не пробыл» (5, с. 151—152)), праздность и неспособность к серьезным, искренним, честным поискам ответов на существенные вопросы («Вы пишете, что мы говорили о серьезном религиозном движении в России. Мы говорили про движение не в России, а в интеллигенции. Про Россию я ничего не скажу, *интеллигенция* же пока только играет в религию и главным образом от нечего делать. Про образованную часть нашего общества можно сказать, что она ушла от религии и уходит от нее все дальше и дальше, что бы там ни говорили и какие бы философско-религиозные общества ни собирались <...> Теперешняя культура — это начало работы, а религиозное движение, о котором мы говорили, есть пережиток, уже почти конец того, что отжило или отживает» (11, с. 106)).

Далее приведем выдержки из двух писем, наиболее часто цитируемых в работах, посвященных взглядам А. П. Чехова на русскую интеллигенцию. В первом из них, адресованном А. С. Суворину, Чехов не только характеризует интеллигенцию, но и дает оценку современным ему писателям, которые своим творчеством лишь потакают ее слабостям. О них он писал: «...современные лучшие писатели, которых я люблю, служат злу, так как разрушают. Одни из них, как Толстой, говорят: “не употребляй женщин, потому что у них бели; жена противна, потому что у нее пахнет изо рта; жизнь — это сплошное лицемерие и обман, так как человек по утрам ставит себе клистир, а перед смертью с трудом сидит на судне, причем видит свои исхудалые ляжки”. Другие же, еще не импотенты, не пресыщенные телом, но уж пресыщенные духом, изощряют свою фантазию до зеленых чертиков и изобретают несуществующего полубога Сикста и “психологические” опыты. Правда, Бурже приделал благополучный конец, но этот банальный конец скоро забывается, и в памяти остаются только Сикст и “опыты”, которые убивают сразу сто зайцев: компрометируют в глазах толпы науку, которая, подобно жене Цезаря, не должна быть подозреваема, и третируют с высоты писательского величия совесть, свободу, любовь, честь, нравственность, вселяя в толпу уверенность, что всё это, что сдерживает в ней зверя и отличает ее от собаки и что добыто путем вековой борьбы с природою, легко может быть дискредитировано “опытами”, если не теперь, то в будущем. Неужели подобные авторы “заставляют искать лучшего, заставляют думать и признавать, что скверное действительно скверно”? (а как мы помним, побуждение к поиску лучшего является для Чехова одним из критериев настоящего писательства: «...писатели, которых мы называем вечными или просто хорошими и которые пьянят нас, имеют один общий и весьма важный признак: они куда-то идут и Вас зовут туда же, и Вы чувствуете не умом, а всем своим существом, что у них есть какая-то цель» (5, с. 133)). Неужели они заставляют “обновляться”? Нет, они заставляют Францию вырождаться, а в России они помогают дьяволу размножать слизняков и мокриц, которых мы называем *интеллигентами*» (3, с. 308—309).

Вслед за характеристикой писателей, оказывающих негативное влияние на русскую интеллигенцию, в указанном письме при-

водится описание самой русской интеллигенции с упоминанием ряда отрицательных ее черт: апатичности, безделья, неспособности к серьезным размышлениям, отсутствия твердых убеждений, бесполезности для общества: «Вялая, апатичная, лениво философствующая, холодная *интеллигенция*, которая никак не может придумать для себя приличного образца для кредитных бумажек, которая не патриотична, уныла, бесцветна, которая пьянеет от одной рюмки и посещает пятидесятикопеечный бордель, которая брюзжит и охотно отрицает всё, так как для ленивого мозга легче отрицать, чем утверждать; которая не женится и отказывается воспитывать детей и т. д. Вялая душа, вялые мышцы, отсутствие движений, неустойчивость в мыслях — и всё это в силу того, что жизнь не имеет смысла, что у женщин бели и что деньги — зло. Где вырождение и апатия, там половое извращение, холодный разврат, выкидыши, ранняя старость, брюзжащая молодость, там падение искусств, равнодушие к науке, там несправедливость во всей своей форме. Общество, которое не верует в бога, но боится примет и черта, которое отрицает всех врачей и в то же время лицемерно оплакивает Боткина и поклоняется Захарьину, не смеет и заикаться о том, что оно знакомо с справедливостью» (3, с. 309).

Были ли в литературном мире того времени писатели, оказывающие, по мнению Чехова, более здоровое влияние на русскую интеллигенцию? В одном из писем он в качестве примера такого писателя указывает на Салтыкова-Щедрина. Откликаясь на смерть последнего, он в письме к А. Н. Плещееву от 14 мая 1889 г. напишет следующие строки: «Мне жаль Салтыкова. Это была крепкая, сильная голова. Тот сволочный дух, который живет в мелком, измощенничавшемся душевно русском *интеллигенте* среднего пошиба, потерял в нем своего самого упрямого и назойливого врага. Обличать умеет каждый газетчик, издеваться умеет и Буренин, но открыто презирать умел один только Салтыков. Две трети читателей не любили его, но верили ему все. Никто не сомневался в искренности его презрения» (3, с. 212—213).

Во втором из наиболее часто цитируемых при обращении к теме «Чехов и интеллигенция» писем, И. И. Орлову от 22 февраля 1899 года, Чехов критикует своего адресата за узость взгляда на социальные проблемы: «На Ваше сетование относительно губернатора (губернатора. — *О. Р.*) и всяких неудач я отвечу тоже тек-

стом: не надейся на князи и сыны человеческие... И напомним еще одно выражение, касающееся сынов человеческих, тех самых, которые так мешают жить Вам: сыны века. Не гувернер, а вся интеллигенция виновата, вся, сударь мой. Пока это еще студенты и курсистки — это честный, хороший народ, это надежда наша, это будущее России, но стоит только студентам и курсисткам выйти самостоятельно на дорогу, стать взрослыми, как и надежда наша и будущее России обращается в дым, и остаются на фильтре одни доктора-дачевладельцы, несытые чиновники, ворующие инженеры. Вспомните, что Катков, Победоносцев, Вышнеградский — это питомцы университетов, это наши профессора, отнюдь не бурбоны, а профессора, светила... Я не верю в нашу *интеллигенцию*, лицемерную, фальшивую, истеричную, невоспитанную, ленивую, не верю даже, когда она страдает и жалуется, ибо ее притеснители выходят из ее же недр» (8, с. 100—101). Пятью годами позже А. С. Изгоев напишет в «Вехах»: «Если чем памятны иной раз на всю жизнь наши университеты, то именно своим молодым товарищеским духом, интенсивной общественной жизнью, которая почти все время держит на высоком подъеме нервы студента и не дает ему погрузиться в омут личных своекорыстно-карьерных интересов. В известной мере, повторяю, это — правда. Но в то же время у нас стало как бы общепризнанным и никого не смущающим фактом, что горячий юноша-идеалист, полный возвышеннейших революционных порывов, не успеет получить аттестат зрелости, как мгновенно превращается либо в чиновника-карьериста, либо в своекорыстного дельца»¹¹. Как мы видим, и здесь «веховцы» близки к идеям Чехова.

Подчеркивая, что не социальное положение человека определяет его вклад в пользу общества, Чехов говорит о своей вере в «отдельных личностей», указывая этим путь развития России: «Я верую в отдельных людей, я вижу спасение в отдельных личностях, разбросанных по всей России там и сям — интеллигенты они или мужики, — в них сила, хотя их и мало. Неть праведен пророк в отечестве своем; и отдельные личности, о которых я говорю, играют незаметную роль в обществе, они не доминируют, но работа их видна; что бы там ни было, наука все подвигается вперед и вперед, общественное самосознание нарастает, нравственные вопросы начинают приобретать беспокойный характер и т. д., и т. д. — и

всё это делается помимо прокуроров, инженеров, гувернеров, помимо *интеллигенции en masse* и несмотря ни на что» (8, с. 101).

Строки из письма к И. И. Орлову были использованы М. О. Гершензоном в его «веховской» статье «Творческое самосознание»¹². Другие строки письма («Я верую в отдельных людей...») послужили эпиграфом к одной из самых новых биографий Чехова, принадлежащей перу А. П. Кузичевой¹³. Для нас в этом письме важно то, что Чехов не только дает характеристику русской интеллигенции (это, как мы видели, он делал и во многих других своих письмах), но и говорит об истоках ее болезней, которые он видит не во внешних обстоятельствах, а в личностных несовершенствах самих же интеллигентов. В отличие от многих мыслителей того времени (которые критиковались авторами «Вех» за то, что все беды выводили из самодержавия), Чехов видел причины пороков не во внешнем, а во внутреннем, и в этом солидаризовался с авторами «Вех», «общей платформой» которых являлось «признание теоретического и практического первенства духовной жизни над внешними формами общежития»¹⁴. Вторым важным моментом для нас здесь является то, что Чехов свои надежды на улучшение русской жизни возлагает не на интеллигенцию (и вообще не на социальный класс, прослойку, кружок), а на отдельных личностей (в отличие от «Вех», авторы которых направили свою критику именно в адрес интеллигенции как класса, от которого, по их мнению, в наибольшей степени зависит судьба России). Согласно В. Б. Катаеву, «Говоря о вине каждого, Чехов спорил с традиционной для русской интеллигенции позицией в ответе на вопрос “кто виноват?”. Сословный, классовый, партийный ответ представлялся Чехову и несправедливым, и узким (в перспективе же нашей истории он-то и возымел большое и зловещее будущее)»¹⁵. Хотя мысли Чехова и «веховцев» созвучны почти во всем, первый, по нашему мнению, видел проблему более широко.

Высота Чехова видится и в том, что в его портрете русского интеллигента рядом с отрицательными характеристиками соседствуют положительные (психологи назвали бы это сложным, дифференцированным образом русского интеллигента в сознании Чехова). Он отмечал «тонкие душевные движения, присущие *интеллигент<ным>* людям...» (9, с. 7), особенную жизнь, «какою живет *интеллигенция* и какая не находит себе трактования в дру-

гих театрах (речь идет о Художественном театре. — *О. Р.*), за полную их неинтеллигентностью и отчасти бездарностью» (9, с. 125), честность, деловитость и знания представителей земства («*Интеллигенция* здесь очень милая и интересная. Главное — честная. Одна только полиция несимпатична» (5, с. 113); «Земцы здесь *интеллигентные*, товарищи дельные и знающие люди...» (5, с. 96); «Земство наше медлительно, но *интеллигентно* и сговорчиво...» (5, с. 99)), желание лучших представителей интеллигенции вступить за невиновного («У нас только и разговора, что о Зола и Дрейфусе. Громадное большинство *интеллигенции* на стороне Зола и верит в невинность Дрейфуса. Зола вырос на целых три аршина; от его протестующих писем точно свежим ветром повеяло, и каждый француз почувствовал, что, слава Богу, есть еще справедливость на свете и что, если осудят невинного, есть кому вступить» (7, с. 157); «Ты спрашиваешь, какого я мнения насчет Зола и его процесса. Я считаюсь прежде всего с очевидностью: на стороне Зола вся европейская интеллигенция и против него всё, что есть гадкого и сомнительного» (7, с. 173)). Этот сложный (включающий и отрицательные, и положительные черты) образ интеллигенции не позволяет нам согласиться с тем, что Чехов «по сути дела, ощущает в себе и не приемлет в других, в том числе и в своих персонажах, “небывалого” и “притом типичного в своей житейской захудалости, в своих нервах” русского интеллигента»¹⁶, с тем, что «Чехов активно не любил, более того, не выносил интеллигенцию как класс, как образ жизни и тем более — как пресловутую “главную надежду” России»¹⁷.

Особое внимание уделяет Чехов в своих письмах примерам работы интеллигенции для общественного блага: «*Интеллигенция* работает шибко, не щадя ни живота, ни денег; я вижу ее каждый день и умиляюсь, и когда при этом вспоминаю, как Житель и Буренин выливали свои желчные кислоты на эту интеллигенцию, мне делается немножко душно. В Нижнем врачи и вообще культурные люди делали чудеса. Я ужасался от восторга, читая про холеру. В доброе старое время, когда заболели и умирали тысячами, не могли и мечтать о тех поразительных победах, какие совершаются теперь на наших глазах. Жаль, что Вы не врач и не можете разделить со мной удовольствия, т. е. достаточно прочувствовать и сознать и оценить всё, что делается» (5, с. 104). И здесь мы видим очень инте-

ресный феномен: именно в таких случаях Чехов, обычно описывающий интеллигенцию с внешней позиции (что можно видеть во всех приведенных нами ранее цитатах), идентифицируется с ней: «Толстой вот величает нас мерзавцами (“мерзавцами” называет докторов персонаж “Крейцеровой сонаты” Позднышев (5, с. 420). — О. Р.), а я положительно убежден, что без нашего брата пришлось бы круто. В 30 верстах от меня заболело холерой 16 человек и умерло только 4, т. е. 25 %. Такой малый процент я объясняю прямо-таки тем, что дело не обошлось без вмешательства моих коллег Петра Иваныча и Ивана Корниловича, с которыми, кстати сказать, 29-го я буду обедать» (5, с. 126); «На съезде актеров Вы, вероятно, увидите проект громадного народного театра, который мы затеваем. Мы, т. е. представители московской *интеллигенции* (интеллигенция идет навстречу капиталу, и капитал не чужд взаимности). Под одной крышей, в красивом, опрятном здании помещаются театр, аудитории, библиотека, читальня, чайные и проч. и проч.» (6, с. 297). Иными словами, Чехов встает во внешнюю по отношению к интеллигенции позицию во всех случаях, кроме тех, когда речь идет об общественно полезной деятельности. Если этот показатель является основанием для идентификации Чеховым себя как интеллигента, значит, именно он выступает для него самым важным в интеллигентском облике (эта важность подтверждается и многочисленными общественно полезными делами самого Чехова).

Приведем ниже несколько цитат, в которых Чехов с уважением отзывается о знакомых ему интеллигентах: «Вы спрашиваете, какого я мнения о Ваших рассказах <...> В изображениях интеллигентных людей чувствуется напряжение, как будто осторожность; это не потому, что Вы мало наблюдали интеллигентных людей, Вы знаете их, но точно не знаете, с какой стороны подойти к ним. <...> Я Вас не знаю, не знаю, откуда и кто Вы, но мне кажется, что Вам, пока Вы еще молоды, следовало бы покинуть Нижний и года два-три пожить, так сказать, потереться около литературы и литературных людей <...> Короленко, Потапенко, Мамин, Эртель — это превосходные люди...» (7, с. 352); «Добрейший Евграф Петрович, пишу Вам это из Воронежской губ<ернии>. Произошло то же самое, что и в Нижнем, т. е. губернатор пригласил меня обедать, и мне пришлось много говорить и слышать о голоде <...> Голодное дело поставлено здесь гораздо

основательнее, чем в Нижегородск<ой> губ<ернии>. Выдают не только хлеб, но даже переносные печи и каменный уголь. Устроены мастерские, много столовых. Вчера в театре был спектакль в пользу голодающих — сбор полный. Куровский *интеллигентный* и искренний человек; работает так же много, как Баранов» (4, с. 356—357). С особенной теплотой писал Чехов о профессоре Московского университета М. М. Ковалевском: «В настоящее время в Париже живет бывший профессор Московского университета Максим Максимович Ковалевский, прекрасный, всеми уважаемый человек, представитель лучшей части русской *интеллигенции*. Он знает оба языка в совершенстве и может оценить Ваши переводы по достоинству» (7, с. 108); «Ковалевский произвел на Вас хорошее, здоровое впечатление? Я ожидал этого. Он на целых пять голов выше нашей столичной передовой *интеллигенции*, ежедневно справляющей юбилеи» (7, с. 104); «Ковалевский в Париже, и я написал ему о том, что ты имеешь намерение вознести ему хвалу в декабр<ьской> книжке. Какой это, кстати сказать, жизнерадостный и жизнеспособный человек! Большой человечина во всех смыслах» (7, с. 124). Очевидно, что Чехов отмечал не только недостатки, но и достоинства русской интеллигенции, высоко оценивая лучших ее представителей.

Итак, мы подробно рассмотрели описания русской интеллигенции, зафиксированные в письмах Чехова. В этих характеристиках встречаются два момента: дескриптивный (описательный) и прескриптивный (предписывающий) — именно за счет этой встречи одна и та же оценка облекается в разные слова: неинтеллигентные театры становятся таковыми, поскольку не дотягивают до интеллигентных (прескрипция), а «паршивенькие» интеллигенты, «снующие по вагонам», тем не менее, остаются интеллигентами, поскольку являются носителями тех признаков, которые, по мнению Чехова, присущи интеллигенции (дескрипция). Но заслуга Чехова не только в том, что он указал на разные качества интеллигентов, дал представление как о текущем положении интеллигенции, так и о желаемом ее облике. Его заслуга состоит в соответствующей постановке вопроса, в том, что он «привносит в систему традиционных вопросов еще один, предельно актуализировавшийся к концу XIX в. — русская интеллигенция, ее природа, социальная суть, место и роль в современном обществе»¹⁸.

Завершая статью, обозначим в выводах ее основные положения:

1. Тема русской интеллигенции представляла интерес для Чехова, и он неоднократно обращался к ней в своей переписке.

2. Отношение А. П. Чехова к русской интеллигенции было противоречивым: в своих письмах он приводит как положительные, так и отрицательные ее характеристики.

3. Самоидентификация А. П. Чехова как интеллигента обнаруживается лишь в тех случаях, когда речь идет о деятельности интеллигенции на благо общества. Следовательно, эту характеристику русской интеллигенции следует считать наиболее важной для А. П. Чехова.

4. А. П. Чехов предвосхитил и выразил в своей переписке те оценки русской интеллигенции, которые впоследствии были развиты в работах отечественных философов, в частности в сборнике статей о русской интеллигенции «Вехи».

5. Свои надежды на улучшение русской жизни А. П. Чехов возлагает не на интеллигенцию (и вообще не на социальный класс, прослойку, кружок), а на «отдельных личностей» (в отличие от «Вех», авторы которых направили свою критику именно в адрес интеллигенции как класса, от которого, по их мнению, в наибольшей степени зависит судьба России).

Примечания

¹ Здесь и далее используется издание: *Чехов А. П.* Полное собрание сочинений и писем: в 30 т. Письма: в 12 т. М., 1974—1983. Далее ссылки на письма даются в тексте с указанием номера тома и страниц в скобках.

² Речь идет о фельетоне «В Москве», впервые опубликованном в «Новом времени» 7 декабря 1891, № 5667.

³ Вехи: сб. ст. о русской интеллигенции. СПб., 2011. С. 270—273.

⁴ Скорее всего, речь здесь идет о замысле «Дуэли» (см. примеч. к письму № 539 в т. 3).

⁵ Вехи. С. 12.

⁶ Там же. С. 66—71.

⁷ *Воровский В. В.* А. П. Чехов и русская интеллигенция // Воровский В. В. Статьи о русской литературе. М., 1986. С. 265.

⁸ *Кривицын А.* Проблемы «вырождения» у Чехова и Макса Нордау // Чехов и Германия. М., 1996. С. 170.

⁹ Вехи. С. 118.

- ¹⁰ См. об этом подробнее: *Соболевская Н. Н.* Чехов и сборник «Вехи»: диалог во времени // Книга и литература в культурном контексте. Новосибирск, 2003.
- ¹¹ Вехи. С. 275—276.
- ¹² Вехи : сб. ст. о русской интеллигенции Н. А. Бердяева, С. Н. Булгакова, М. О. Гершензона и др. 3-е изд. М., 1909. С. 81.
- ¹³ *Кузичева А. П.* Чехов. Жизнь «отдельного человека». М., 2010. С. 5.
- ¹⁴ Вехи. С. 6.
- ¹⁵ *Катаев В. Б.* Боборькин и Чехов: (к истории понятия «интеллигенция» в русской литературе) // Русская интеллигенция: история и судьба. М., 1999. С. 395.
- ¹⁶ *Злотникова Т.* Антон Чехов, интеллигент из провинции // Мир русской провинции и провинциальная культура. СПб., 1997. С. 45.
- ¹⁷ *Арон Л.* Чеховский экзистенциалист, или от интеллигенции к среднему классу. М. ; Париж, 2004. № 119. С. 201.
- ¹⁸ *Соболевская Н. Н.* Указ. соч. С. 383.

ББК 63.3(2)6-283.2

И. А. Задоров

**ТВОРЧЕСКАЯ ИНТЕЛЛИГЕНЦИЯ
И КОСТРОМСКОЙ ОБЛАСТНОЙ ТЕАТР КУКОЛ
В КОНТЕКСТЕ ПРОВИНЦИАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ
СОВЕТСКОГО ПЕРИОДА**

Обращение к данной теме не случайно. С одной стороны, она до сегодняшнего дня остается малоизученной, с другой, вопросы о роли творческой интеллигенции в истории, о колоссальном вкладе в культуру, который она оставила, становятся все более актуальными. И если сама интеллигенция, как явление достаточно широкое и многогранное, так же широко и многогранно изучается в современной науке, то входящим в ее структуру вопросам, касающимся творческой интеллигенции и ее связи с про-

© Задоров И. А., 2012

Задоров Иван Александрович — аспирант кафедры теории и истории культур Костромского государственного университета им. Н. А. Некрасова. redelf.exe@mail.ru

винциальными театрами кукол в частности, уделяется мало внимания, они интересны только узкому кругу специалистов.

Само же обращение к теме творческой интеллигенции провинции связано, во-первых, с тем, что «для Провинции важно отношение к себе самой; Провинции интересно не только другое, Провинция интересна не только другим — она и сама себе интересна»¹, а во-вторых, с рядом особенностей, отличающих ее, на наш взгляд, от столичной творческой интеллигенции.

Абсолютно точного и универсального определения понятия творческая интеллигенция не существует. В данной статье мы будем рассматривать творческую интеллигенцию как «социокультурную группу, создающую, сохраняющую, воспроизводящую и передающую художественную культуру во времени и пространстве. Предложенное определение включает в категорию творческой интеллигенции создателей новых духовных объектов — художников, писателей, драматургов, музыкантов»². Бесспорно, в этот список мы можем включить актеров-кукольников и режиссеров.

Сегодня не представляется возможным полностью раскрыть данную тему ввиду отсутствия какой-либо информации о целом ряде людей, связанных с Костромским театром кукол, и их вкладе в становление, развитие и жизнедеятельность последнего. Это обусловлено следующими причинами: во-первых, люди, о которых идет речь, напрямую относятся к искусству играющих кукол — очень сложной материи. У кукольного театра нет теории, нет и истории (эстетической теории и научной истории. — *И. З.*)³. Во-вторых, в результате пожара 1982 г. в Государственном архиве Костромской области (ГАКО) были безвозвратно утрачены десятки дел. Так, например, из 9 дел за 1938—1945 гг. уцелело только 1 дело (договоры и акты за 1939—1941 гг.)⁴. В-третьих, скупые газетные строки провинциальной периодической печати 30—40-х гг. также не дают нам хоть какой-то информации о сотрудниках театра тех лет. Как правило — это констатация мест, где проходили гастрольные спектакли, названий некоторых спектаклей и фамилий задействованных в них актеров (зачастую без указания ролей) — вот, пожалуй, и всё. В-четвертых, письменных воспоминаний людей, имеющих отношение к данному театру, нет, так же как нет уже в живых и людей, работавших в нем в самые сложные периоды — годы основания, становления, военные и послевоенные годы.

К 1936 г. кукольных театров в стране насчитывалось единицы. «Флагманами», безусловно, являлись театры столичные, которые хорошо финансировались и имели квалифицированный штат сотрудников и соответствующие помещения. О распространении кукольных театров в провинции на то время говорить не приходится. Это были театры, созданные по инициативе «центра», при его непосредственном финансировании, в городах с высоким уровнем населения, и их в стране насчитывалось не больше пяти.

Отличительной чертой Костромского театра кукол, театра от начала и до конца провинциального, явился факт его самостоятельного открытия, на добровольных началах, группой людей, не имеющих специальной подготовки, не получавших указаний сверху, не имеющих финансирования. Костромские кукольники были первыми, кому это удалось (не считая случаев с открытием театров-«однодневок». — *И. З.*), по их стопам последовали многие кукольные коллективы других городов.

Первый самостоятельный шаг в истории театра во многом определил и весь его творческий путь. С этого дня театр ни на один день не прекращал своей деятельности, несмотря ни на его официальное закрытие, ни на отсутствие поддержки властей, ни на многолетние работы без стационара. Он продолжал работать благодаря усилиям и энтузиазму его сотрудников — творческой интеллигенции провинциального города на берегу Волги. Именно это во многом делает его историю специфической, отличной от истории других кукольных театров России. Самостоятельность и решимость костромских кукольников проявлялась во всем вплоть до репертуара, который зачастую шел вразрез с предписаниями Москвы, но всегда был актуален и востребован зрителем. С другой стороны, трудолюбие и осознание ответственности всегда подталкивали актеров к выполнению и перевыполнению государственного плана (и это при том условии, что практически весь художественный состав театра был беспартийным. — *И. З.*) по выпуску новых спектаклей, спектаклей, показанных на стационаре, выездных и гастрольных спектаклей.

Официальной датой рождения театра является 8 ноября 1936 г. Именно в этот день группа артистов Костромского ТЮЗа, состоявшая из шести человек, показала костромскому зрителю кукольный спектакль «Лисичка-сестричка»⁵. Кто были эти 6 че-

ловец, сейчас сказать трудно. Документы, относящиеся к этому периоду, не сохранились. Мы можем лишь предположить, что среди них были товарищ Пржеvusский (имя и отчество в источниках не указано. — *И. З.*), который в 1939 г. подготовил и поставил сказку А. С. Пушкина «Золотой петушок»⁶, Брюнелли Екатерина Львовна, являвшаяся до 1943 г. художественным руководителем театра⁷, Антонина Григорьевна Скрипниченко, вернувшаяся из Одессы в 1937 г. на работу в театр⁸. С большой долей уверенности можно сказать, что среди первопроходцев были художник Б. Балахнин, артисты Г. Лебедев и Н. Киселев, ушедшие защищать Родину и погибшие на фронте в годы войны⁹.

Преданность актеров своему делу, полная самоотдача и желание двигаться вперед помогли театру окрепнуть и встать на ноги. В 1939 г. выходит пять премьер¹⁰. В следующем году осуществляют такие сложные постановки, как «Большой Иван», «Иван царевич и серый волк»¹¹. Театр проводил серьезную работу не только на стационарных площадках, что отличало его от театров столичных. Гастроли в районы, обслуживание посевных и уборочных кампаний, выездные представления, проходившие на детских площадках города, в детских садах, лагерях, школах, стали для актеров привычным и постоянным явлением. Актеры с каждым выступлением и после каждой репетиции наращивали свой потенциал и повышали мастерство, приспособившись ко всем трудностям, и дарили зрителю плоды своей работы.

Творческий рост и гармонию нарушила Великая Отечественная война. В 1941 г. официально, на целых три года, закрывается и сам театр кукол. Тем не менее оставшиеся артисты, не более десяти человек, ни на один день не останавливали своей деятельности. В это тяжелое время коллектив театра вел большую общественно-шефскую работу по обслуживанию госпиталей, воинских частей, детей фронтовиков и в трудных военных условиях ни на минуту не прекращал своей самоотверженной работы в области художественного воспитания подрастающего поколения. После выступлений до самой ночи проходили репетиции, делались новые куклы и декорации. За эти годы театр не раз переезжал, ютился в маленьких подсобках, выделяемых под репетиции властями. Оставшиеся после закрытия театра актеры трудились с огромной самоотдачей и творческим напряжением, выпуская по восемь спек-

таклей в год. Все постановки оформляла художник Л. К. Мазурова, которая, как и еще 6 сотрудников театра — Скрипниченко, Туманова, Моногина, Седова и Чернышев и директор театра В. И. Максимова, была награждена медалью «За доблестный труд в Великой Отечественной войне 1941—1945 гг.»¹².

Несомненно, что именно к этому времени можно отнести появление пьес, написанных нашими земляками — артистами театра кукол. Именно они, сидя вечерами, писали веселые зарисовки для детей и агитационные пьесы для солдат, превратив всем известного Петрушку в красноармейца Петра Иваныча, безжалостно сражавшегося с Гитлером и мутузившего его над ширмой своей винтовкой. Текстов сценариев, к нашему глубокому сожалению, не сохранилось, но, бесспорно, к первым костромским драматургам, писавшим для театра кукол, можно отнести А. Г. Скрипниченко, которая к 1943 г., времени открытия театра, занимает место художественного руководителя. Газета «Северная правда», освещавшая выход в свет новой постановки «Сказка о мертвой царевне и о семи богатырях», писала об Антонине Григорьевне следующие строки: «В ее руках кукла живет, как настоящий человек. Жесты выразительны и точны. Зритель верит, что перед ним нежная русская девушка, страстно любящая своего жениха. Волнение, грусть, тоска и сомнение, вызванные житейскими невзгодами и, наконец, радость встречи с любимым человеком показаны артисткой просто и убедительно»¹³. И это не случайно, помимо работы режиссером она играла по несколько ролей в каждом спектакле, занималась с артистами, ставила интермедии и писала к ним сценарии.

Связанная судьбой с театром, А. Г. Скрипниченко, безусловно, относилась к тонкой прослойке интеллигенции. Всю жизнь она была беспартийной, но осознавая большую ответственность, в первую очередь перед людьми, всегда качественно и добросовестно выполняла свою работу и требовала этого от других. Все силы она бросала на помощь коллегам, на выполнение Госплана театра. При этом главным всегда было качество, так как театр кукол, в первую очередь, имеет не обычного зрителя, а самого маленького, которого не обманешь.

Антонина Григорьевна была очень мудрым режиссером, она не стремилась сформировать труппу в привычном понимании этого слова, она ее коллекционировала. Это был гениальный со-

став людей, искренне верных своему делу, ставших под чутким руководством своего режиссера настоящим профессиональным коллективом, известным и успешно выступающим за пределами своей страны. К каждому работнику она относилась бережно и участливо. Но что касалось дела, дисциплины, профессиональной этики, тут была требовательна и непреклонна.

Результаты работы не заставили себя долго ждать. В августе 1944 г. театр принял участие в смотре кукольных театров Ярославской области, где занял 2-е место. На смотре особо были отмечены лучшие постановки театра — «Красная шапочка» С. Маршака и «Митька в Кощеевом царстве» В. Каверина¹⁴. В 1946 г. на Всероссийском смотре детских театров также дается положительная оценка деятельности театра, ряд работников приказом Комитета по делам искусств при Совете Министров РСФСР от 26 сентября 1946 г. были премированы. Десять лет спустя на Всесоюзном фестивале детских театров спектакли «Золушка» Габбе и «Аленький цветочек» Карнауховой и Брусевич, поставленные А. С. Скрипниченко и художником В. И. Лебедевой, отмечены дипломом I степени. Еще через десятилетие театр кукол за большой вклад в эстетическое и патриотическое воспитание подрастающего поколения занесен в Книгу трудовой славы Костромской области и награжден серебряным дипломом¹⁵.

Богатый жизненный и творческий опыт Антонины Григорьевны, глубокое понимание детской психологии и задач, стоящих перед детским театром, дали возможность коллективу стать в один ряд с лучшими театрами Советского Союза¹⁶.

Уйдя на пенсию, А. Г. Скрипниченко долгие годы не могла расстаться со своим театром. Она входила в состав художественного совета, просматривая все сдаваемые спектакли и давая рекомендации, продолжала режиссерскую деятельность, учила молодые кадры. Вместе с тем она организовала детский кукольный театр «Колокольчик», о котором говорила: «Жизнь и работа по строгим и красивым законам в этом маленьком, но настоящем театре становится хорошей школой, где есть уроки доброты и уроки дружбы»¹⁷.

В 1969 г. должность главного режиссера театра занимает Анатолий Васильевич Горелов, ученик А. Г. Скрипниченко, стремившийся сохранить весь творческий багаж и манеру своего учителя, а также все лучшее, что было накоплено в жизни театра

за годы его существования. В архивных записях сохранилась маленькая характеристика, констатирующая лишь то, что А. В. Горелов — «актер, окончил театральную студию. Член КПСС. Работает в театре кукол с 1963 г. Местные газеты неоднократно отмечали его творческие успехи. Учился заочно на литфаке пединститута. Активный общественник»¹⁸. При нем театр значительно увеличил число театров-спутников, которые появились почти во всех районах области и состояли из детей, «зараженных» кукольным искусством. И это, пожалуй, тоже можно отнести к особенности и определенному уровню успеха Костромского театра. В марте 1970 г. был закрыт более чем на 10 лет стационар театра из-за аварийного состояния здания¹⁹. Все это время актеры, не прекращая своей работы, продолжали дарить радость своему зрителю, сталкиваясь на своем пути с целым рядом проблем: отсутствием места для репетиций, отказом в аренде площадок для выступлений, недостатком финансирования и т. д. Это редкий случай, когда театру, оказавшемуся в такой ситуации, удалось сохранить себя, не потерять популярности и творчески вырасти в провинции, и всё это благодаря людям, самоотверженно продолжавшим работать в такое нелегкое время.

1989 год ознаменовался приходом художественного руководителя А. И. Карасева. Новый режиссер сосредоточил свои силы на двух основных направлениях. Во-первых, большое внимание было уделено ежегодному проведению фестиваля «Театр и дети» и популяризации кукольного искусства на селе, в чем прослеживается продолжение сложившихся традиций. Во-вторых, театр начинает активные гастроли по СССР. Так, только в 1981 г. коллектив побывал в Архангельске, Новодвинске и Северодвинске²⁰, активно сотрудничал с театрами из Англии, Дании, ФРГ²¹, проводил гастрольные туры за границей. Во всем этом была заслуга людей, постоянно и качественно работающих в провинциальном театре кукол, людей, которых можно полноправно называть творческой интеллигенцией.

С 1986 г. главный режиссер театра — Вячеслав Августович Бредис, заслуженный артист РСФСР, ученик А. Г. Скрипниченко. «Многоплановый, страстный актер, актер большого творческого диапазона», — говорила она о нем. Более пятидесяти лет он пре-

данно служил театру, развивая лучшие творческие традиции, созданные в театре за все время его существования: эмоциональность, музыкальность, мастерскую работу с куклой²².

Придя в театр в 1959 г., В. А. Бредис с первых лет своей работы становится помощником режиссера и сам садится за написание новогодних интермедий и сценариев. Уже в 1961 г. он ставит авторский спектакль «Лесная мельница» и театрализованный концерт для взрослых²³, в 1965 г. написан и поставлен «Гусь задавка»²⁴. Более семидесяти спектаклей было поставлено Вячеславом Бредисом в театре. Автором двадцати пьес и около тридцати новогодних интермедий являлся он сам. На заседании художественного совета 4 октября 1968 г. была дана следующая оценка В. А. Бредису и его новогодней пьесе «Петрушкины гости»: «Пьеса хорошая, с тонким юмором. Песенки, стихи, загадки — хороши для детей. Автор у вас свой, и очень неплохой. Язык яркий, понятный. Он вполне доступен, ясен детям... пьеса очень понравилась. Она лучше тех пьес, которые я прочитала, хотя они написаны профессионалами. Тонкий юмор, тонкая сказка получилась у Бредиса»²⁵. Хочется отдельно отметить, что в Государственном архиве Костромской области хранится рукопись спектакля «Кого не возьмет Новый год» за 1970 год²⁶. Вышла она в Костроме тиражом 150 экземпляров, автор не указан. Исходя из времени написания и манеры письма и учитывая, что в те годы сказки к новогодним интермедиям писал только один местный драматург, можно с большой долей уверенности предположить, что написана она была Вячеславом Августовичем Бредисом. Еще одним его творением стала «Сказка о Иване Сусанине», написанная и поставленная им в 1985 г.²⁷ В. Бредис — неоднократный лауреат областной премии в сфере театрального искусства имени А. Н. Островского в номинации «Лучшая режиссерская работа»; лауреат муниципальной премии имени Д. С. Лихачева. Однако отдельно, как драматург, за свою жизнь он особо отмечен не был.

Одна из последних пьес, написанных В. Бредисом совместно с Е. Степаненко для Костромского театра кукол, — «Чудеса в шляпе». Она и сегодня присутствует в афише театра, собирая полные залы ребят.

Есть в репертуаре театра произведения, созданные нашими земляками совсем недавно, например сказка В. Елманова «Щед-

рое яблоко» (1989), посвященная шабловскому художнику Ефиму Честнякову: «Ефим рассказал сказку, а актеры помогали ему. Старый художник философствовал, раздумывал над смыслом жизни, но эту философию нетрудно будет понять и детишкам. Смысл таков: когда люди едины и разумны, то природа всегда будет отвечать им добром»²⁸. При ее постановке В. А. Бредис впервые в истории Костромского театра кукол использовал «паркетные куклы с ограниченной пластикой»²⁹. Драматург также написал для нашего театра «Феерию об алых парусах» (1990) и вертепную пьесу «Рождество Христа» (1991)³⁰. Последний «спектакль не только рассказывает о рождении Иисуса, об утверждении им царства добра на земле, но и воскрешает традиции народного празднования Рождества. С фольклорной точностью воспроизводятся святочные гулянья, бытовавшие именно в Костромской губернии, со всей их атрибутикой, с подлинными текстами деревенских и городских колядок»³¹.

Особую роль в истории становления и развития Костромского областного театра кукол сыграли местные драматурги. Безусловно относясь к творческой интеллигенции, они смогли образовать творческий симбиоз и дать мощный импульс драматургии провинциального театра. Так, в сложные для театра годы становления и поиска творческого пути, коллега А. Г. Скрипниченко — З. Н. Колтовская полностью перерабатывает и инсценирует пушкинскую «Сказку о мертвой царевне и семи богатырях», театр с большим успехом осуществил постановку этой вещи. Она же перерабатывает для театра пьесу А. Н. Островского «Снегурочка». Выход спектакля был приурочен к шестидесятилетию со дня смерти великого драматурга³². А спустя время, в 1947 г. театр ставит написанную для него местными авторами — З. Н. Колтовской и Ю. Гаушем (костромской журналист, театральный критик и драматург) оригинальную пьесу «Чудесный молоточек»³³. Несмотря на то что «пьесу несколько раз пришлось переделывать, на что потребовалось много времени, спектакль был сдан 29.06 на высокохудожественном уровне»³⁴. Постановка получила очень высокую оценку художественного совета театра, который подчеркнул глубокий вклад местных драматургов в развитие искусства. В 1957 г. Ю. Гауш пишет пьесу «Золотой лотос»³⁵, она была поставлена А. Г. Скрипниченко. Этим спектаклем открывался театральный сезон 1957/58 гг.³⁶

Актеры театра занимают обширную прослойку творческой интеллигенции. Несмотря на то что абсолютное большинство из них не имели никакого театрального образования, они сыграли огромную роль в становлении театра и в обогащении культурного пространства Костромской области. Всем тонкостям этой нелегкой работы их учили художественные руководители и старшие коллеги по цеху. Театр ежедневно давал по несколько спектаклей, неделями путешествовал с гастролями, наращивал свой репертуар. Получая мизерную зарплату, актеры каждый день продолжали выходить на подмостки, вставать за ширму, приносить радость детям.

Подводя итог, отметим, что роль творческой интеллигенции в истории Костромского края неопределима, ее вклад в становление и развитие Костромского областного театра кукол огромен. Актеры и режиссеры маленького провинциального театра сумели преодолеть все трудности на протяжении столь длинного и сложного периода в истории страны и сделать театр популярным и известным далеко за пределами родины. Характерно, что не только произведения столичных или известных за пределами России авторов ставятся на подмостках и ширмах театров, но и пьесы местных драматургов, писателей из провинции. Они популярны и несут зачастую гораздо большую смысловую и культурологическую нагрузку, они востребованы зрителем. Несмотря на то что их произведения не всегда составляют основную массу репертуара театра, их роль существенна. Изучение истории местного края сегодня крайне необходимо. Благодаря этому открываются иногда несправедливо забытые имена наших земляков, их творческое наследие, и тем самым заполняются пробелы в истории.

Примечания

- ¹ *Каганский В. Л.* Культурный ландшафт и советское обитаемое пространство : сб. ст. М., 2001. С. 78.
- ² *Кузмина В. М.* Вклад творческой интеллигенции Центрального Черноземья в индустриальную модернизацию российского общества (1921—1992 гг.) : автореф. дис. ... д-ра ист. наук. Курск, 2011. С. 3.
- ³ *Калмановский Е. С.* Искусство театра кукол — день сегодняшний // *Игламов Р. М.* Искусство играющих кукол. Казань, 2004. С. 7.
- ⁴ Государственный архив Костромской области (далее — ГАКО). Ф. Р-1481. Оп. 1.
- ⁵ Там же. Оп. 2. Д. 68а. Л. 8.

- ⁶ Там же. Д. 8. Л. 6.
- ⁷ Ведомственный архив Костромского областного театра кукол. Д. 3. Л. 5.
- ⁸ Там же. Д. 4. Л. 1—36.
- ⁹ *Степаненко Е.* Главный кукольник Костромы // Специальный выпуск журнала «Губернский дом» к 60-летию Костромской области. Кострома, 2004. № 5/6 (62/63). С. 156.
- ¹⁰ ГАКО. Ф. Р-1481. Оп. 1. Д. 4. Л. 4, 5.
- ¹¹ Там же. Л. 4—10.
- ¹² *Степаненко Е.* Указ. соч. С. 156.
- ¹³ ГАКО. Ф. Р-1481. Оп. 2. Д. 8. Л. 25.
- ¹⁴ Там же. Л. 3.
- ¹⁵ Костромской областной театр кукол, 70 лет. Кострома, 2006. С. 2—8.
- ¹⁶ *Степаненко Е.* Указ. соч. С. 157.
- ¹⁷ Там же. С. 159.
- ¹⁸ ГАКО. Ф. Р-1481. Оп. 3. Д. 75. Л. 34.
- ¹⁹ Там же. Д. 46. Л. 14.
- ²⁰ Там же. Д. 120. Л. 1.
- ²¹ Там же.
- ²² Костромской областной театр кукол. С. 9.
- ²³ ГАКО. Ф. Р-1481. Оп. 2. Д. 67. Л. 24.
- ²⁴ Там же. Оп. 3. Д. 8. Л. 2.
- ²⁵ Там же. Д. 31. Л. 2.
- ²⁶ Там же. Д. 48. Л. 1.
- ²⁷ Там же. Д. 142. Л. 27.
- ²⁸ Там же. Д. 158. Л. 3.
- ²⁹ Там же.
- ³⁰ Там же. Д. 162. Л. 3.
- ³¹ Там же.
- ³² Там же. Оп. 2. Д. 68. Л. 2.
- ³³ Там же. Д. 2. Л. 1.
- ³⁴ Там же. Л. 2.
- ³⁵ Там же. Д. 47. Л. 28.
- ³⁶ Там же. Д. 47а. Л. 14.

ПО СЛЕДАМ ПРОЧИТАННОГО

ББК 60.027.2-283.2

В. С. Меметов

ФИЛОСОФИЯ, ИНТЕЛЛИГЕНЦИЯ И ВЛАСТЬ

В 2010 году Санкт-Петербургский Гуманитарный университет профсоюзов выступил с замечательной инициативой — открыл новую книжную серию университета «Классика гуманитарной мысли». Этот издательский проект призван содействовать благородной цели — приобщению студентов и старшеклассников страны к наивысшим достижениям российских гуманитарных наук последних десятилетий. В данной серии по замыслу руководства и редакционно-издательского Совета СПбГУП будут опубликованы произведения наших современников — выдающихся представителей отечественного гуманитарного знания. На книги Николая Николаевича Скотова и Вячеслава Семеновича Степина, из этой серии, научными сотрудниками НИИ интеллигентоведения при Ивановском государственном университете уже опубликованы рецензии в первом номере журнала «Интеллигенция и мир» за 2012 год¹.

В настоящей рецензии речь пойдет о новой книге выдающегося ученого-исследователя, доктора философских наук, профессора, главного научного сотрудника Института философии Российской академии наук Вадима Михайловича Межуева «История, цивилизация, культура. Опыт философского истолкования»².

© Меметов В. С., 2012

Меметов Валерий Сергеевич — доктор исторических наук, профессор, профессор кафедры истории России Ивановского государственного университета, директор НИИ интеллигентоведения при ИвГУ, Заслуженный работник высшей школы РФ. vs_memetov@mail.ru

Согласимся с мнением ведущих культурологов страны³, представленном во ввводной статье, что всем научным трудам Вадима Михайловича свойственны проблематичность, новизна и гражданская публицистичность. Подчеркнем также, что автор стремится по-новому осмыслить такие важнейшие категории, как история, цивилизация и культура, дать им собственное философское истолкование.

Впечатляет и само содержание книги, которое включает анализ таких актуальных и важных проблем, как «Философия в системе культуры и образования», «Свобода как время и пространство культуры», «Культурные реалии современной эпохи», «Опыт культурологического прочтения марксизма», «Цивилизация в контексте философско-исторического знания», «Россия в поиске своей цивилизационной идентичности». Каждая из перечисленных тем представлена как самостоятельная глава с необходимым количеством параграфов, выступающих (по замыслу автора) в качестве разъяснения основных задач и проблем.

В многолетнем опыте философского истолкования перечисленных и иных проблем окружающего мира, Вадим Михайлович Межуев выделяет, прежде всего, **свободу** как общественную ценность. Она лежит в основе его исследовательской методологии.

Нельзя не согласиться с ученым, что о свободе написано огромное число книг. Она рассматривается с разных позиций и сторон — философской, религиозной, научной, правовой, нравственно-этической и т. д. Уже только это, по мнению автора, свидетельствует о том, что «свобода относится к числу **фундаментальных ценностей** человеческого существования. Человек, осознавший для себя ценность свободы, испытывает при ее отсутствии чувство дискомфорта, собственной неполноценности, невосполнимой утраты»⁴.

Свобода в качестве ценности, по мнению В. М. Межуева, впервые была открыта философами. С этого открытия и начинается, на взгляд ученого, философия, которую он определяет как самосознание человека в свободе, или просто как самосознание свободы. В мире различных человеческих интересов свобода одних людей реализуется за счет подавления свободы других, то есть в таком виде она предстает как привилегия.

Логика рассуждений автора выводит его на мысль, что синонимом свободы в современном обществе наемного труда является труд в свободное время. А такой труд сегодня может быть привилегией людей преимущественно творческих профессий, ибо никакое творчество нельзя уместить в рамки рабочего времени. В таком случае возникает вопрос, а может ли свободное время стать основным временем общественной жизни для массы людей? Ценность свободы, по мнению В. М. Межуева, возрастает для человека по мере того, как «возрастает его потребность не просто в свободном времени, которое и сегодня является для многих синонимом праздности и ничегонеделанья, но именно в труде, **измеряемом свободным временем** (выделено мной. — В. М.). Оно — это свободное время — то же время общественно-го производства, но такого, которое неотделимо от производства человеком самого себя как общественного существа»⁵.

Отсюда следуют и оригинальные выводы Вадима Михайловича: «Свободное время — это труд по призванию, по свободному выбору, диктуемому исключительно личной склонностью и одаренностью, зависящему лишь от степени собственной образованности и культуры». Свобода как общественная ценность выступает только для человека, осознающего себя личностью, индивидуальностью. И конечно же, счастливое время «никогда не наступит, если не будет свободным временем, то есть временем, принадлежавшим самому человеку, живущему в нем»⁶. Как верно и прекрасно сказано.

Весьма интересны и суждения В. М. Межуева о людях интеллектуального труда, людях свободных профессий. Здесь он отталкивается, идет в фарватере идей экономических рукописей К. Маркса, в которых дословно цитируются слова А. Смита, относящиеся к представителям свободных профессий: «Они **слуги общества** и содержатся на часть годового **труда других людей...** **К этому же классу** должны быть отнесены... священники, юристы, врачи, всякого рода писатели; актеры, паяцы, музыканты, оперные певцы, танцовщики и т. д.»⁷ Комментируя эти слова, Маркс пишет: «Все эти трансцендентные профессии, искони пользовавшиеся почетом — государь, судьи, офицеры, попы и т. д., — вся совокупность порожденных ими старых идеологических сословий, все принадлежащие к этим сословиям ученые,

магистры и попы... экономически приравниваются к толпе собственных лакеев и шутов буржуазии, которые содержатся ею и представителями праздного богатства — земельными собственниками и праздными капиталистами. Они просто **слуги** общества, подобно тому как другие — их слуги. Они живут на продукт **труда других людей**. Поэтому их число должно быть сокращено до неизбежного минимума»⁸.

В небольшом эссе вряд ли целесообразно подробно рассматривать все публикации В. М. Межуева, которые вошли в данное научное издание. Сосредоточим внимание, прежде всего, на интеллигентоведческом дискурсе выдающегося ученого.

Прежде всего отметим с удовлетворением, что Вадим Михайлович Межуев имеет собственное определение понятия «интеллигенция». По его мнению, «интеллигент по своей сути — это светский, секуляризованный священник, выступающий от имени какой-то идеологии». Он выполняет в обществе функцию идеолога, носителя и пропагандиста определенной системы идей, которую, как правило, заимствует из западных источников. Этим он опасен в качестве политика, так как свою власть он склонен отождествлять с властью собственной идеологии⁹.

Решая, как же перейти от традиционного общества к обществу гражданскому, как от самовластия перейти к демократии — Вадим Михайлович замечает, что на эти вопросы нет еще ответа ни в одной из всех известных на сегодняшний день идеологий, и в либеральной в той же мере, что и в социалистической. Обе они родились в Европе, когда гражданское общество там уже сложилось в ходе предшествующей истории. В России же, где гражданского общества никогда не было, все современные концепции модернизации и транзитологии оказались не в состоянии решить эту проблему¹⁰.

Свою, оригинальную точку зрения имеет В. М. Межуев и по вопросу национальной культуры. Он считает, что у нас была национальная культура, но не было нации, так как она еще сложилась не до конца. Мы потому и возвеличивали больше народ, чем нацию, отождествляли то и другое. Конечно же, Пушкин и Достоевский — классики нашей национальной культуры, которая, однако, долгое время была недоступна народу, хотя бы в силу его неграмотности. И поэтому носителем национальной куль-

туры была интеллигенция, тогда как народ оставался замкнутым преимущественно в рамках этнической культуры. Отсюда, считает он, и проблема народа и интеллигенции. Пока она существует, о сложившейся нации говорить рано. В развитых нациях нет противопоставления народа и интеллигенции — национальная культура, по его мнению, является здесь культурой каждого¹¹. Не менее интересны его рассуждения, собственно, о самой философии, философии культуры, что удалось совершить и о чем «мечтается». Вадим Михайлович справедливо считает философию — прародительницей всех идеологий. «Можно сказать, — замечает он, — проще: народами управляют боги, гражданским обществом — идеи, массовым обществом — технологии»¹². Себя он считает все-таки больше всего философом культуры. В начале своего жизненного пути он поставил перед собой задачу вписать проблематику культуры в исторический материализм. У самого Маркса, отмечает он, почти ничего не говорится о культуре, культура — не его понятие. Ученый полагает, что он был одним из первых в стране, кто попытался представить проблему культуры в качестве сквозной для всей истории классической философии Нового времени.

Вадим Михайлович был также одним из первых, кто начал писать о **науке как феномене культуры**. Спустя годы эта тема стала одной из ключевых в философии науки. Своей заслугой он считает и разработку в доперестроечный период проблематики **«духовного производства»**. Эта идея Маркса никем тогда в нашей социальной философии не разрабатывалась и соответственно не получила никакого отражения в учебной и научной литературе. К сожалению, в связи с общим отрицательным отношением к творческому наследию К. Маркса в последний период, она не нашла продолжения в современных философских исследованиях. Сегодня же большой и состоявшийся ученый претендует на разработку своей собственной **концепции философии культуры**, которая, на его взгляд, отличается от того, что предлагают в этом плане другие философы¹³.

Перечитывая страницы «опыта философского истолкования», ловишь себя на мысли, что беседуешь не только с крупным, умным Ученым, но и с прекрасным Человеком, который находится в постоянном поиске. Стоит лишь только привести его слова:

«Я все время пытаюсь понять, что значит **быть философом** в наше время... Философия культуры, в отличие от остальных философских дисциплин, позволяет, как мне кажется, в наибольшей степени проникнуть в специфику, особенность философского постижения действительности, понять, чем оно отличается от научного, религиозного, художественного ее постижения. Я думаю, между императивами “быть философом” и “быть человеком” существует какая-то важная связь, которая может быть понята лишь в границах определенной культуры. Философия культуры для меня — это философия не любой, а европейской культуры, в которой бытие человека не только постигается, но и формируется посредством философии»¹⁴.

Мне как человеку, занимающемуся около полувека вопросами генезиса, формирования, становления и развития интеллигенции, особенно близки слова В. М. Межуева о возрождении философии, ее истоках и возвращении. Вадим Михайлович пишет: «Философия возродится в России, когда философская мысль в ней вернется к своим истокам... к тем, что когда-то породили философию. Она возрождается, когда перед человеком встает задача обретения индивидуальной свободы. Оригинальная философия — это ведь всегда возвращение к истокам...» Уточняя свою мысль, он ниже подчеркивает: «...чтобы возникло новое, нужно вернуться к началу, переосмыслив его применительно к данному времени. Это то, что Ницше назвал вечным возвращением. Нужно быть одновременно и в своем времени, и в вечности»¹⁵.

Личное нравственно-этическое и интеллигентское кредо философ культуры В. М. Межуев выражает следующими словами: «Мир, безусловно, движем не только материальными, но и духовными целями — моральными, эстетическими, познавательными. Нельзя предавать культуру. Философ обязан защищать право культуры на существование в мире современной цивилизации». Также четко он формулирует и свою гражданскую позицию: «Мне не нравится общество, в котором главная роль принадлежит людям, делающим деньги. **Общество должно жить по законам культуры, а не рынка**»¹⁶.

Отвечая на вопрос своего коллеги Ю. М. Резника — можно ли в условиях глобализации и «массовизации» общества говорить о национальной идее? — В. М. Межуев ответил следующим об-

разом: «Я не против того, что мир становится единым. Важно лишь, чтобы в этом мире одни не извлекали выгоду за счет других. Я продолжаю исповедовать идеалы Нового времени — свободу, равенство, братство. Но пока не знаю, какой строй может защитить эти идеалы в мировом масштабе. Думаю, в этом направлении и пойдет основной философский поиск»¹⁷.

Примечания

- ¹ Меметов В. С., Усманов С. М. В лабиринтах техногенной цивилизации // Интеллигенция и мир. 2012. № 1 ; Комиссаров В. В., Калинин А. К. Интеллигент — человек, несущий свет // Там же.
- ² Межуев В. М. История, цивилизация, культура : опыт философского истолкования. СПб., 2011. 440 с. (Классика гуманитарной мысли. Вып. 2).
- ³ Запесоцкий А. С., Марков А. П. Идея культуры Вадима Межуева // Межуев В. М. История, цивилизация, культура. С. 9—32.
- ⁴ Межуев В. М. Указ. соч. С. 170.
- ⁵ Там же. С. 175—176.
- ⁶ Там же. С. 176—177.
- ⁷ Маркс К., Энгельс Ф. Собрание сочинений. Т. 26, ч. 1. С. 296.
- ⁸ Там же.
- ⁹ Межуев В. М. Указ. соч. С. 122.
- ¹⁰ Там же. С. 123.
- ¹¹ Там же. С. 126.
- ¹² Там же. С. 128.
- ¹³ Там же. С. 129—130.
- ¹⁴ Там же. С. 132.
- ¹⁵ Там же. С. 136.
- ¹⁶ Там же. С. 140—141.
- ¹⁷ Там же. С. 141.

АННОТАЦИИ

Комиссаров В. В. Функциональное значение паранауки в жизни советской интеллигенции 1960—80-х гг.

Ключевые понятия: интеллигенция, научные работники, наука, паранаука, научная фантастика.

Рассматривается формирование и становление в послевоенном СССР паранауки (альтернативной науки, псевдонауки), причины этого процесса, роль советской интеллигенции в данном явлении, социальная роль и последствия паранауки.

Ковалев С. В. Интеллигенция как генератор модернизации на Востоке в постколониальный период

Ключевые понятия: модернизация на Востоке, постколониальный период, социальная и политическая активность, раздвоенность интеллигенции.

Анализируется роль интеллигенции в совершенствовании внутрихозяйственных, политических, социальных механизмов стран Востока. Рассматриваются причины перехода от духовного и интеллектуального подъема в период завоевания и утверждения независимости к падению социальной и политической активности интеллигенции, ее культурной и этнической раздвоенности.

Макеев Д. А. Зарождение национальной интеллигенции Египта в период оккупационного режима (1882—1914 гг.)

Ключевые понятия: Египет колониального периода, британская оккупация Египта, зарождение египетской интеллигенции, сфера профессионального образования, националистическое движение в Египте.

Статья посвящена малоизученной проблеме образовательной политики Великобритании в Египте в колониальный период 1882—1914 гг. Предпринята попытка отразить непосредственную связь преобразований в сфере профессионального образования с процессом зарождения египетской интеллигенции. Отмечены факторы, способствовавшие росту рядов интеллигенции и ее участию в националистическом движении Египта.

Грачев С. И., Корнилов А. А. Деятельность российской эмигрантской интеллигенции в обществе «Беседа» г. Филадельфия (США)

Ключевые понятия: эмигрантская интеллигенция, «волны» эмиграции, просветительская деятельность, благотворительность, национальное самосознание, сплочение интеллигенции.

Изучаются основные направления деятельности русского культурно-просветительского и благотворительного общества «Беседа» г. Филадельфия, штат Пенсильвания, США. Рассматриваются исторические этапы и формы работы общества. Исследуется роль выдающихся деятелей культуры, представителей инженерной мысли, офицерства в развитии просветительской деятельности общества. Оценивается вклад общества «Беседа» в сплочение эмигрантской интеллигенции, в сохранение русского национального самосознания и российской культуры в США.

Костякова Ю. Б. Рабочие и сельские корреспонденты: оценка с позиций интеллигентоведения (на материалах Хакасии и горного Алтая)

Ключевые понятия: рабочие и сельские корреспонденты, интеллигенция, история Хакасии, история Горного Алтая, средства массовой информации.

Исследуется становление и развитие движения рабочих и сельских корреспондентов в Хакасии и Горном Алтае, выявляются особенности социального состава его участников. Определяются степень, основные мотивы и результаты участия в движении представителей интеллигенции, дается характеристика основным группам корреспондентов-интеллигентов, выделяются причины изменения их активности и отношения к сотрудничеству со СМИ в различные периоды 1920—80-х гг. Движение рассматривается как среда и стимул формирования интеллигенции в национальных автономиях Южной Сибири.

Репников А. В. Дневник Л. А. Тихомирова 1905—1907 гг.

Ключевые понятия: Л. А. Тихомиров, общественная мысль, революция, русский консерватизм, историческая биография, история политических партий.

Анализируется отражение на страницах дневника Л. А. Тихомирова основных революционных и общественно-политических событий 1905—1907 гг.

Герасимова О. Г. Одно лето из жизни Михайлова: советская действительность глазами югославского интеллигента

Ключевые понятия: Советский Союз, Югославия, интеллигенция, писатель, диссидент, жизнь, общество, студенты, изменения.

Рассказывается о поездке югославского филолога М. Михайлова в СССР в 1964 г. и о его попытке описать свои впечатления. Анализируются литературный репортаж М. Михайлова, история его написания, отзывы и воспоминания лиц, лично знавших автора.

Пронин А. А. Интеллигенция российского зарубежья в отечественных диссертациях (1980—2005 гг.)

Ключевые понятия: российская эмиграция, российское зарубежье, интеллигенция, диссертации, историография.

Доказывается появление эмигрантоведения как нового направления в отечественной гуманитаристике, отмечаются его основные тенденции, намечаются перспективы дальнейших исследований.

Родионова О. И. А. П. Чехов о русской интеллигенции

Ключевые понятия: письма А. П. Чехова, интеллигенция, «Вехи».

Рассматриваются характеристики и черты русской интеллигенции, зафиксированные в эпистолярном наследии А. П. Чехова. Взгляды А. П. Чехова сопоставляются с идеями русских философов — авторов сборника статей о русской интеллигенции «Вехи».

Задоров И. А. Творческая интеллигенция и Костромской областной театр кукол в контексте провинциальной культуры советского периода

Ключевые понятия: творческая интеллигенция, театр кукол, роль театра в провинциальной культуре, режиссер, актер, драматургия, писатель.

Рассматривается роль творческой интеллигенции в истории, становлении и развитии Костромского областного театра кукол. Показан вклад, сделанный людьми, относящимися к искусству играющей куклы, в культуру русской провинции в рамках Костромской области в советский период.

Меметов В. С. Философия, интеллигенция и власть

Ключевые понятия: интеллигенция, культура, национальная культура, интеллигенция и власть, философия культуры, цивилизационное развитие, образование и культура.

Представляются размышления над монографией доктора философских наук, профессора, главного научного сотрудника Института Философии Российской академии наук Вадима Михайловича Межуева «История, цивилизация, культура. Опыт философского истолкования», увидевшей свет в издательстве Санкт-Петербургского гуманитарного университета профсоюзов в 2011 г. Обращается внимание на широкий спектр изучаемых проблем, который включает в себя анализ таких актуальных и важных вопросов, как «Философия в системе культуры и образования», «Свобода как время и пространство культуры», «Культурные реалии современной эпохи», «Опыт культурологического прочтения марксизма», «Цивилизация в контексте философско-исторического знания», «Россия в поиске своей цивилизационной идентичности».

Komissarov V. V. Functional meaning of parasience in the life of the Soviet intelligentsia in 1960—80-s

Key-notions: intelligentsia, scientific workers, science, parasience, science fiction.

The article shows the formation and coming into being of the parasience (alternative science, pseudoscience), in the post-war the USSR, reasons for this process, the role of Soviet intelligentsia in this phenomenon, social role and consequences of parasience.

Kovalyov S. V. Intelligentsia as a generator of modernization in the East in the post-colonial period

Key-notions: modernization in the East, post-colonial period, fall of social and political activity of intelligentsia, cultural and ethnical division of intelligentsia.

The article shows the role of intelligentsia in the perfection of intraeconomic, political, social mechanisms in the Eastern countries in the post-colonial period. The reasons of transition from moral and intellectual rise in the period of gaining and confirmation of independence to the fall of the social and political activity of intelligentsia, its cultural and ethnical division are shown.

Makeev D. A. Origin of national intelligentsia of Egypt in the period of occupational mode (1882—1914)

Key-notions: Egypt of the colonial period, British occupation of Egypt, origin of Egyptian intelligentsia, sphere of professional education, nationalist movement in Egypt.

The article deals with the partially studied problem of the educational policy of Great Britain in Egypt in the colonial period 1882—1914. The author made an attempt to show the direct connection between the changes in the sphere of professional education and the process of Egyptian intelligentsia's origin. The factors promoting the growth of intelligentsia members and their participation in the nationalist movement in Egypt are mentioned.

Grachov S. I., Kornilov A. A. Activity of Russian emigrant intelligentsia in the society «Talk» in Philadelphia, USA

Key-notions: emigrant intelligentsia, «waves» of emigration, educational activity, charity, national consciousness, intelligentsia's unity.

The main directions of activity of Russian cultural, educational and charitable society «Talk» in Philadelphia, Pennsylvania, USA are studied. The historical stages and forms of society's work are shown. The role of the outstanding representatives of culture, engineering, officers in the development of educational activity of society is considered. The contribution of the society «Talk» to the emigrant intelligentsia's unity, to the preservation of Russian national consciousness and culture in the USA is estimated.

Kostyakova Y. B. Worker and rural correspondents: estimation from the positions of intelligentsia studies (on the materials of Khakassia and Mountain Altay)

Key-notions: Worker and rural correspondents, intelligentsia, history of Khakassia, history of Mountain Altay, mass media.

The article shows the formation and development of the movement of worker and rural correspondents in Khakassia and Mountain Altay, the peculiarities of social composition of its participants are shown. The author estimates the movement from the positions of intelligentsia studies: the degree, the main motives and results of intelligentsia representatives' participation in the movement are defined; the characteristics of the main groups of correspondents-intellectuals are given, the reasons of changes in their activity and attitude to the cooperation with mass media in different periods of 1920—1980-s are shown. The author shows the movement as a sphere and stimulus of intelligentsia's formation in the national autonomies of the South Siberia.

Repnikov A. V. Diary of L. A. Tikhomirov in 1905—1907

Key-notions: L. A. Tikhomirov, public thought, revolution, Russian conservatism, historical biography, history of political parties.

The article analyses the reflection of the main revolutionary and socio-political events of 1905—1907 in L. A. Tikhomirov's diary.

Gerasimova O. G. One summer of Mikhailov's life: Soviet reality described by Yugoslavian intellectual

Key-notions: The Soviet Union, Yugoslavia, intelligentsia, writer, dissident, life, society, students, changes.

The article describes the journey of Yugoslavian philologist M. Mikhailov to the USSR in 1964-th and his attempt to reflect on his impressions. The work is written in living language, it contains the analysis of

the literary reporting by M. Mikhailov, the history of its writing, reviews and memoirs of the people who knew M. Mikhailov personally.

Pronin A. A. *Intelligentsia of Russian abroad in Russian dissertations (1980—2005)*

Key-notions: Russian emigration, Russian abroad, intelligentsia, dissertations, historiography.

The article proves the appearance of emigrants' studies as a new direction in Russian Humanities, it shows the basic tendencies and prospects of further researches.

Rodionova O. I. *A. P. Chekhov about Russian intelligentsia*

Key-notions: A. P. Chekhov, letters by A. P. Chekhov, intelligentsia, «Vekhi».

The article shows characteristics and features of Russian intelligentsia, fixed in epistolary heritage of A.P. Chekhov. The opinions of A.P. Chekhov are compared with the ideas of Russian philosophers — authors of the collection of articles about Russian intelligentsia «Vekhi».

Zadorov I. A. *Creative intelligentsia and Kostroma regional puppet theatre in the context of provincial culture of Soviet period*

Key-notions: creative intelligentsia, puppet theatre, role of the theatre in provincial culture, director, actor, dramatic art, writer.

The role of creative intelligentsia in the history, formation and development of the regional puppet theatre of Kostroma is shown. The contribution made by the people relating to the art of a playing puppet, to the culture of Russian province within the Kostroma region in the Soviet period is stressed.

Memetov V. S. *Philosophy, intelligentsia and authority*

Key-notions: intelligentsia, culture, national culture, intelligentsia and authority, philosophy of culture, civil development, education and culture.

The article shows the reflections on the monograph «History, civilization, culture. Experience of philosophical interpretation» by PhD, professor, the leading scientific worker of the Institute of Philosophy of Russian Academy of Science Vadim Mikhailovich Mezhyev, published in 2011 in the publishing house of St. Petersburg Humanitarian University of Trade Unions. Much attention is paid to the wide spectrum of the studied problems which includes the analysis of such actual and important questions as «Philosophy in the system of culture and education», «Freedom as time and space of culture», «Cultural realities of the contemporary époque», «Experience of culturological reading of Marxism», «Civilization in the context of philo-

sophical-historical knowledge», «Russia in the search of its civilization identity».

Информация для авторов

Редколлегия междисциплинарного журнала социально-гуманитарных наук «Интеллигенция и мир» приглашает к сотрудничеству ведущих специалистов и начинающих исследователей, работающих в различных сферах гуманитарного знания. С 2010 года наш журнал включен в Перечень ведущих рецензируемых научных журналов и изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание учёной степени доктора и кандидата наук по историческим, философским и политическим наукам. Материалы журнала размещены в Научной электронной библиотеке (e-library.ru) и Восточно-европейской электронной библиотеке (www.cceol.com)

Мы будем рады видеть на страницах журнала «Интеллигенция и мир» Ваши публикации по следующим **актуальным проблемам** современной науки:

- **Актуальные проблемы современного интеллигентоведения;**
- **Генезис, становление, развитие и деятельность интеллигенции;**
- **Роль интеллигенции в развитии государственности и культуры России и зарубежных стран;**
- **Интеллигенция и общество в современных условиях;**
- **Роль личности в мировой и отечественной культуре и истории;**
- **Международные отношения и личность;**
- **Роль религии в развитии мировой культуры;**
- **Учебно-методические проблемы преподавания интеллигентоведения и других дисциплин социально-гуманитарного цикла;**
- **Рецензии на научные издания и диссертации, хроника научной жизни;**
- **Из архивных фондов: публикация исторических источников.**

Требования к оформлению статей

1. В журнал принимаются материалы в электронном виде на дискете стандартного формата с приложением одного экземпляра распечатки на белой бумаге.

Максимальный размер статьи — 1,0 авт. л. (20 страниц текста через 1,5 интервала, 30 строк на странице формата А4, не более 65 знаков в строке, выделенного в редакторе Microsoft Word шрифтом Times New Roman или Times New Roman Cyr, кегль 14), сообщения — 0,5 авт. л. (10 страниц).

2. Материал для журнала должен быть оформлен в следующей последовательности: **ББК** (в библиографическом отделе библиотеки ИвГУ); на русском и английском языках: **инициалы и фамилия автора, название материала**, для научных статей — **аннотация** (объемом 10—15 строк), **ключевые слова**; **текст статьи** (сообщения).

3. Библиографическое описание литературных источников к статье оформляется в соответствии с ГОСТами 7.1—2003, 7.0.5—2008. В выходных сведениях обязательно указание издательства и количества страниц, в ссылке на электронный ресурс — даты обращения.

4. Фотографии, прилагаемые к статье, должны быть черно-белыми, контрастными, рисунки — четкими.

5. В конце представленных материалов следует указать фамилию, имя, отчество автора, полный почтовый адрес, телефон, ученую степень, звание, должность и место работы, контактную информацию (e-mail или телефон). Материал должен быть подписан всеми авторами.

6. Направление в редакцию ранее опубликованных и принятых к печати в других изданиях работ не допускается.

7. Материалы, представляемые к публикации в журнале, должны пройти научную экспертизу и сопровождаться положительной рецензией.

8. Редакция оставляет за собой право осуществлять литературную правку, корректирование и сокращение текстов статей.

9. Рукописи аспирантов публикуются бесплатно.

Уважаемые коллеги!

В издательстве Ивановского госуниверситета вышли в свет коллективная монография и сборник научных и учебно-методических материалов, подготовленные Межвузовским Центром гуманитарного образования по политологии, политической культуре и мировой политике.

Издания адресованы научным работникам и преподавателям высшей школы, а также всем, интересующимся проблемами интеллигенции.

ПРОБЛЕМЫ ТЕОРИИ И МЕТОДОЛОГИИ ИССЛЕДОВАНИЯ ИНТЕЛЛИГЕНЦИИ

В издании анализируются дискуссионные проблемы интеллигентоведения и теоретико-методологические аспекты феномена интеллигенции с древнейших времен по настоящее время. Коллектив авторов с позиций истории, философии, филологии, политологии и других наук рассматривает интеллигенцию в рамках комплексного междисциплинарного подхода.

**ИНТЕЛЛИГЕНТОВЕДЕНИЕ
В СИСТЕМЕ ГУМАНИТАРНЫХ НАУК:
ИССЛЕДОВАНИЯ И УЧЕБНО-
МЕТОДИЧЕСКИЕ РАЗРАБОТКИ**

Сборник посвящен проблемам интеллигентоведения в их историческом, философском, политологическом, культурологическом и методическом аспектах. Интеллигентоведение рассматривается как самостоятельная отрасль научного знания, изучающая генезис, формирование, становление, развитие и деятельность интеллигенции.

Заявки на приобретение

Вы можете высылать по адресу:

153025 г. Иваново, ул. Ермака, 39
Ивановский государственный университет,
кафедра истории и культуры России.

E-mail: vs_memetov@mail.ru

Стоимость одного экземпляра составляет 150 руб.
Книги будут Вам высланы наложенным платежом
с учетом стоимости упаковки и пересылки.

ИНТЕЛЛИГЕНЦИЯ И МИР
Российский междисциплинарный журнал
социально-гуманитарных наук

2012 № 3

Директор издательства *Л. В. Михеева*
Редактор *М. Б. Балябина*
Технический редактор *И. С. Сибирева*
Компьютерная верстка *Н. Г. Юркин, Т. Б. Земскова*

Подписано в печать 20.09.2012 г.
Формат 60 × 84¹/₁₆. Бумага писчая. Печать плоская.
Усл. печ. л. 9,77. Уч.-изд. л. 8,2. Тираж 300 экз.

Адрес редакции: 153025 Иваново, ул. Ермака, 39
Факс: (4932) 32-66-00 **E-mail:** vs_memetov@mail.ru

Издательство «Ивановский государственный университет»
✉ 153025 Иваново, ул. Ермака, 39
☎ (4932) 93-43-41 **E-mail:** publisher@ivanovo.ac.ru

Типография ГОУ СПО «Ивановский энергетический колледж»
✉ 153025 Иваново, ул. Ермака, 41
☎ (4932) 32-50-89 Адрес в Интернете www.tip1.ru